

*Научно-документальная серия книг
«Реабилитированные историей»*

Вера ФАБИАНСКАЯ

ИЗ НЕБЫТИЯ

Очерки о репрессиях
20–50-х годов

Одесса ♦ «Друк» ♦ 2003

ББК 00.000.00000
Ф 000
УДК 00.000.00000

Фабианская В. А.
Ф 000 Из небытия: Очерки о репрессиях 20–50-х годов. — Одесса: Друк, 2003. — 176 с., илл.

*Одесская областная редколлегия
серии «Реабилитированные историей»:*

**Л. Г. Белоусова, Е. М. Голубовский, А. В. Гонтар,
Л. В. Ковальчук (председатель), С. В. Мартыновский,
А. А. Мисюк, Г. А. Разумов, Е. Л. Стрельцов, А. И. Уемов,
А. В. Фесик, Б. Г. Херсонский**

ISBN 000-000-000-0

De profundis (Из глубин)

Когда-то, во второй половине прошлого века, в нашу культуру, благодаря прозе Эрнста Хемингуэя, вошли строки английского барочного поэта XVII века Джона Донна: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек — часть Материка, и если Волной снежет в море береговой Утес, меньше станет Европа, <...> смерть каждого Человека умалет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе».

Именно так, в единстве с миром и людьми, с постоянным чувством ответственности и сопричастности всему происходящему, живет Вера Александровна Фабианская — добрый и мудрый человек, наш Учитель по профессии и по жизни.

Последние несколько лет, завершив преподавание на филологическом факультете Одесского госуниверситета, Вера Александровна работает научным сотрудником Одесского академического центра по Всеукраинской государственной программе «Реабилитированные историей». Задача этой программы — восстановление исторической правды о массовых репрессиях, совершавшихся в СССР на протяжении всего периода его существования, и увековечение памяти о жертвах советского тоталитаризма.

Книга В. А. Фабианской повествует о разных людях — писателях, юристах, врачах, военных, преподавателях, рабочих и многих-многих других, она возвращает из небытия, из глубин минувшего века образы людей, пострадавших от массовых политических репрессий. Автор рассказывает о судьбах, перипетии которых подчас более неожиданны, чем любой беллетристический вымысел, но всегда — о судьбах трагических.

И нравственная основа книги — глубокое сострадание мученикам, уважение и восхищение человеческим мужеством и достоинством, христианское прощение ошибок и слабостей, брезгливость к подлости и низости.

Каждая рассказанная история основывается на реальных документах, хранящихся в архивно-следственных делах одесского управления Службы безопасности Украины. Некогда, в 20–80-е годы прошлого века, одесские ЧК — ГПУ — НКВД — КГБ вели следственные дела на десятки тысяч людей, в большинстве своем ни в чем не повинных. Часть этих дел сохранилась и стала за прошедшие годы архивными и прекращенными. Но открытого доступа к ним до сих пор нет, хотя эти документы являются уникальнейшим источником, свидетельствующим о нашей трагической истории. Поэтому работа В. А. Фабианской очень важна не только в этическом плане, но и в историческом: на примере конкретных человеческих судеб она воссоздает прошлое, его дух, нравы, обычаи и представления. Живая история, история в лицах, воскрешаемая последовательно, десятилетие за десятилетием, — основной замысел книги.

Особое внимание уделено пику террора, 30–40-м годам. Личный опыт автора, память об атмосфере тех десятилетий с их шпиономанией и постоянным поиском «врагов народа», жизнь в оккупированной немецко-румынскими войсками Одессе, участие в комсомольском подполье, личное знакомство со многими людьми, выжившими в годы войны и пострадавшими от репрессий в послевоенные годы, делают книгу очень точным свидетельством эпохи.

Жанр созданных очерков — художественно-документальный. Да, в основе их подлинны и долгие годы остававшиеся секретными документы. Но не менее ценно то, что они не только описаны, а и сопоставлены, проанализированы и одновременно глубоко эмоционально пережиты. Биографические детали, факты, упоминаемые арестованными в протоколах допросов, личные документы, приложенные к делу, письма заключенных и их родственников дают толчок авторскому воображению Веры Александровны. Но это не произвольный вымысел, а очень точный и корректный домысел человека, жившего в те же годы, в той же стране, в том же городе, что и герои очерков, — в нашей любимой Одессе.

Большое спасибо Вере Александровне за эту книгу, за свет и тепло, которое она дарит всем нам, и просто за то, что она есть.

Дай Бог сил и душевного спокойствия нашему дорогому и любимому Человеку.

**Анна БЕНЬКОВСКАЯ,
Лидия КОВАЛЬЧУК**

*Душа моя, печальница
О всех в кругу моем,
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем.*

Борис Пастернак, «Душа»

От автора

Предлагаемые читателю очерки — результат работы автора в рамках историко-исследовательской программы «Одесский Мартиролог» и государственной программы издания серии книг «Реабилитированные историей». В их основе лежат материалы прекращенных следственных дел из архива управления Службы безопасности Украины в Одесской области: протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, письма и заявления заключенных и их родственников, постановления репрессивных органов различных уровней, приговоры судебных инстанций, акты о расстрелах и описи имущества, сведения о реабилитации.

В цитируемых документах сохранены стилистические и орфографические особенности оригиналов.

Появление этой книги было бы невозможно без помощи директора Одесского академического центра кандидата филологических наук Лидии Всеволодовны Ковальчук, руководителя компьютерной программы «Одесский Мартиролог» Георгия Александровича Разумова, сотрудников архива УСБУ в Одесской области, а также финансовой поддержки продолжателей традиций отечественного меценатства — Этери Валерьяновны Аробелидзе и Евгения Петровича Воротынского.

Всем им — моя глубокая признательность и благодарность.

«БЫВШИЕ ЛЮДИ»

1. Новая притча о блудном сыне

Владимир Анатра по достижении совершеннолетия нарушил семейные традиции. Он не стал финансистом, промышленником или негодником, как его отец и ближайшие родственники. Он поступил на юридический факультет Новороссийского университета. Диплом юриста получил в 1905 году и на протяжении трех лет, совпавших с периодом реакции после поражения первой русской революции, подвизался в роли кандидата на какую-нибудь судебную должность в одесском окружном суде. Когда же пришло время занять место судьи, он уехал за границу, не чувствуя себя способным приговаривать людей к смертной казни, введенной в России Петром Столыпиным. Возвратиться домой заставила смерть отца — Анжело Анатра, известного одесского миллионера.

С 1910 года Владимир Анжелович — владелец 300-тысячного капитала, двух городских домов, загородного особняка-дачи, имения в селе Кошарка Тираспольского уезда, где его избирают мировым судьей. В 1914–1917 годах он принимает на себя обязанности уполномоченного по делам беженцев из районов, охваченных войной. Ему по душе было мирить и спасать.

В 1917 году его ближайшие родственники эмигрируют в Западную Европу. Владимир Анатра отказывается следовать их примеру. «...Муж считал, что он сможет работать при советской вла-

В очерке использованы материалы архивно-следственных дел № 26912-п и № 25562-п

сти», — так пояснила его отказ Вера Николаевна Анатра 10 мая 1949 года на допросе в управлении госбезопасности. По-видимому, сын миллионера принадлежал к довольно многочисленной группе российских интеллигентов, которым социалистическая революция представлялась по Н. Г. Чернышевскому — «невестой всех невест». Этот образ не смогли разрушить ни события гражданской войны, ни экспроприация почти всего принадлежавшего ему имущества. Он не примкнул к белым. В 1920 году, когда советскому правительству понадобился опыт «старых спецов», пошел служить в Губвоенпродснаб.

Делопроизводитель — командир транспортного отряда — заведующий аграрным отделом в Цувоенпромхозе — заведующий базовыми складами карантинно-пограничного пункта — таков послужной описок В. А. Анатра за три года сотрудничества с новой властью. Но наступило время, когда в хозяйственной сфере началось вытеснение «старых спецов» спешно подготовленными кадрами с партбилетами, и потомственный почетный гражданин Одессы остался без работы. «Несмотря на все свои старания и хорошие аттестаты, я целый год не мог устроиться и вынужден был жить продажей вещей, которых у меня было немного, — писал он в своих показаниях ГПУ 15 июня 1925 года. — Больше всего меня заедали налоги, и все деньги, вырученные от продажи, я тратил на выплату налогов» (взимаемых за владение дачей — *В. Ф.*).

Так дипломированный юрист, свободно говоривший на шести языках, вполне лояльно относившийся к советской власти, прочно занял место в социальной группе, именуемой «бывшие люди». Иллюзии развеялись: «невеста всех невест» по отношению к некогда привилегированным сословиям обернулась жестоким Молохом.

Осознав допущенную ошибку, Владимир Анатра попытался возвратиться в лоно покинутого им семейства, но разрешения на выезд за границу не получил. Счастливый финал старой притчи о «блудном сыне» в новой ситуации отменялся. Отчаяние подтолкнуло к поискам нелегальных способов пересечения границы, и вскоре он попал в поле зрения работников ГПУ.

Как ни странно, его не торопились арестовывать.

В середине 20-х годов чекисты «разрабатывали» в Приднестровье группу монархистски настроенных зажиточных крестьян. Внедрившись в их ряды, агенты ГПУ должны были изолировать заговорщиков, не навлекая на себя подозрений. Фигура бывшего помещика из Кошарки, пожелавшего покинуть страну, показалась им подходящей для ведения сложной игры. Через одного из приятелей Владимира Анатра ему предложили сопровождать депутацию крестьян за границу, к великому князю Николаю Николаевичу. «Сопровождающего» даже снабдили деньгами на дорожные расходы. Переход границы назначили на весну 1924 года, сборы — в селе Гроссулово. Затем разыграли инсценировку якобы не состоявшегося по объективным причинам побега.

Ничего не подозревая, Владимир Анатра описывал на допросе в одесском окротделе ГПУ свой неудавшийся побег: «На мой вопрос, кто нас перевезет, мне сказали, что в селе Дойбанах на Днестре живет некто Сандул, который часто бывает в Бессарабии и нас перевезет, что там все готово... Когда мы приехали в Дойбаны, то оказалось, что там никого нет... Через час Трофимов привел Ткаченко, который нам сказал, чтобы мы ехали в Гояны и что он туда приедет с Сандулом. Вскоре после нашего приезда в Гояны пришел Ткаченко без Сандула и сказал, что Сандула нет, но что к ночи он придет. Часов в 11 вечера пришел Сандул, который показался мне полупомешанным. На мой вопрос, есть ли лодка, он сказал, что нет, и предложил переправиться вплавь. Я отказался, так как со мною был чемодан со всеми моими вещами. Я его спросил, имеет ли он разрешение, как мне говорил Ткаченко, перевести нас через Бессарабию. Он сказал, что не имеет и что нас там арестуют. Несмотря на все уговоры я отказался ехать без разрешения и решил вернуться в Одессу. Сандул переговорил с Ткаченко, обещал на следующую же ночь привезти разрешение и переплыл Днестр. На следующую ночь Сандул не пришел; так как нам опасно было оставаться в пограничной полосе, Ткаченко предложил нам поехать к его знакомым на хутор и подождать Сандула там. Мы согласились. Хутор оказался не в 40–50 верстах, как говорил Ткаченко, а гораздо дальше, так что мы ехали

целый день и только поздно вечером приехали на хутор Крушельницкий, в 5 верстах от станции Слободка. Там мы прождали Сандула 10 или 12 дней, наконец он приехал и заявил, что румыны категорически отказываются пропустить нас через Бессарабию. Я решил ехать домой».

Вскоре члены крестьянской депутации вместе с Сандулом были арестованы. Владимир Анатра оставался на свободе, и среди членов крестьянского земского союза поползли слухи о его предательстве.

В августе — сентябре 1924 года Ткаченко безвозмездно поселился на даче Анатра на Французском бульваре и за его счет принимал курс морских ванн и массажа, а через пару месяцев Владимир Анжелович узнал, что его постоялец и некоторые другие знакомые из Приднестровья — тайные агенты ГПУ. Связанные с этим эпизодом показания достойны войти в сценарий детектива.

«В первых числах декабря я шел вечером по Пироговской улице и заметил, что какой-то человек с поднятым воротником в военной шинели усиленно за мною следит. Я подошел вплотную к этому человеку и узнал в нем Тита Ивановича Крушельницкого (одного из владельцев хутора — В. Ф.). Я очень удивился и спросил его, что это за таинственность и почему, если он в Одессе, то не зашел ко мне, а идет за мною следом вот уже полчаса. Тит Иванович ответил, что он давно хотел со мною о многом поговорить, но не решался, и если бы я его не узнал, то он так бы мне ничего не сказал. Но раз я его встретил, то он просит назначить ему время и место для разговоров. Мы с ним тогда же вечером пришли на Куликово поле и около разрушенной станции трамвая он сказал мне следующее:

— Владимир Анжелович, дайте мне слово, что то, что я сейчас скажу вам, останется между нами, и вы никому ничего не скажете.

Я дал ему обещание, и он мне рассказал, что Емельян Ткаченко, он же Боровский, провокатор, что его, Крушельницкого, хутор служит Боровскому надежным убежищем для его провокационных целей, что Крыжановский (человек, связавший Анатра с

монархистами и ссудивший его деньгами для побега — В. Ф.)... тоже провокатор, и что я попал в сети провокаторов и он меня очень жалеет».

После показаний В. А. Анатра 15 июня 1925 года у окротдела ГПУ было достаточно оснований для его ареста. Но он оставался на свободе еще около года, поскольку чекисты, продолжавшие операции в Приднестровье, все еще нуждались в нем как в прикрытии.

По показаниям Т. И. Крушельницкого (архивно-следственное дело № 12701-п), надобность в его хуторе у чекистов отпала в 1926 году. Тогда же, 13 мая, был арестован В. А. Анатра: «материал» считался «отработанным».

В одесском окротделе ГПУ знали, с чьей подачи Анатра стал членом контрреволюционной организации (статья 60 УК УССР в редакции 1922 года), и с первых же дней его заключения оформляли его на трехлетнюю высылку в Соловки — по тем временам стандартная мера пресечения для «социально опасных элементов». После ареста составляется акт медицинского обследования, в котором говорится, что заключенный жалуется на ревматические боли и на болезнь сердца и почек. «При обследовании обнаружено: правая граница сердца отодвинута вправо за пределы нормы. Тоны сердца глуховаты... Изложенное не может служить препятствием к высылке в Соловки при условии предоставления возможности лечения».

Протокол допроса В. А. Анатра от 18 мая 1926 года — во многом повторение его собственноручных показаний, врученных Владимиром Анжеловичем следователю 15 июня 1925 года. Но теперь тот же следователь прибавил в конце две фразы: «Я должен был ехать за границу как представитель местного крестьянского съезда... основной задачей данного союза было свержение Советской власти».

Владимир Анатра после ареста

Почему поставил свою подпись под этим протоколом бывший юрист Анатра? Видел ли то, что подписывал? А может быть, он предпочел обвинение в контрреволюционном заговоре той неприглядной роли, которую его обманом заставили сыграть в деле о крестьянском союзе? Кто знает?..

Свидетели по делу, естественно, не допрашивались.

Заключительное постановление по делу, датированное 23 июня 1926 года, производит странное впечатление. Кажется, будто его составляли два разных человека. В констатирующей части содержатся плоды неумной следовательской фантазии: якобы в период гражданской войны Анатра, «по агентурным данным, принимал участие в формировании крестьянских антибольшевистских отрядов», «при установлении Советской власти скрывался», «в начале 1924 года вступил в контрреволюционную организацию, именовавшую себя крестьянским земским союзом». В постановляющей же части предлагается «возбудить ходатайство перед Особым совещанием при коллегии ГПУ УССР о высылке гр-на Анатра из пределов г. Одессы и его округа в Соловки, сроком на 3 года». Наказание явно не соответствует якобы установленному преступлению.

Здесь же приводятся мотивы, по которым судебное разбирательство по делу нежелательно: разработка контрреволюционного подполья «велась нашим закордонным агентом через Анатра» и предание суду «вызвало бы расширение методов работы нашей закордонной агентуры», что признано было «нецелесообразным». Нечелесообразность судебного процесса над В. А. Анатра была в тот же день подтверждена и одесской окружной прокуратурой.

20 июля 1926 года Особое совещание при коллегии ГПУ УССР возбудило ходатайство перед ОГПУ «о заключении Анатра Владимира Анжеловича в концлагерь на 3 года». Замена высылки концлагерем несколько сглаживала контраст между констатирующей и постановляющей частями обвинительного заключения, поступившего из одесского окротодела ГПУ.

Принятое решение отправили на утверждение в Москву. Но на Лубянке не сочли возможным оставлять в живых человека,

знавшего имена агентов их ведомства, и 20 сентября 1926 года Особое совещание при коллегии ОГПУ обратилось с ходатайством в Президиум ЦИКа СССР о предоставлении ему «права вынесения внесудебного приговора по настоящему делу». Через четыре дня ходатайство было удовлетворено.

11 октября 1926 года Коллегия ОГПУ на своем судебном заседании приняла внесудебный приговор о расстреле Владимира Анжеловича Анатра. Внесудебный приговор приведен в исполнение 2 февраля 1927 года комендантом ГПУ УССР в Харькове, куда был этапирован заключенный. При казни присутствовали помощник Харьковского окружного прокурора и дежурный помощник коменданта.

В. А. Анатра реабилитирован прокуратурой Одесской области 25 июля 1994 года в соответствии со статьей 1 Закона УССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года. В заключении облпрокуратуры говорится: «Никаких доказательств участия в контрреволюционной организации В. А. Анатра в деле нет».

Дело в отношении Владимира Анжеловича Анатра представляет интерес не только с точки зрения методов расправы над одним из «бывших людей». В нем имеются материалы, которые указывают на пренебрежение, выказываемое органами ГПУ в адрес органов юстиции. Возглавлявший Генпрокуратуру и Наркомат юстиции УССР Н. А. Скрыпник был против бессудных расправ в середине 20-х годов вообще и в отношении В. А. Анатра в частности. Отражением споров по этому вопросу между ним и председателем ГПУ УССР Балицким явился следующий документ, подписанный последним 17 января 1927 года и направленный заместителю председателя ОГПУ Ягоде: «Тов. Скрыпник сообщил мне, что в бытность его в Москве он с Вами договорился о новом рассмотрении дела Анатра Владимира Анжеловича в Чрезвычайном Харьковском суде. Прошу подтвердить настоящее».

Подтверждение в деле отсутствует. В нем не было необходимости при наличии в деле двукратных напоминаний, направленных из ОГПУ при Совете народных комиссаров СССР в Харьков:

«поспешить исполнением постановления о расстреле, принятого Коллегией 11 октября 1926 года». О поражении в споре с председателем республиканского ГПУ генпрокурора и наркома юстиции УССР свидетельствует и дальнейший ход событий: в 1927 году Н. А. Скрыпник был переведен на должность наркома просвещения Украины. Вскоре он будет объявлен врагом народа и расстрелян. Член коммунистической партии с 1897 года, один из организаторов КП(б)У переживет одного из «бывших людей» на каких-нибудь шесть лет.

2. История Золушки, утратившей принца

«Я боялась таких людей, как она, так как она не нашего класса».

Из показаний свидетельницы по делу В. Н. Анатра

Верочка Бородина осиротела в раннем детстве. Маленькую москвичку приняла в свою семью ее одесская тетушка, чиновница Мария Степановна Скарлато. Девочке дали возможность окончить гимназию, но и потребовали от нее помощи в ведении домашнего хозяйства. Когда Верочке исполнилось восемнадцать лет, к ней из сказки наведальась добрая фея с волшебной палочкой. Иначе как объяснить, что круглая сирота и бесприданница стала женой сына миллионера? На каком балу встретились гимназистка и студент-юрист, неведомо. Скорее всего, на благотворительном, поскольку отец Владимира, будущего жениха, удачливый негодянт Анжело Анатра входил в состав попечительских советов чуть ли не половины учебных заведений города.

Для Верочки Бородиной — теперь уже Веры Николаевны Анатра — началась сказочная жизнь: балы, изысканные наряды, услуги горничных в собственном особняке, путешествия по Италии, Франции, Австрии, Германии... Так продолжалось целых пятнадцать лет. А потом фея с волшебной палочкой куда-то исчезла и вместо нее явилась Революция, которая отняла сначала богатство, а потом и мужа — милого, простодушного принца.

Вере Николаевне предстояло в одиночестве одолеть путь, предназначенный для «бывших людей», — от роскоши к нищете.

Долгий и трудный путь. Вера Николаевна не чуралась никакой работы. Она была сиделкой у постели тяжело больных, воспитательницей детей у новых хозяев жизни, поводырем у слепого, швейей... Вот когда пригодилась школа сиротства, пройденная в доме чиновника Скарлато.

В конце 30-х годов она вдруг поверила в возможность избавиться от клейма «бывшая». На курсах банковских служащих при Одесском кредитно-экономическом институте, где она работала курьером, заметили ее грамотность, распорядительность, интеллигентность и назначили секретарем.

О том, как она старалась утвердиться в звании совслужащей, говорят записи в ее трудовой книжке:

«21 февраля 1939 года. Объявлена благодарность за отличную работу и выдана денежная премия в сумме 100 руб.

28 июня 1941 года. Премирована за добросовестную работу в течение всего периода времени существования курсов месячным окладом».

Ни единого взыскания.

Война прервала «карьеру» Веры Николаевны.

Голод в период оккупации заставил бывшую «миллионершу», как ее величали соседи, пользоваться услугами столовой, где бесплатно отпусkaliсь обеды для неимущих одиноких стариков. И все же она старалась не опуститься. А дворовые сплетницы шушукались: «Анатра каждый день ходит на балы — потому как чистенько одетая».

В период оккупации Вера Николаевна получила письмо от родного брата ее мужа. Михаил Анатра писал: «Дорогая Вера. Через итальянское консульство я узнал, что ты жива и находишься в Одессе. Мы много лет не имели от тебя известий. Все наши попытки узнать что-либо не имели успеха. Мы предполагали, что тебя нет больше в живых. За это время у нас произошли перемены. Моя Сана вышла замуж и мы счастливые прародители. Нашего внука зовут Михаилом. Думаю, что в Одессе ты можешь хлопотать о возвращении имущества. Кстати, может быть, ты узнаешь, как с «Кошаркой». У меня на Московской улице 90, 91, 92

(на Пересыпи) имущество. Узнай, пожалуйста, как все обстоит. Как Лондонская гостиница? Сообщи, как тебе выслать денег!.. Крепко целуем тебя. Твой Михаил».

Вера Николаевна о возвращении имущества перед румынскими оккупационными властями не ходатайствовала. Денег у Михаила не просила. Она вообще не ответила на его письмо по простой причине: оно пришло из Германии — страны, воюющей с ее родиной.

Сразу же после освобождения города от оккупантов она пришла в институт, где работала до войны, предъявила свою трудовую книжку, которую берегла, как зеницу ока. Курсов не было. Но ее приняли на должность курьера. Через две недели назначили деловодом, через два месяца — секретарем дирекции института. А через два года уволили: подвели анкетные данные, да и возраст — 63 года — для секретарши неподходящий.

Давно замечено, что беда не ходит в одиночку.

В первом послевоенном году с его бесчисленными трудностями Вера Николаевна осталась не только без работы, но и без жилья. Еще в 20-е годы был экспроприрован ее дачный особняк, а его хозяйку поселили в комнате коммунальной квартиры в доме № 5 по улице Пироговской; при этом власти менее всего были озабочены оформлением каких-либо документов. В 1946 году на занимаемую Анатра комнату был выдан ордер некой Любе Ксендзюк. «Последняя, — проясняли ситуацию соседи, — не выселила Анатра, ввиду того, что она, Ксендзюк, одинокая и часто бывает в командировках. В отсутствие Ксендзюк Анатра наблюдает за вещами». Так общими усилиями человек был низведен до уровня сторожевой собаки, и довольно покладистой: ее можно было не кормить и не выгуливать.

По положению — и отношение. Взрослые вытаскивали «бывшую» из очередей за продуктами, дети бросали в нее камни... Лишь немногие сердобольные угощали ее тарелкой супа. В отчаянии Вера Николаевна иногда срывалась на крик, на обидное слово. В конце концов дворовая «общественность» сговорилась избавиться от «бывшей». Неудобного человека легко и быстро устранили при помощи доноса.

В марте 1949 года в управление охраны МГБ на Одесской железной дороге поступило заявление от дежурного по станции Сингаевка. Молодой человек спустя два года после знакомства с Верой Николаевной вдруг «посчитал своим долгом сообщить, что она вела враждебные по отношению к советской власти высказывания и распространяла провокационные слухи». Тогда же в УО МГБ произвели допросы свидетелей, неизвестно кем подобранных, которые показали, что Анатра слушает «Голос Америки» и в разговоре с окружающими ссылается на передачи этой радиостанции. Исходя из их показаний, она говорила следующее:

«Краткий курс ВКП(б) написан неправильно и не соответствует действительности... В Кратком курсе не показаны такие лица, как Рыков, Бухарин и другие, которые делали революцию, страдали за нее, хотели сделать все хорошее для народа, но их убили, расстреляли...

Тов. Сталин во время войны допустил две ошибки: показал нашему народу Европу и Европа увидела наш народ... По заданию Сталина был убит тов. Киров. Лично он сам умертвил Аллилуеву за то, что она ему правдиво рассказывала о страданиях народа...

Вера Анатра
в сороковые годы

В Америке якобы имеется разработанный план нападения на Советский Союз, при котором в первую очередь будут разбиты атомными бомбами наши города и промышленные центры...

В Советском Союзе люди живут нищенски и голодают».

Кроме того, свидетели сообщили: «Анатра не хочет заниматься общественно-полезным трудом... рассказывает о своих бальных платьях... с неприязнью отзывается о нарядах советских людей в данное время... называет детей, бросавших камни, сталинским племенем... утверждает, что в имении ее мужа крестьянам жилось хорошо».

Вера Николаевна Анатра была арестована 10 мая 1949 года. Ее обвинили в антисоветской агитации (статья 54-10 часть 2 УК

УССР). При аресте произвели личный обыск и описали ее имущество: поломанную железную кровать, маленький диванчик, мягкое кресло, ольховый сервант и сумку с 6 рублями 20 копейками. «Все вещи — старые».

66-летнюю Веру Николаевну допрашивали несколько следователей, преимущественно по ночам, с 10 мая по 27 июня 1949 года. Она обстоятельно рассказала о своей жизни, о семье Анатра. В течение полутора месяцев отказывалась признать себя виновной, заявив, что «просто высказывала свои внутренние убеждения». Своих соседей охарактеризовала как «честных и порядочных людей». Когда же следователь читал их показания, она не отрицала приводимых в них фактов, лишь упрекала себя за плохую память, поскольку ей казалось, что слышит об этих фактах впервые.

Дело В. Н. Анатра слушалось в Одесском областном суде 9 июля 1949 года. Из 10 вызванных свидетелей пятеро не явились «по неизвестным причинам». Прокурор считал обвинение полностью доказанным и требовал для подсудимой применить по тем временам высшую меру наказания: 25 лет заключения. Адвокат просила суд смягчить эту меру, ссылаясь на преклонный возраст подсудимой и ее болезненное состояние. Когда Вере Николаевне предоставили последнее слово, она сказала: «Я ничего не прошу у суда».

Суд приговорил ее к 25 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в правах сроком на 5 лет и с конфискацией имущества. Кассационная жалоба не подавалась.

В. Н. Анатра отбывала наказание в лагерях Астраханской области. С просьбами о помиловании ни в одну из инстанций не обращалась.

В декабре 1954 года, рассматривая в общем порядке архивно-следственное дело В. Н. Анатра, старший инспектор Привалов из инспекции при УВД Одесской области констатировал, что «мера наказания избрана судом чрезмерно суровая» и «не соответствует содеянному». 15 декабря 1954 года областная комиссия по пересмотру уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, с выводами подполковника Привалова согла-

силась. Однако ей не хватило мужества и человечности признать осужденную невинной жертвой и оправдать ее. Комиссия «вошла с представлением к прокурору УССР», ходатайствуя об изменении приговора и снижении наказания до 10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет. Прокурор в своем протесте продублировал выводы комиссии, а Верховный суд УССР удовлетворил протест прокурора. О новом сроке Вере Николаевне объявили в лагере 20 марта 1955 года, до отбытия наказания ей оставалось теперь 4 года и 2 месяца...

17 ноября 1958 года Президиум Верховного Совета УССР принял постановление о снятии с В. Н. Анатра судимости и поражения в правах. Узнала ли об этом семидесятипятилетняя женщина и где закончился ее крестный путь — неизвестно.

Вера Николаевна Анатра реабилитирована лишь 9 декабря 1992 года прокуратурой Одесской области в соответствии со статьей 1 Закона УССР «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Анатомия подлости

Немного истории.

Где-то во второй половине XIX века судьба привела из Далмации в Одессу хорвата Векослава Суслича. Знаток народной медицины, он вскоре обрел здесь обширный круг пациентов и через пару десятков лет стал владельцем особняка в районе Французского бульвара (Госпитальный переулок, 7) и трехсот десятиин земли в немецкой колонии Шпеер, неподалеку от села Ландау.

Его жена, итальянка, родила ему двух дочерей — Марию и Розину. Младшей, Розине, отец открыл тайны целебных трав, и выдал ее замуж за молодого дипломированного врача Никодима Боппа. В основе этого союза лежал расчет: Векослав Суслич и отец жениха — шпеерский помещик Георгий Бопп, также увлекавшийся траволечением, видели в соединении судеб двух молодых людей удачный синтез достижений научной медицины и народного опыта. И не ошиблись. К Никодиму, который по настоянию тестя взял его фамилию, шли за помощью и получали ее сотни людей из разных городов и сел.

Никодим Георгиевич умер в 1932 году, передав медицинскую практику сыну Георгию. Внук бывшего помещика, лишённого в советское время избирательных прав, не смог получить диплом о высшем образовании. Но он многому научился у отца, ему повседневно помогала мать, и хотя кое в чем молодой Суслич уступал старикам, к нему шли за помощью так же, как к отцу и деду.

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 9426-п

В конце декабря 1935 года пациенты, придя за помощью к целителю, попали на допрос к следователям. Тогда же по распоряжению властей из особняка на Французском бульваре были вывезены на городскую свалку около ста мешков приготовленных к применению 18 видов трав. Траволечение в Одессе было прервано на многие годы.

А все началось, как обычно, — с доносов.

Первый пришел в виде письма в редакцию газеты «Черноморська комуна» в середине ноября 1935 года. В нем говорилось: «13.XI с. г. мне лично пришлось быть в его (Георгия Суслича — В. Ф.) приемной за лекарствами (его лекарствами служат исключительно травы) и при входе в его приемную меня поразило, что в углу висит вместо художественной картины или портрета вождей икона божьей матери с исусом христом (так в оригинале — В. Ф.) на руках». Далее, подсчитав количество присутствовавших в приемной и умножив это число на стоимость пакета трав, автор доноса приходит в ярость по поводу «легких заработков» целителя и требует отправить его туда, где уже находятся все колдуны, гадалки и ведьмы.

Второй донос — письмо в органы НКВД — изготовил близкий родственник Георгия Суслича. Автора этого письма также возмущало, что молодой врач без диплома загребает кучу денег и «живет не по времени». В конце «послания» стоял постскриптум: «Прошу это письмо ему не показывать, ибо я живу вместе с ним».

Каждая из инстанций, получив по доносу, реагировала на них в соответствии со своими возможностями.

По письму в редакцию была создана бригада в составе заведующего 11-й поликлиникой, председателя рабочего комитета и члена райсовета. Она произвела на свет «Акт», в котором, в частности, излагалось: «Суслич занимает отдельный особняк; вокруг особняка много фруктовых и других насаждений... тишина вполне располагает к знахарской деятельности... В ожидалке развешаны картины, расставлены цветы и в углу висит икона. Общий вид приемной и санитарное состояние довольно скверное... По заявлению гр-на Суслича он занимается лечением травами. Лечит он все болезни, кроме злокачественных опухолей... Не лечит он и инфекционных болезней... С особым успехом лечит желудочно-кишечные заболе-

вания... Все его познания в области медицины он унаследовал от отца и деда... Травы собирает в лесу его мать... Основывается он на диагнозах врачей и жалобах больных. Свою деятельность считает легальной и платит в финотдел налог в 4000 р. в год». Выводы: «Бригада усматривает в деятельности гр-на Суслича простое знахарство и шантаж в отношении попадавших к нему многочисленных пациентов как городских, так и иногородних... Совершенно недопустим в университетском городе подобный расцвет безграмотности, который паразитирует за счет трудящихся, ведя их в заблуждение». Чего же в этом документе больше? Отсутствия логики, косноязычия или зависти к чужому успеху и трусливой предвзятости?

Органы НКВД, получив донос, действовали с изощренным цинизмом. Устроив засаду в кабинете «знахаря», следователи «вели прием» больных с 27-го по 30 декабря 1935 года; после соответствующей обработки сознания неграмотных и полуграмотных допрашивали, грамотным предлагали дать собственноручные показания по поводу их появления у Сусличей. Вот образец одного из таких показаний студента 5-го курса политехнического института Т.: «Я... попал к “доктору” (знахарю, как теперь выяснилось) Сусличу “благодаря” настоянию своей матери, которая меня записала в очередь еще 27.XI.35 г. Сознывая всю нелепость посещения, я находил в нем отчасти и некоторую сознательность — узнать, что за тип? Почему по городу циркулируют слухи... Убедиться самому и по силам и возможности их разоблачить... Все здесь случившееся и факт моего показания уже опередил мои желания. Безусловно в силы знахарей и других всезнаек я не верил и не верю. Беспощадная борьба, уничтожение некультурности и темноты — остатка наследия прошлого. Очень рад, что Суслич разоблачен».

За две недели до постановления облпрокурора о начатии следствия в отношении Г. Н. Боппа (Суслича) по статье 180 часть 1 УК УССР (мошенничество) будущий обвиняемый уже был вызван в облуправление НКВД, где 13 декабря 1935 года подвергся допросу. Он повторил здесь все, о чем рассказал членам бригады, и привел примеры успешного излечения от болезней нескольких работников УНКВД и членов их семей. Некоторые из них, желая оградить состоятельного целителя от грабителей, дарили ему ору-

жие, а начальник угрозыска выдал ему временное удостоверение на право его хранения.

В УНКВД поняли, что у Георгия Суслича могут появиться влиятельные заступники, и решили скомпрометировать их и самого «знахаря». Протоколы допросов были переданы спецкору «Правды» А. Баеву, и 31 января 1936 года появилась статья «Жулик в роли доктора». Георгий Суслич был ошельмован в масштабах страны, а вместе с ним — и его помощники из числа врачей, и именитые пациенты: «Практику Сусличу создали одесские врачи: проф. Кох, д-ра Афанасьев, Гросс, Снежков нередко направляли больных к нему. Заглядывали к Сусличу и ответственные работники Одессы: член горсовета Бербека, управделами облисполкома Бродовский и др. Райком комсомола из Днепростроя прислал к Сусличу на лечение ударника-комсомольца».

На вопрос, почему же многие больные после лечения травмами были избавлены от страданий, ответила экспертная комиссия, созданная органами НКВД. Оказывается, Сусличи обладали даром внушения, а их пациенты были людьми, «склонными к мистике», «истеричными особами, эротоманами».

Заканчивая статью, спецкор «Правды» выражал опасение, что «кое у кого в Одессе революционная бдительность притупилась». Напрасное опасение, если под «революционной бдительностью» понимать страстное желание «раскулачить» еще одну зажиточную семью, завладеть ее домом и обнаруженными при обыске драгоценностями.

Однако статья уголовного кодекса 180 часть 1 была слишком ненадежной для осуществления конфискации; потребовалось сфальсифицировать групповое дело по статьям, предусматривающим политические преступления.

20 января 1936 года областная прокуратура приняла новое постановление. В нем, в частности, утверждалось: «В городе Одессе... проживала в собственном доме семья Боппов-Сусличей, занимавшихся под видом знахарства (лечения травмами) в течение ряда лет контрреволюционной деятельностью, выражавшейся в проведении совещаний с раскулаченными... выполнении разведработы в пользу Германии... в предоставлении денежных средств в

филантропические контрреволюционные организации фашистского направления... и финансировании кулаков, бывших людей и паторов...» (статьи 54-6, 54-10, 54-11 УК УССР). Были арестованы Георгий Суслич, его мать и сестра, близкие и дальние родственники (разумеется, кроме тех, кто изготовил донос), а также разные лица, по преимуществу немцы, проживавшие в Одессе и пригородах — всего 19 человек. Многие из них познакомились друг с другом лишь в зале Одесского областного суда.

Протоколы допросов, связанные с «мошеничеством» Георгия Суслича, в глазах следователей обрели второстепенное значение и были подшиты в третий и четвертый тома семитомного дела. На первый план были выдвинуты обвинения в контрреволюции; материалы, с ними связанные, вошли в первые два тома. Под всеми протоколами стоят подписи заключенных. Как выяснится при повторном расследовании дела в 1941 году, Г. Н. Суслич ставил свою подпись в состоянии сильного алкогольного опьянения на допросах в облпрокуратуре, остальные — по принуждению следователей.

Из 19 арестованных по делу перед судом предстали 14 человек; пятеро, даже по мнению следователей из УНКВД, в дело не вписывались. 23 мая 1936 года спецколлегия Одесского областного суда признала виновными 13 человек (подсудимый И. И. Шардт был оправдан, но все же выслан за пределы Одесской области на 3 года с отбыванием принудительных работ).

Суд приговорил к заключению в исправительно-трудовых лагерях:

на 10 лет — Георгия Суслича, его двоюродного брата Ивана Боппа, его приятеля Иосифа Келлера и незнакомую им Веронику Шаф, которая по версии следствия была связной между сотрудниками германского консульства в Одессе и «членами организации»;

на 8 лет — мать Георгия Суслича, Розину Векославовну Суслич;

на 5 лет — мужа двоюродной сестры Георгия Суслича — Христиана Шмальца, Франца Уриха, регистратора облуправления связи, содействовавшего установке телефона в особняке, и его отца Гавриила Уриха;

на 4 года — сестру Георгия Суслича Антонину Бопп (за недоносительство) и портового грузчика Антона Штейна;

на 3 года — Елизавету и Перепетью Штейн (получали помощь из Германии).

Все осужденные по отбытии наказания лишены прав на срок от трех до пяти лет. Имущество большинства конфисковано.

На 2 года отбытия наказания в общих местах заключения осужден также дядя Георгия Суслича Христиан Бопп.

Осужденные направляли кассационные жалобы в Верховный суд УССР, отклоненные этой инстанцией. «Преступников» этапировали в лагеря.

По-иному отнеслись члены Верховного суда УССР к протесту прокурора республики, датированному 31 декабря 1937 года. В свете государственного террора, именуемого ежовщиной, прокурор нашел приговор Одесского областного суда «слишком мягким». 11 февраля 1938 года республиканский суд отменил «мягкий» приговор «в связи с неправильной квалификацией обвинения» и направил дело в УНКВД по Одесской области для нового расследования.

Узников разыскивали по лагерям и этапировали в Одессу в течение полутора лет. К этому времени часть из них, получившая малые сроки, отбыла наказание и была освобождена, а двое репрессированных по настоящему делу — Иван Бопп и Христиан Шмальц — по постановлению 3-го отдела Карлага НКВД были расстреляны.

Никто из вновь допрашиваемых не признал себя виновным. От прежних показаний отказались и свидетели. Тогда следователи, порывшись в донжуанском списке 27-летнего Георгия Суслича, отыскали в нем даму, у которой в 1937 году был репрессирован муж (А. А. Каминский). Запросили копии протоколов допросов. В одной из них стояло имя некоего Боба Сулова, с которым Каминский якобы занимался шпионажем. Этого оказалось достаточно, чтобы продублировать прежнее обвинительное заключение и отправить дело на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

В связи с начавшимися 22 июня 1941 года военными действиями заключенных этапировали из Одессы в тюрьмы Томска и Новосибирска, где они дожидались решения своей участи.

По постановлению Особого совещания при наркоме внутренних дел СССР от 7 марта 1942 года Г. Н. Суслич был расстрелян

7 апреля того же года. Остальным подвергшимся повторному расследованию увеличили сроки содержания в лагерях до 10 лет. Двое из них — Иосиф Келлер и Гавриил Урих умерли в Новосибирской тюрьме летом 1942 года.

Розина Векославовна Суслич по отбытии наказания была поселена в городе Орске Чкаловской области, заведовала костюмерной в местном театре. 3 июля 1949 года ее вызвали на допрос в Орский отдел МГБ (интересовались состоянием здоровья), а 28 октября 1949 года она была заключена по прежнему обвинению в чкаловскую тюрьму и через шесть месяцев по постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 8 апреля 1950 года сослана на поселение в Кустанайскую область Казахской ССР.

18 сентября 1956 года военный трибунал Одесского военного округа реабилитировал шестерых повторно осужденных в марте 1942 года по делу Г. Н. Боппа-Суслича. Остальные семеро, осужденные в 1936 году за «контрреволюционную деятельность», до сих пор не реабилитированы. Разыскивались оставшиеся в живых для вручения реабилитационных документов под расписку. Орский ГОМ МВД подтвердил проживание Р. В. Суслич-Бопп в Орске, хотя она была за сотни километров оттуда. Возможно, по ошибке. Реабилитационные документы прибыли в УМГБ по Чкаловской области для вручения Розине Векославовне в апреле 1957 года. Но расписаться в их получении было некому... Тогда заместитель уполномоченного УКГБ по Чкаловской области Бердев, грубо подделав подпись адресата, 28 апреля 1957 года отправил расписку в Одессу. А реабилитированная продолжала еще в течение двух лет мыкать горе на вечном поселении, откуда была освобождена лишь по новому определению военного трибунала Одесского военного округа от 21 июля 1959 года, прекратившему дело 1949 года «за отсутствием состава преступления».

Розина Векославовна не смогла уже лично явиться за долгожданным свидетельством своей невиновности; его для передачи матери вручили Антонине Никодимовне Бопп...

Так благодаря «революционной бдительности» чекистов секреты траволечения, известные династии Сусличей, оказались навсегда утраченными для людей.

Комментарии к письму Владимира Короленко

Одно из последних писем проживавшего в Полтаве В. Г. Короленко было отправлено в Одессу 6 сентября 1921 года. Его адресат — В. В. Туцевич, двоюродный племянник писателя. Письмо впервые опубликовано в 10-м томе юбилейного издания сочинений и писем Короленко (Москва, 1956, с. 590—591) и с тех пор не перепечатывалось. В письме выражались соболезнования семьям Туцевичей и Мухиных в связи с кончиной главы семейств Владимира Казимировича Туцевича, двоюродного брата Владимира Галактионовича. Попутно затрагивался вопрос о судьбе поколения, конец жизни которого совпал с первыми пореволюционными годами. «Видно, приходит и на нас, людей того поколения, час расчета, — признавал автор письма. — Я несколько моложе твоего отца, но и досталось мне несколько больше, особенно в последние годы. Создалась такая традиция: что бы ни случилось — беги к Короленку. А в последнее время случалось разное». Как выяснится для широкого круга читателей много лет спустя, под «разным» имелся в виду террор — то белый, то красный, из костра которого Владимир Галактионович чуть ли не ежедневно пытался выхватить человеческие жизни (см. «Книгу об отце» С. В. Короленко, Ижевск, 1968).

Публикация письма снабжена примечаниями, в которых, к сожалению, допущены неточности и пробелы. Так, неверно указан год смерти В. В. Туцевича — 1950-й.

В очерке использованы материалы архивно-следственных дел № 5422-п и № 10139-п

Установить происхождение ошибки сегодня почти невозможно. Но исправить ее необходимо во избежание повторения. Выполнить эту задачу помогают материалы архивно-следственного дела, хранящегося в одесском УСБУ.

Дело открывается анкетой арестованного. Владимир Владимирович Туцевич родился 19 июня 1878 года в Кронштадте, русский, сын дворянина, со средним образованием. Арестовывался в 1931 году органами ГПУ, но был освобожден. Снова арестован 11 марта 1938 года. Обвинялся по статье 54-10 УК УССР: «...В период гражданской войны активно выступал против Красной армии и Советской власти. Последующие годы состоял членом контрреволюционной повстанческой офицерской организации, по заданию которой проводил контрреволюционную деятельность». Однако вопреки характеру обвинения дело не является групповым.

Послужной список В. В. Туцевича, приведенный в материалах дела, заставляет усомниться в справедливости обвинения, хотя и поражает своей необычностью:

Владимир Туцевич
в 20–30-е годы

1898 г. — февраль 1917 г. — подполковник царской армии;

февраль — октябрь 1917 г. — офицер для поручений начальника Одесского военного округа;

октябрь 1917 г. — апрель 1918 г. — служба в Красной армии (начальник отдела артиллерийского снабжения Одесского военного округа);

апрель 1918 г. — март 1919 г. — полковник в войсках гетмана;

март — август 1919 г. — служба в Красной армии (начальник канцелярии

одесского артиллерийского склада);

1919—1920 гг. — полковник армии Деникина;

1920—1922 гг. — служба в Красной армии (начальник одесского артиллерийского склада);

1922—1924 гг. — без определенных занятий;

1924—1930 гг. — деловод одесской трудовой школы № 49;

1930—1938 гг. (по день ареста) — кассир Одесского консервного института.

Как видим, власти в Одессе менялись, но В. В. Туцевич не покинул город ни с одной из них. Рискуя жизнью, он продолжал служить на самом опасном военном объекте, прилагая весь свой профессиональный опыт к его охране. Подобно В. Г. Короленко он при смене властей устанавливал контакт с любой из них во имя спасения жителей Одессы от катастрофы, которая могла последовать в случае попытки уничтожения начиненных смертоносным грузом складов.

Шло время. О заслугах демократически настроенных представителей предреволюционного поколения забывали. Все чаще вспоминали об их «социально опасных» чинах и званиях. Сначала В. Туцевича убрали с военного объекта, затем он был арестован в ходе очередной «зачистки». В 1931 году после двухмесячного пребывания под следствием в облотделе ГПУ его освободили. То ли и впрямь установили его невиновность, то ли послужило щитом родство с писателем, чьим именем называли в Одессе одну из центральных улиц, — неизвестно. Во всяком случае, В. Туцевичу дали возможность просуществовать еще несколько лет. В 1938 году он попал в «общие списки», по которым арестовывали недобитых прежде «бывших людей», и на этот раз был обречен.

Было бы наивным полагать, будто протоколы допросов тех лет воссоздают картину следствия. И все же сквозь казенные, не всегда грамотные строки проступают, хоть и смутно, очертания поединка между ведущим допрос и допрашиваемым.

В деле В. В. Туцевича имеется всего лишь один протокол допроса, датированный 18 марта 1938 года (правда, на 22 листах). В нем зафиксирован отказ подследственного на начальной стадии дознания признать себя виновным: «Членом контрреволюционной организации я никогда не состоял и меня никто для контрреволюционной деятельности не вербовал».

Сотруднику УНКВД понадобится четырежды повторить фразу: «Требую от вас искренних показаний», — прежде чем он услышит желаемое: «Да, признаю...» Трудно сказать, какая «мера воздействия» вынудила Владимира Владимировича оговорить се-

бя. Для большинства заключенных решающей оказывалась угроза подвергнуть членов их семей тем же испытаниям, каким они подвергались сами; у Туцевича же за пределами тюрьмы оставались горячо любимые жена и дочь...

Все его последующие «признания» — не что иное, как изобретенный им прием, посредством которого он надеялся убедить в своей невиновности тех, кто когда-нибудь, рано или поздно будет знакомиться с материалами дела. В 1956 году автор прокурорского протеста назовет показания В. В. Туцевича «неконкретными и по содержанию неубедительными». Только для следственных органов образца 1937—1938 годов мог показаться достоверным рассказ о том, как работник школьной канцелярии «объяснял ученикам», что «им нет дела до пятилеток».

На вопрос о количестве оружия, которым располагает порожденная воображением следователя офицерская организация, В. В. Туцевич дал столь же фантастический ответ: «500 винтовок и 10 пулеметов», и хранится этот арсенал «в подвале музея бывшего графа Потоцкого на улице Короленко». Видно, о многом передумал Владимир Владимирович, называя на допросе имя первого российского правозащитника...

В ответ на требование назвать фамилии соучастников Туцевич привел их довольно пространный перечень, о котором в уже цитированном прокурорском протесте говорится: «Лица эти не установлены и не допрошены».

Граничит с анекдотом та часть протокольных записей, где следователь выясняет зарубежные связи «контрреволюционера». Владимир Владимирович признается в том, что состоит в переписке с Бонч-Бруевичем. В кругах советской интеллигенции это имя было достаточно известным: Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, бывший управделами Совета народных комиссаров РСФСР, в 30-е годы возглавил Государственный литературный музей в Москве. В этом качестве он проделал огромную работу по собиранию рукописного наследия классиков. Он вел обширную переписку со всеми, кто был хоть сколько-нибудь близок к русским (и не только) писателям. Вряд ли директор Гослитмузея обошел своим вниманием и семью Туцевичей. Для следователя из облуправ-

ления НКВД Бонч-Бруевич был всего лишь носителем фамилии, звучащей на «заграничный манер», и он без колебаний внес его в перечень контрреволюционеров, руководивших из-за рубежа «повстанческой офицерской организацией».

Дабы создать видимость объективности расследования, по настоящему делу был допрошен свидетель — бухгалтер института, в котором В. В. Туцевич работал до ареста кассиром. Тот сообщил: «Припоминаю случай, когда Верховный суд СССР вынес приговор по делу врага Зиновьева, Каменева и Тухачевского и др., он вел контрреволюционные высказывания, заявляя не только мне, но всем сотрудникам, что же это за время настало? Кому теперь верить... Очень интересовался международным положением о событиях в Испании и т. п.».

В результате в обвинительном заключении появились уже две статьи — 54-10 и 54-11 УК УССР (антисоветская пропаганда и контрреволюционная деятельность). Фабрикуя этот документ (кстати, не датированный), следователь опустил сведения о службе В. В. Туцевича в течение трех лет в рядах Красной армии. Впрочем, в нем все же было несколько слов правды: «Вещдоков по делу нет».

По постановлению тройки при УНКВД по Одесской области от 31 марта 1938 года Владимир Владимирович Туцевич был расстрелян в Одессе 7 апреля того же года, в 24 часа. Вдове казненного, Ядвиге Александровне Туцевич, в 1956 году сообщили, что ее муж умер от паралича сердца 19 июля 1941 года в местах заключения. Согласно директиве КГБ СССР от 24 августа 1955 года, никаких казней в 30-е годы не было. Всех репрессированных исправляли трудом в лагерях, а умирали они от разных болезней, обострившихся в связи с трудностями военного времени 1941—1945 годов. Новая ложь лишала верующих людей возможности помянуть своих близких в установленный обычаем день, а комментаторов изданий, где упоминались имена репрессированных, связанные с историей культуры, обрекала на искажение фактов.

Владимир Владимирович Туцевич реабилитирован 10 января 1957 года определением президиума Одесского областного суда «за недоказанностью обвинения».

В комментируемом письме Короленко упоминается имя Владимира Александровича Мухина, мужа двоюродной племянницы писателя. В примечаниях, о которых речь шла выше, указывается лишь степень его родства по отношению к главе семейства — В. К. Туцевичу. Между тем, по свидетельству Л. А. Новокрещеновой, это был человек, близкий Владимиру Галактионовичу по своей жизненной позиции (см. ее очерк «Неисповедимы пути Господни» в книге «Огонь Божественной Софии», Одесса, 2002, с. 6). Последнее обстоятельство обязывает более полно представить личность В. А. Мухина. Хотя бы по тем документам, которые находятся в материалах архивно-следственного дела.

Владимир Александрович Мухин родился в 1882 году на Кубани (станция Ключевская) в семье лесничего. До 1917 года — офицер царской армии, принимал участие в русско-японской и первой мировой войнах, был контужен. За проявленное мужество награжден Георгиевским Крестом.

В 1920—1923 годах служил в Красной армии на командных должностях.

В 1920 году в составе группы бывших офицеров и военных чиновников арестовывался органами ЧК как участник контрреволюционной организации. 21 января 1921 года после двухмесячного пребывания под следствием был освобожден из-под стражи по решению Цупчрезкома (Харьков). По дороге в Одессу без зимней одежды заболел воспалением легких, которое спровоцировало туберкулезный процесс. Из армии демобилизован по болезни.

Несколько лет занимался кустарным промыслом (плотничал).

В 1932—1937 годах преподавал военные дисциплины в вузах и школах Одессы, куда переехал на жительство из Петрограда в 1917 году, после женитьбы.

Владимир Мухин в 20-е годы

Повторно арестован 3 ноября 1937 года УНКВД по Одесской области (статья 54-10 УК УССР). По решению наркома внутренних дел и прокурора СССР от 25 ноября 1937 года расстрелян в Одессе 7 декабря того же года. Вдове, Ксении Владимировне Туцевич-Мухиной, сообщили, что ее муж умер 9 октября 1942 года в местах заключения «от упадка сердечной деятельности».

Подлинное архивно-следственное дело, заведенное в 1937 году в отношении В. А. Мухина, в областном, республиканском и союзном архивах не обнаружено. Восстановлено в 1958 году по инициативе вдовы репрессированного. В течение полутора лет следствие стремилось установить характер преступной деятельности В. А. Мухина, но ни один из допрошенных в 50-е годы свидетелей не обронил ни единого дурного слова о нем.

Б. П. Веселкин, например, сообщил: «Мухина я знал как хорошего человека, честно и добросовестно относившегося к порученному ему делу... Будучи преподавателем военных дисциплин, Мухин пользовался большим авторитетом среди студентов».

Из показаний С. И. Лищенко: «В отношении политических взглядов Мухина ничего предосудительного я сказать не могу. Каких-либо антисоветских проявлений с его стороны я не замечал. Как преподаватель Мухин соответствовал своему назначению, был грамотным и культурным человеком, к работе относился добросовестно, помогал товарищам...»

Владимир Александрович Мухин, обвинявшийся в «антисоветской агитации», реабилитирован определением Верховного суда УССР «за недоказанностью предъявленного обвинения» 14 ноября 1958 года.

В начале 1921 года в Полтаве органами ЧК был арестован зять Владимира Галактионовича Короленко и его секретарь Константин Иванович Ляхович. Заразившись в тюремной камере сыпным тифом, он умер в апреле того же года...

«Снаряды» рвались рядом с писателем и автором идеи нэпа, высказанной в письмах к А. В. Луначарскому. От «прямого попадания» его увела смерть от воспаления легких, наступившая 25 декабря 1921 года.

Арсеньевы

Род Арсеньевых, о трагической судьбе которого пойдет речь, не принадлежит к числу древних. Он возник сравнительно недавно, в середине XIX века, и успел дать миру всего три поколения. В каждом из них были разнообразно одаренные, незаурядные люди. Судьбы некоторых из них связаны с Одессой...

1

Начало родословной было положено не совсем обычно. В 1848 году у крепостной крестьянки Аграфены, дворовой девушки генеральши Лодыгиной из Весьегонского уезда Тверской губернии, родился внебрачный ребенок. Его отцом называли тверского мещанина Федора Готмайера, который даже после венчания с Аграфеной так и не удосужился усыновить младенца. И по обычаю того времени мальчику, нареченному при крещении Клавдием, сочинили фамилию, образовав ее от имени крестного отца, дворового крестьянина Арсения.

История эта напоминает страницы из романов Ф. М. Достоевского о «случайных семействах».

Оказаться незаконнорожденным или, как тогда говорили на французский манер, «бастардом», горько во все времена, что бы там ни утверждали сторонники «свободной любви». В веке же девятнадцатом безотцовщина считалась позором, и имевшему несчастью ее пережить следовало затратить нечеловеческие усилия, чтобы заставить окружающих забыть бесславное происхождение.

В очерке использованы материалы архивно-следственных дел № 8742-п, № 19714-п и № 25611-п

Клавдию Арсеньеву в борьбе за место в жизни помогли укоренившиеся в сознании народа предания об эпохе Петра Великого, когда «выходили в люди» не ленивые родовитые бояре, а безродные умницы. И подался он в поисках счастья в Питер. В своей семье Клавдий отнюдь не случайно культивировал легенду, согласно которой род Арсеньевых по отцовской линии восходит к иноземцу из окружения царя — вечного «работника на троне».

Сын крепостной крестьянки Клавдий Арсеньев, до семилетнего возраста числившийся в крепостных, отправившись в ранней юности в Северную Пальмиру, благодаря энергии, уму, выдержке, феноменальному трудолюбию сделает блистательную карьеру: начав с должности скромного конторщика в управлении Николаевской железной дороги, он завершит трудовое поприще в генеральском чине, управителем Московской окружной железной дороги, потомственным почетным гражданином Санкт-Петербурга.

Житейская мудрость подскажет первому из Арсеньевых идею прибавить к своей фамилии еще одну и приблизиться таким образом к российскому нобилитету. Он добивается разрешения носить также фамилию своей крестной матери, «благородной девицы Богдановой». Богдановы-Арсеньевы — это звучало не хуже, чем Мусины-Пушкины... Между тем носитель звучной фамилии и не помышляет о том, чтобы породниться с дворянством. Его женой стала молодая смекалистая работящая петербуржка из крестьян Руфина Егоровна. Они создали большую дружную семью, где подрастали девять собственных детей и одна приемная дочь: в роду Арсеньевых никогда не проходили мимо сиротства.

Первоначальное образование детей Клавдий Арсеньев не доверял никому. Он учил их сам, сдав предварительно экстерном экзамены на домашнего учителя.

Расти бы да ветвиться молодому древу рода Арсеньевых. Но, говорят, пути Господни неисповедимы — и для отдельных людей, и для целых народов.

Начало Арсеньевскому мартирологу было положено в 1918 году, на одном из хуторов Черниговщины. Сюда, выйдя в отставку и спасая от питерских туманов одного из сыновей, большого тубер-

кулезом, переехал с пятью членами семейства Клавдий Богданов-Арсеньев. Глухим ноябрьским вечером в их дом ворвалась одна из многих гулявших по Украине в годы гражданской войны банд. Руководствуясь лозунгом «Грабь награбленное», зарезали всех шестерых: главу семьи, его жену, сына с невесткой и двух дочерей. Экспропрированы были несколько серебряных ложек и вилок.

2

Второе поколение Арсеньевых не уступало по жизнестойкости и одаренности основоположникам рода. Особенно щедрой оказалась природа по отношению к двум старшим братьям — Анатолию и Владимиру — Мореплавателю и Землепроходцу.

Анатолий Арсеньев
в десятилетие

Анатолий Клавдиевич Богданов-Арсеньев полвека посвятил морской службе. Выпускник Санкт-Петербургских мореходных классов, он в первую мировую войну командовал минным заградителем «Великий князь Константин», был удостоен наград за храбрость — Георгиевской медали и креста Святого Георгия. После войны перешел в торговый флот и стал капитаном крупнейшего на Черном море парохода «Трансбалт». Он поселился в Одессе, обзавелся семьей, женившись на учительнице русского языка

Анне Антоновне, которая родила ему трех сыновей — Анатолия, Георгия и Михаила. И невдомек было Арсеньевым, что вскоре они окажутся чужими на своей родной земле — с точки зрения теории классовой борьбы.

Первый арест А. К. Богданова-Арсеньева произошел в конце октября 1920 года. Анатолий Клавдиевич перед советской властью был виновен в том, что, защищая Россию в период мировой войны, служил на царском флоте офицером. Кроме того, в особый отдел побережья Черного и Азовского морей при управлении ОО ВЧК поступило заявление от матроса, служившего в 1913 году вместе с Арсеньевым на одном корабле. За-

явитель обвинял уже арестованного капитана в некорректном к нему, пролетарскому революционеру, отношении. Как правило, этого было достаточно для вынесения «классовому врагу» смертного приговора. Но произошло невероятное: 5 ноября 1920 года капитана Арсеньева освободили.

У истоков свершившегося чуда лежат два документа, сохранившиеся в архивном деле А. К. Богданова-Арсеньева. Первый — это свидетельство о крестьянском происхождении Арсеньевых. Второй — изъятая при личном обыске записная книжка капитана, куда он вносил выработанные им жизненные правила. Вот некоторые из них: «Дисциплина — не аракчеевщина... Всегда выслушай другого, кто бы он ни был... Терпение и труд — справедливость и здравый рассудок — честность и простота — предусмотрительность. Будь всегда спокоен и корректен... Не делай того сам, что запрещаешь другим... Чего простишь, то забудь... Никогда не падай духом». В изъятом «дневничке» не было и тени антисоветчины. Дело прекратили за недоказанностью контрреволюционных действий. Капитану разрешили занимать прежнее место службы, но установили за ним негласный надзор.

Так было в Одессе.

А на другом конце страны, во Владивостоке, ГПУ занялось другим Арсеньевым — Владимиром Клавдиевичем, известным исследователем Уссурийского края, автором нескольких книг, среди которых переведенная на языки Европы и Азии популярнейшая в СССР «Дерсу Узала».

Обвинения были стандартными: офицер царской армии в прошлом, антисоветчик в настоящем. И никому не было дела до заслуг ученого и гражданина, составившего карты Приморского края и снабдившего ими красных партизан в годы японской оккупации Дальнего Востока. В начале 20-х годов В. К. Арсеньев вызывает в органы ГПУ и предлагает дать письменные объяснения по поводу поступивших сюда оперативных данных. Параллельно разворачивается травля ученого в дальневосточной прессе, которая достигает своего апогея в 1927—1928 годах. С 1923-го по 1927 год В. К. Арсеньев был лишен права преподавания в Дальневосточном госуниверситете. Ученый с мировым именем был трав-

мирован до такой степени, пишет А. Тарасова в монографии «Владимир Клавдиевич Арсеньев» (1985), что отказался отмечать 30-летие своей исследовательской деятельности и собирался покинуть Дальний Восток. Его не оставляют мысли об уходе из жизни. 27 июня 1930 года он пишет своему биографу Ф. Ф. Аристову: «Мое желание — закончить обработку своих научных материалов и уйти, уйти подальше, уйти совсем — к Дерсу!» (в то время уже мертвому — В. Ф.).

Владимир Клавдиевич Арсеньев (слева) с братом Анатолием Клавдиевичем и дочерью Натальей в конце двадцатых годов

Писатель и путешественник умер скоропостижно 4 сентября 1930 года. Согласно официальной версии, смерть наступила в результате простуды, схваченной в августе, во время поездки по маршруту проектируемой железной дороги. В это верится с трудом: Владимир Арсеньев был на диво выносливым, закаленным человеком. Он несколько раз пересекал хребет Сихотэ-Алинь, проваливался по пояс в ледяную воду, тащил на себе лодки по

порожистым рекам — и обходилось... Впрочем, когда невыносимой делается жизнь, можно умереть и от насморка. Как бы там ни было, смерть Владимира Арсеньева всегда будет казаться странной хотя бы потому, что после пышных похорон в течение трех десятилетий длился заговор молчания вокруг его имени, были ликвидированы договоры на издание сочинений писателя, который, по мнению Максима Горького (другой «жертвы простуды»), «соединил в себе Брема и Купера».

Наложив запрет на публикацию научной биографии В. К. Арсеньева, власти занялись выяснением «биографий» его родных и друзей...

В 1934 году арестовали вдову В. К. Арсеньева Маргариту Николаевну. Из тюрьмы на лоскутке газетной бумаги она написала записку брату мужа, Анатолию Клавдиевичу, приехавшему на Дальний Восток, чтобы помочь семье покойного. Текст записки приводит Борис Сумашедов в статье «Хозяин тайги» (еженедельник «Курьер», № 4 за 2002 г., Лос-Анджелес): «...дорогой А. К., меня обвиняют в работе шпионской (в пользу Японии и Германии) контрреволюционной организации, которую организовал и возглавил Володя... Если я не сознаюсь, то Наташу (их дочь — В. Ф.) возьмут от вас и поместят в детколонию... Спасите Наташу, спрячьте ее у кого-нибудь. Пусть меня сошлют куда угодно, пусть расстреляют, но не вымогают ложного признания... ГПУ помешалось на шпиономании... Не знаю, как я все выдержу, они все сделают, чтобы получить мои показания против Володи...»

Около года находилась в тюрьме Маргарита Николаевна, но в конце концов была освобождена в связи с прекращением дела «за недоказанностью обвинения». Вторично ее арестовали в 1938 году и по постановлению тройки расстреляли 23 августа 1938 года.

Поездка во Владивосток Анатолия Клавдиевича стала шагом, который он сделал навстречу своей собственной гибели. Его имя вносится органами ГПУ в «список подпольной организации контрреволюционеров», в 1932 году принимается решение «разрабатывать» А. К. Арсеньева «по линии особого отдела как контрреволюционную личность», в связи с чем перед Совторгфлотом ста-

вится вопрос о лишении его права плавать за границу. В 1934 году он уже не капитан, а старший морской инспектор управления Тихоокеанского госпароходства. В 1936 году Анатолий Клавдиевич возвращается в Одессу, где также получает «сухопутную должность» и до ареста в марте 1938 года работает морским инспектором Черноморского пароходства.

5 мая 1938 года тройка при УНКВД по Одесской области приняла постановление о расстреле А. К. Богданова-Арсеньева, признав его виновным в «контрреволюционной деятельности» по статье 54-11 УК УССР. 14 июня 1938 года он был расстрелян в Одессе. Место захоронения неизвестно.

Дело А. К. Богданова-Арсеньева типично для следственных дел 1937–1938 годов. Во-первых, в нем отсутствуют какие-либо доказательства виновности арестованного. Проводившие дознание следователи даже не посчитали нужным вызвать свидетелей, которые могли бы подтвердить или отвести выдвинутые против бывшего капитана обвинения. Во-вторых, характерен сам следственный процесс. Арест произведен 18 марта, а протокол первого допроса датирован лишь 30 марта. На этом допросе у шестидесятивосьмилетнего заключенного выясняют детали его биографии, круг знакомств до и после революции, наличие репрессированных родственников. Затем допрос прерывается (на какое время и для каких способов воздействия — можно только предполагать) и возобновляется фразой следователя: «Вы заявили о намерении сознаться в проведении а/с деятельности».

В чем же «сознается» А. К. Арсеньев?

«Я критиковал существование партийных и профсоюзных организаций на судах торгового флота... Я считал, что руководители этих организаций, поскольку в большинстве своем они состояли из рабочих, на мой взгляд, ни в коей мере не подготовленных к занятию руководящих должностей, не могут и не должны вмешиваться во внутреннюю жизнь судна...»

«Не соглашаясь с законами правительства о национализации крупной частной собственности, я, критикуя этот закон, говорил, что на бумаге выходит, будто национализированные у буржуазии

фабрики, заводы и прочая собственность перешли в собственность рабочих и крестьян, однако никакого участия в прибылях от этой собственности рабочие и крестьяне принимать не будут, в то время как Форд в Америке и без революции отдельные группы рабочих привлек к участию в прибылях от своих предприятий, сделав рабочих акционерами этих предприятий».

«В годы начала коллективизации я, в связи с создавшимися в тот период продовольственными и промтоварными затруднениями... говорил, что коллективизация является одним из ряда враждебных нашему народу мероприятий, ведущих Советский Союз к гибели...»

Подследственный критикует практику вывоза зерна за границу в то время, как голодает народ, высказывает неодобрение по поводу расправы над Бухариным, Зиновьевым, Рыковым, Каменевым — «людьми, которые в свое время принесли много пользы советскому строю».

На следующий день, 31 марта, он признает себя виновным во всех этих «преступлениях» и подписывает предъявленное ему обвинительное заключение по статье 54-10 УК УССР. Казалось бы, следствие закончено. Однако в деле появляется «дополнительный» протокол допроса от 21 апреля 1938 года, в котором содержится признание заключенного в участии в антисоветской группе, собиравшейся в 1934–1935 годах во Владивостоке на квартире у Маргариты Николаевны Арсеньевой. Приводится и список членов группы. Правда, о «конкретном содержании их к/р деятельности» ему ничего не известно. Можно предположить, что при определенных обстоятельствах подследственный подписал не глядя этот протокол. Но дело в том, что подпись под ним явно отличается от предыдущих образцов.

Поражают и метаморфозы, происшедшие в обвинительном заключении от 26 апреля 1938 года с именами, названиями и фактами, зафиксированными в «дополнительном» протоколе. Так, А. К. Арсеньев назван капитаном Белой армии, хотя он таковым никогда не был, его первый арест датируется 1923 годом вместо 1920-го, наименование учреждения, в котором работала М. Н. Арсеньева, — «Геолком» (Геологический комитет) превра-

щается в фамилию «члена контрреволюционной группы Геалкома», профессия топографа — в такого же антисоветчика Фотографова, фамилия морского врача Ф. А. Дербека, легально выехавшего в Китай в 1935 году, — в «арестованного органами НКВД Дербана»... Все это невольно рождает мысль о фальсификации данного уголовного дела, причем довольно неряшливо выполненной.

Год спустя, вероятно, в связи с жалобами родственников, дело А. К. Богданова-Арсеньева привлекает внимание прокуратуры морского и речного флота СССР. Ознакомившись с ним, работники прокуратуры 14 ноября 1939 года приходят к выводу: «Дело расследовано недостаточно... Показания Арсеньева неконкретны и следствием не проверены. Обвинительное заключение и решение тройки не вытекают из данного дела». В завершение следует предложение «пересмотреть правильность осуждения».

С мая по ноябрь 1940 года УНКВД по Одесской области неоднократно посылает запросы на имя начальника УНКВД по Владивостокской области: есть ли у них компромат на А. К. Арсеньева, имеются ли материалы о существовании к/р организации во главе с М. Н. Арсеньевой, была ли она арестована (почему-то) в 1931 году и проходил ли по ее показаниям А. К. Арсеньев. Ответ из Владивостока так и не пришел, только однажды, в августе, прибыла телеграмма: запросы из Одессы не поступали. В этот период в Наркомате внутренних дел СССР произошла смена руководства, и никто не желал брать на себя ответственность за фальсификацию дел.

24 августа 1940 года в УНКВД по Одесской области вызвали, наконец, первого и единственного свидетеля по делу давно расстрелянного капитана. Судя по анкетным данным, кандидатура свидетеля отбиралась тщательно: Николай Андреевич Балашов, капитан парохода «Потемкин», в годы гражданской войны был организатором партизанского движения, начальником штаба транспортной флотилии Красного флота. За работу в мирное время награжден значком ЦК профсоюза водников. Сотрудники УНКВД вправе были рассчитывать на то, что такой человек поможет им подтвердить «справедливость» расстрельного постановления тройки. Но Н. А. Балашов разочаровал следователей, заявив:

«Арсеньев — лучший штурман, который исключительно хорошо знал морское дело»; «ничего антисоветского я от него не слышал». Однако цинизм проводивших «доследование» не имел границ, и 23 ноября 1940 года они отправили в прокуратуру следующее заключение: «Решение тройки считать правильным».

Анатолий Клавдиевич Богданов-Арсеньев реабилитирован посмертно 31 августа 1989 года прокуратурой Одесской области.

3

Жизнь третьего, последнего поколения рода Арсеньевых определялась поставленным на него клеймом: дети «врагов народа». Для таких «граждан» отводились определенные места проживания. Дети «врагов народа» постоянно находились в сфере усиленного внимания кадровиков и, даже работая в отраслях, где постоянно ощущалась нехватка специалистов, не смели надеяться на продвижение по службе. О них никогда не забывали и в органах госбезопасности. Пройдет через лагеря дочь В. К. и М. Н. Арсеньевых Наташа. Не минует чаша сия и сына капитана А. К. Арсеньева — Михаила.

Слесарь с семилетним образованием, Михаил производил на окружающих впечатление гуманитария, окончившего университет. Не занимать ему было и жизненного опыта. Еще до ареста отца, в 1932—1936 годах, он проходил службу в Тифлисском мотополку войск НКВД. В период Великой Отечественной войны находился на фронте от первого дня до последнего. Боец стрелкового полка, он был трижды тяжело ранен в боях под Ростовом и Воронежем. После контузии служил писарем в штабе 2-го Прибалтийского фронта. Наградами его не баловали, но не дать медалей «За отвагу» и, разумеется, «За Победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» не смогли.

Демобилизовавшись, Михаил Анатольевич работал на буровой на Урале, и только в 1948 году возвратился в Одессу, где поступил стропальщиком на завод радиальных станков, затем перешел на судоремонтный завод, а в 1953 году — на завод прессов. Он поражал заводчан, завсегдатаев литературных студий, библиотекарей своей начитанностью в области истории, философии

фии, классической и современной литературы. К нему как к интересному собеседнику тянулись многие. Органам госбезопасности все это представлялось крайне подозрительным, чреватом возникновением контрреволюционной организации.

Первым из окружения Михаила Арсеньева в феврале 1957 года арестовали Григория Соловьева — человека с повышенной эмоциональной ранимостью (сын раскулаченных родителей, бывший беспризорник, воспитанник детских трудовых колоний) и сильно развитым воображением (начинающий писатель).

На допросах он признал себя виновным в диссидентских настроениях и, покаявшись, заявил о дурном на него влиянии М. А. Богданова-Арсеньева. Так подвела Михаила Анатольевича арсеньевская традиция — опекать обиженных судьбой. Он хотел помочь небесталанному рабочему парню, «фэзэушнику», предоставив в его распоряжение свое собрание редких изданий. Он пытался убедить своего приятеля, который был на 11 лет моложе его, в необходимости быть осмотрительным, не конфликтовать по любому поводу с начальством... Все это в органах КГБ назвали «интеллектуальной диверсией» и обвинили его по статье 54-10 часть 1 УК УССР.

Михаил Богданов-Арсеньев
после ареста

Михаила Богданова-Арсеньева арестовали 15 апреля 1957 года. Отстаивая право каждого человека «свое суждение иметь», он не скрывал на допросах своих убеждений. Свой арест считал доказательством отсутствия свободы слова в стране. «Советской власти, — говорил Арсеньев-младший, — у нас фактически не существует, а был только Сталин, который ни в чем не был ограничен... Сталин в погоне за славой создал трагическую обстановку для России в период войны». И далее: «Я признаю себя виновным в том, что потерял всякое доверие к лицам, занимающим высокие посты в руководстве Советским государством... Беспорывная смена и разоблачение в руко-

водстве государством таких, как Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Берия, Ягода и др. В связи с этим у меня сложилось полное недоверие и крайне скептическое отношение к выступлениям высокопоставленных советских государственных деятелей». Таким образом, причиной его «виновности» становились политики, облеченные властью.

На одном из допросов подследственный заявил, что органы КГБ — не место для идеологических дискуссий, и вместо общения со следователем он предпочел бы побеседовать с секретарем обкома КПУ. Осознать подобную дерзость следователь был не в состоянии и принял решение отправить М. А. Богданова-Арсеньева на психиатрическую экспертизу.

Обследование производилось судебно-психиатрической комиссией, постоянно действовавшей в тюрьме № 1 УВД. Комиссия пришла к следующим выводам: «Уровень интеллектуального развития выше полученного образования. Запас знаний разнообразен. Словарный состав речи богат. Склонен к абстрактному мышлению, интересовался философией, теорией познания. Уверенно заявляет о своей религиозности. Стойко переносит невзгоды и испытания... Держится с подчеркнутой независимостью, с выраженным чувством собственного достоинства... Признан вменяемым».

Допросы возобновились 5 июля 1957 года. По характеру протокольных записей Михаил Анатольевич понял, что следствие предназначило для него роль руководителя контрреволюционной организации. В знак протеста он отказался подписывать протоколы. 10 июля 1957 года объявил голодовку, отказался от передач. Следствию оставалось черпать компромат из показаний свидетелей. Вот их наиболее характерные образцы:

«...грамотный, начитанный, но читает книги дореволюционного периода; заявляя, что советскую литературу он не читает... она не является свободным творчеством, а средством пропаганды, социальным заказом компартии»;

«...говорил, что не верит в построение коммунизма в нашей стране — это пустая болтовня, это несбыточная мечта людей, это утопия»;

«Арсеньев говорил, что Советский Союз не может положиться ни на одну из стран народной демократии как на верного союзника...»;

«...чересчур вежлив... мечтал выиграть десять тысяч рублей и уехать куда-нибудь на необитаемый остров...»

27 сентября 1957 года М. А. Богданову-Арсеньеву официально, в присутствии начальника КГБ при Совете министров СССР на Северо-Черноморском бассейне предъявили обвинение в «интеллектуальной диверсии». В документе говорится: «Будучи враждебно настроен к Советской власти, систематически и последовательно проводил а/с деятельность, направленную на подрыв и ослабление существующего в СССР политического строя, возводил клевету на Советскую власть, Правительство, положение рабочих и демократические основы Советского строя».

Закрытое слушание дела в Одесском областном суде продолжалось два дня, 22 и 23 октября 1957 года. На судебном заседании Михаил Арсеньев снова попытался доказать, что антисталинизм, который ему присущ, и антисоветизм, в котором его обвиняют, — различные понятия. Но просветительское выступление подсудимого успеха у судей не имело: его и проходящего с ним по уголовному делу Г. М. Соловьева приговорили каждого к шести годам заключения в исправительно-трудовых лагерях и пяти годам поражения в правах. М. А. Богданов-Арсеньев был лишен добытых кровью боевых наград. Наказание отбывал в лагерях Мордовии.

18 мая 1960 года Верховный суд УССР сократил обоим осужденным срок заключения до четырех лет, а в июле того же года их освободили досрочно. В стране наступила «оттепель», и мысли, которые высказывал М. А. Богданов-Арсеньев в кабинете следователя, теперь звучали со всех трибун, начиная с самых высоких.

Михаил Анатольевич пробыл в заключении три года и три месяца, выработав всего 338 зачетных дней; в лагере держали тяжелобольного, искалеченного войной и тюремным режимом человека. Он умер 11 сентября 1974 года от туберкулеза, не дожив до реабилитации, последовавшей лишь 20 января 1993 года.

Род Арсеньевых прекратил свое существование. Он был уничтожен политической системой, которая оказалась более опас-

ной, чем океанские шторма и загадки тайги. Но нравственное богатство, выработанное его тремя поколениями, неистребимо. Оно заключено не только в книгах Владимира Арсеньева, оно пробивается к людям из архивных хранилищ, передается как бесценное наследство тем, кто знал и любил лучших представителей этого рода. В августе 1990 года в одесское УКГБ пришло из Запорожья такое письмо: «Прошу пересмотреть дело Арсеньева Анатолия Клавдиевича, арестованного 18 марта 1938 г. и без суда репрессированного. Арсеньев родился в Петербурге в 1870 г., с 16 лет служил на флоте... Прошу сообщить мне предъявленное ему обвинение, а также причину смерти и место захоронения. В 1974 г. умер последний из его троих сыновей, наследников нет, я приемная дочь среднего из сыновей — Георгия. Документов почти не осталось, а я хочу восстановить доброе имя родного брата, исследователя Уссурийского края — Владимира Клавдиевича Арсеньева». Подпись: С. Л. Харчевникова.

Вчитайтесь в строки этого короткого, на первый взгляд — самого обыкновенного письма, и вы почувствуете, как его текст излучает решимость бороться за справедливость, благородную сдержанность в выражении эмоций, чувство собственного достоинства, гордость за род Арсеньевых, передавший в наследство девочке-сироте свои душевные сокровища... Ничто в мире — ни зло, ни добро — не исчезает без следа.

Дело о шпионаже

Стасе не было и двух лет, когда умерла мать. Когда же чекисты расстреляли взятого в заложники ее отца, одесского кондитера и хлебопека Ивана Амбатьело, ей едва исполнилось восемь. Дом Амбатьело с пекарней и магазином на углу Базарной и Канатной национализировали. «Буржуйских детей» — двух сестер и трех братьев затолкали в одну комнату, лишив их всего имущества. И пошли они, как писал классик, «в люди». Десятилетний Георгий и двенадцатилетний Константин летом батрачили на хуторах под Одессой, зимой подсобляли слесарю-водопроводчику или трудились в бубличной. Самый старший из братьев, Александр, отправился искать счастье на родину отца в Грецию. Старшая из сестер, Анжелина, пыталась найти спасение в замужестве. Ну а самая младшая из всех детей, Стася, сперва нянчила, как чеховская Варька, чужих ребятишек, потом пристроилась «на разные работы» в ткацкую артель; когда же окрепли руки, носила уставленные тарелками подносы в столовой завода Гена.

Где бы ни трудилась Анастасия, всегда при случае присаживалась за фортепиано — то ли хозяйское, то ли казенное, — брала несколько аккордов на инструменте, который полюбила с четырех лет. Любил музыку и брат Константин. Выбившись в шоферы, на первую же зарплату купил гитару. Играл виртуозно. Но Стася твердила: «Все это не то, не то...»

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 6307-п

«То» появилось благодаря дружбе брата и сестры с балериной Наташей Старковой. Куда-то пропадала усталость, когда шестнадцатилетняя Стася усаживалась за фортепиано в доме подружки, помогая ей репетировать балетные партии. И когда Старкова получила приглашение давать уроки европейских танцев в японском консульстве, ей не пришлось ломать голову над проблемой аккомпаниатора.

По вечерам к дому консула девушек сопровождал Константин Амбатьело. Терпеливо ждал на улице, когда закончатся уроки, чтобы развести по домам сестру и, как он надеялся, невесту. Узнав о «дежурствах» Константина, консул пригласил его в дом.

В японском консульстве молодых людей очаровывало все: и непривычная вежливость, и прекрасный концертный рояль, и экзотическая чайная церемония, в которой они принимали участие. Стася чувствовала себя примерно так же, как Золушка, попавшая на бал в королевский дворец. Только ее сказка оборвалась на середине. Двенадцать уроков промелькнули так же быстро, как пробило двенадцать ударов в полночь на волшебных дворцовых часах. Сотрудники консульства распрощались со своими юными учительницами, попросив их сфотографироваться вместе на память. Фото получилось на диво удачным. Стася смотрела на свое изображение и не верила: неужели эта обаятельная, изящная сероглазая брюнетка — она, «замотанная» подавальщица из рабочей столовки?..

Устоять перед соблазном и не отправить фотокарточку в Кронштадт первому в жизни поклоннику, краснофлотцу Семену Киселю, было выше девичьих сил. Побывало ли фото в руках адресата, неизвестно. Но в папку, давно заведенную чекистами на «подозрительное семейство», оно легло тогда же. Семену же пришлось давать объяснения начальству по поводу нежелательных для военного моряка знакомств.

С той поры прошло десять лет. Много изменилось в жизни братьев и сестер Амбатьело. Прервалась и дружба с балериной Старковой. Распался первый брак Анжелины — и образовалась новая семья. Обзавелись женами Константин и Георгий. Не осталась в одиночестве и Анастасия. Правда, ее муж — профсоюзный

деятель заводского масштаба Никита Добровольский был вдвое старше ее. Но на что могла рассчитывать бывшая «буржуинка», если краснофлотец Семен Кисель обходил ее десятой дорогой?

В семье Никиты и Анастасии Добровольских царил достаток; его своеобразным символом в 30-е годы служил новенький радиоприемник. Теперь, превратившись в домохозяйку, Стася имела возможность с утра до вечера слушать музыку. Но радость была недолгой: в ночь на 16 декабря 1937 года «за ней пришли» — так тогда говорили люди об арестах. В ту же ночь арестовали братьев Анастасии, Константина и Георгия.

Так же, как восемнадцать лет назад, когда чекисты брали в заложники отца, чужие люди перетряхивали теперь вещи Анастасии в поисках доказательств ее шпионской деятельности. Ничего предосудительного не нашли. На всякий случай конфисковали радиоприемник СИ-235. Подписать акт о его изъятии Анастасия отказалась. Это был редкий случай в практике арестов одесских ЧК — ГПУ — НКВД.

Допросы начались сразу же после ареста и продолжались ежедневно в течение недели. Спать днем не разрешали. Но ни на одном из них Анастасия не признала себя виновной. Следователь часами внушал: «Вы передавали японскому консулу сведения шпионского характера о положении рабочих, о настроениях местного населения и экономическом положении Одессы». (К слову: чтобы выведать подобные «секреты», консулу достаточно было выглянуть в окно). Время от времени следователь спрашивал: «Признаете вы это?» — и всякий раз слышал в ответ: «Нет, не признаю».

Судя по материалам дела, ответы обвиняемой для следствия какого-либо значения не имели: обвинительное заключение (без даты) составлял другой сотрудник. Он выстроил длинный ряд «преступных деяний», якобы совершенных Добровольской-Амбатьело, среди которых были и греческая национальность, и наличие родственников за границей, и социальное происхождение, и расстрелянный большевиками отец, и танцы в японском консульстве (на языке следствия это называлось «связью с японским консулом и его секретарем»). «Вербовкой краснофлотца» было назва-

но в заключении посланное ему письмо с упомянутой выше фотографией... В финале составитель утверждал: «В предъявленном обвинении признала себя виновной».

11 февраля 1938 года Особое совещание при наркоме внутренних дел СССР Ежове постановило заключить «японскую шпионку» в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет. За неделю до этой акции был расстрелян Константин Амбатьело. Он был признан следствием одновременно японским и немецким шпионом: играл на гитаре у консула Японии и по утрам здоровался с соседом по дому — шофером германского консульства в Одессе. В лагерь на Дальний Север отправили на 10 лет и Георгия Амбатьело за то, что не донес органам НКВД на «преступных» сестру и брата.

Наказание без преступления Анастасия Ивановна отбывала в Карлаге НКВД (Центральный Казахстан). Вопреки лагерному режиму — надругательству над человеческим естеством — молодая женщина осуществила свое право на материнство: в 1940 году родила сына. Мать и сын выжили и, отбыв срок, 15 декабря 1947 года вышли на волю. «Случай ли выручил? Бог ли помог?» — теперь об этом не узнает никто. Слишком поздно спохватились. Можно предполагать, что не последнюю роль в спасении матери и ребенка сыграл Стасин музыкальный талант.

Покуда Анастасия Ивановна находилась в заключении, воля казалась ей раем. Но ничего райского в доставшейся ей «вольной жизни» не было. Стояла зима очередного голодного года в разоренной войной украинской деревне. Жалкого заработка сезонной рабочей Госплодовинпитомника едва хватало на пайку хлеба, тарелку борща да на стакан козьего молока для семилетнего Миши. Помощи ждать было неоткуда. Муж, Никита Гаврилович Добровольский, погиб в боях с фашистами в 1941 году под Мариуполем. Сестра Анжелина в одиночку растила двух сыновей. Их отец, механик теплохода «Тимирязев» Стефан Бржозовский, репрессированный в 1937 году, умер в лагерях в мае 1943-го. Брат Георгий, заключенный Воркутлага НКВД, сам нуждался в помощи. Но свет не без добрых людей. Общительная, безотказная в работе Ивановна, как ее окликали в селе Мирном, и здесь обрела друзей. Ее лагерное

прошлое не было помехой. Скорее наоборот. Деревенские жители, по которым чугунным катком прошла «сплошная коллективизация» с ее «раскулачиванием» и высылками, жалели гонимых. И когда Анастасия Ивановна возвращалась с работы в отведенный ей местным совхозом полуразрушенный пустовавший домишко, она находила то узелок с картошкой в углу на лавке, то миску с квашеной капустой на столе — благо дверь ее жилища не запиралась на замок.

Душа потихоньку пускала корни в новую почву. Должно быть, для того, чтобы их оборвали снова. Весной 1950 года А. И. Добровольскую-Амбатьело вновь арестовали. Отняли недавно выданный паспорт, справку об освобождении из лагеря, фотокарточки. Сына отправили в детский дом. Имущество не конфисковали — «за неимением такового». По мнению органов госбезопасности, дело о шпионаже «нуждалось в дальнейшем расследовании». Полгода они старались добавить хотя бы строчку в прежнее обвинительное заключение. «Новым» оказался лишь пункт о репрессированных братьях.

19 августа 1950 года Особое совещание — теперь уже при министре госбезопасности Берии — постановило отправить «японскую шпионку» на бессрочное поселение в Казахстан. Казахстан не пугал, она там уже побывала. Пугала утрата сына. Анастасия Ивановна знала, что в спецдетдомах детям репрессированных родителей изменяли имена, фамилии, национальность. И она, за все время глумления над нею ни разу не попросившая о милосердии, теперь молила пощадить ее сына, не лишая его материнской заботы и ласки, разрешить и ему следовать на поселение.

Власти проявили «милость». В сентябре 1950 года сестра Стаси Анжелина с разрешения одесского УМГБ и облОНО забирает из детского дома своего десятилетнего племянника, чтобы 5 октября, в день отправки этапа, передать его матери. Начальник тюрьмы рапортовал: мать и сын «убыли в распоряжение начальника УМГБ по Джамбульской области».

В пути Анастасия Ивановна и Миша находились две недели. По распоряжению казахстанских органов госбезопасности они обосновались в Красногорском районе Джамбульской области: та-

мошному совхозу позарез нужны были рабочие руки. Здесь прожили несколько лет.

В год смерти Сталина у многих репрессированных появилась надежда на восстановление справедливости, и Добровольская-Амбатьело обратилась с жалобой к председателю Верховного Совета СССР. Она писала: «Перенесенные за 16 лет моральные страдания и материальные лишения вконец подорвали мое здоровье, а климат высокогорной местности подтачивает мои силы. Мне кажется, что я уже искупила не совершенную мною вину, и поэтому умоляю Вас разрешить мне вернуться в Одессу, где я родилась и где есть близкие, которые помогут мне стать на ноги... и воспитать сына, ни в чем не повинного, который делит со мной все мои страдания и невзгоды».

Ходатайство оставили без удовлетворения.

Прошли еще два года. От Добровольской-Амбатьело в МГБ СССР поступила новая жалоба. И только теперь, впервые за 18 лет со дня изобретения дела о шпионаже, от одесских органов госбезопасности высокое начальство затребовало документальные данные, которые бы подтверждали «шпионскую связь Добровольской с консулом» и свидетельствовали бы «о вербовке ею краснофлотца Семена Киселя». Разумеется, таких документов не было.

Анастасия
Добровольская-
Амбатьело
в 60-е годы

17 августа 1956 года определением военного трибунала Одесского военного округа «за отсутствием состава преступления» были отменены оба постановления Особого совещания: и о заключении Добровольской-Амбатьело в лагерь на 10 лет, и о ее бессрочном выдворении на поселение.

Для возвращения на родину Анастасии Ивановне были необходимы деньги, и немалые. Чтобы их раздобыть, требовались документы: справка о реабилитации — для получения денежной компенсации, справка об освобождении из лагеря — для начисления соответствующей пенсии. А справок не было: их не прислали. Они были получены лишь два года спустя, для чего потребовался ряд новых жалоб в различные инстанции.

Свидание с Одессой радости не принесло: жилья не было, и в обозримом будущем оно не предвиделось. Посетив родные могилы, Анастасия Ивановна возвратилась в Казахстан. В этот раз — не по этапу.

Несмотря на реабилитацию, поселение оказалось бессрочным...

Польское дело

Дом, в котором росла дочь берегового матроса Зоня Баран (Баранова), стоял в Арбузной гавани. И девочке казалось, что корабли, заходящие в порт, швартуются у самого порога.

Море всегда оставалось рядом — даже тогда, когда приходилось отлучаться из дому. Оно угадывалось в перекатах органичных мелодий под сводами костела. Плеск воды между деревянными сваями причала слышался Зоне в родной польской речи, наполнявшей стены школы, где она училась, и польского индустриального техникума, куда поступила по совету родных.

Говорят, что южное море и солнце рожают певческие таланты. У Зони нашли не только тонкий слух и красивый голос, но и драматические способности. Органист из костела Успения Пресвятой Богородицы Отто Бихлер принял девочку в церковный хор, а режиссер Одесского театра юного зрителя Янина Мирато уговорила ее поступить в драмкружок, которым она руководила в Польском клубе.

Перед Зоней Барановой открывалась дорога в большое искусство. Но жизнь распорядилась по-своему. В 1930 году был отправлен в концлагерь органист Отто Бихлер — и умолк церковный хор. Вскоре был закрыт и Польский клуб. Власти вели наступление на польскую национальную культуру, в ходе которого ликвидировали в Одессе и польский индустриальный техникум, «переведя» его в Киев.

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 4510-п

Зоня продолжила учебу на биофаке Одесского госуниверситета. Перестраиваться было нелегко. Сложностей прибавило раннее замужество. Но все это покажется вскоре пустяками.

Зоню — Софью Андреевну Баранову — арестовали в ночь на 12 августа 1937 года, сразу же после ее возвращения из Москвы, где она проходила учебную практику. Обвинение, по которому ее «взяли», поражает своей абсурдностью: «являлась активным членом польского костельного хора и драмкружка польского и интерклубов в Одессе. Все члены драмкружка и огромное большинство членов костельного хора репрессированы».

«Солдатам Ежова» всюду чудилось присутствие Польской организации войсковой (ПОВ), объединявшей в 20-е годы сторонников великодержавной политики правительства Польши и разгромленной еще «солдатами Дзержинского». В 30-е годы аресты среди поляков обрели массовый характер. В 1937-м и 1938 годах они проводились «по общим спискам», согласно приказу наркома внутренних дел СССР за № 00485. По далеко неполным данным только на Одещине были репрессированы 1093 поляка, из них 468 расстреляны («Одесский Мартиролог», т. 2, с. 235). Словом, та же Катень. Только в рассрочку.

С. А. Баранова попала в «общий список» в связи с показаниями некоего Александра Микевича, который на «дополнительном допросе» — основных оказалось недостаточно — еще 17 января 1934 года назвал ее имя в составе подпольной организации. В 1937 году от С. А. Барановой потребовали «чистосердечного признания». Этим занялась бригада чекистов в составе сотрудницы УНКВД П. и следователей К. и В.*

Не отказав себе в удовольствии произвести «личный обыск» молодой женщины, К. предоставил возможность начать процесс дознания своей коллеге П. На допросах, как позже напишет в жалобе на имя прокурора Одесской области С. А. Баранова, сотрудница управления «убедительно настаивала» на необходимости признать себя завербованной в ПОВ Микевичем. Наивная, непосредственная

* *Нынешнее руководство архива одесского УСБУ настаивает на секретности фамилий бывших сотрудников одесских органов госбезопасности.*

в выражении чувств, Софья Баранова возмущалась: «Я лично с Микевичем не была знакома, и для меня совершенно непонятно, как незнакомый человек без моего ведома мог меня завербовать».

Поняв, что допустили промах, следователи решили поискать «вербовщика» среди лиц, известных арестованной. Выбор пал на ее бывшего школьного учителя Доминикиана Адамовича Врублевского, к тому времени уже расстрелянного. Подследственной внушали, будто уважаемый ею педагог дал соответствующие показания еще в 1933 году. Но допрашиваемая не унималась: она требовала очной ставки с Врублевским и ответа на вопрос: почему, имея на нее материал еще четыре года назад, ее арестовали только теперь? В упомянутом письме к прокурору есть строки: «Мнимое признание Врублевского — это наглая ложь, ничем не прикрытая. Удивляюсь, как следователь мог обосновываться на таких гнилых фактах и создавать дело».

Старания П. не увенчались успехом. Обвиняемую перевели в Центральный арестный дом, где ею занялся К. Он отыскал еще одного ее «вербовщика в ПОВ» — приятеля по драмкружку Константина Дроздовского. Тот был арестован годом ранее по анонимному письму «лично товарищу Сталину». Письмо содержало просьбу сослать молодого человека «в Североотдаленные края», поскольку «Враг не спит. Если он не сдастся, его надо уничтожить» (припоминаете афоризм классика?).

Но и на допросах в ЦАДе С. А. Баранова виновной себя не признала. Сговорчивее оказались свидетели, которых допрашивал 17–20 октября 1937 года следователь В.

Парторг биофака заявил: «Бывшая студентка Баранова С. А. абсолютно никакого участия не принимала в общественно-политической жизни факультета, курса... сознательно на демонстрации октябрьские, майские не приходила... никогда не выступала и не высказывала свое мнение о происходящих событиях по разоблачению троцкистско-зиновьевской банды, параллельного центра, событий в Испании... время для занятий использовала для работы в польском национальном хоре... состоит в списках польской националистической группы». (О списках знали только сотрудники органов НКВД, они же их и составляли).

Профорг биофака уточнил показания парторга: Баранова, оказывается, пела не в национальном, а в «националистическом» хоре.

Сокурница, также полька, каждую ночь ожидавшая ареста, была по-женски словоохотлива: «Часто бывали случаи, что я ей предлагала: давай будем готовить уроки, так она отвечала, я не имею время, мне надо пойти на спевку, куда и ходила... получала доллары и покупала вещи в Торгсине».

Когда-то Салтыков-Щедрин писал о российских судилищах: «Всякий вспоминал про своего ближнего всякое, даже такое, что тому и во сне не снилось, и так как судоговорение было кратко-словное, то в городе только и слышалось: шлеп-шлеп-шлеп!» («История одного города»). По делу С. А. Барановой «судоговорения» вообще не было. В то время как она собиралась «фактами убедить судебные органы в своей невиновности», Особое совещание при наркомвнудел СССР 19 ноября 1937 года постановило: заключить Баранову Софью Андреевну в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет. Та же инстанция примерно в то же время постановила расстрелять актрису и режиссера ТЮЗа, директора кукольного театра при одесском Дворце пионеров Янину Казимировну Мирато...

Сначала С. А. Баранову этапировали в Карлаг НКВД. Сюда в 1938 году ее муж, теперь уже бывший, прислал документ о разводе. В феврале 1939 года Баранову перегнали в Севураллаг НКВД, расположенный посреди воистину необозримых Кондинских болот.

В середине 1939 года в сознание советского общества усиленно внедрялась мысль, что в гибели тысяч законопослушных граждан виновен только один государственный деятель — Николай Ежов. Газеты и радио наперегонки сочиняли сказки о злом и добром наркомвах, наполняя фольклорный образ «ежовые рукавицы» новым содержанием. Многие поверили в грядущие благие перемены. В их числе был и Зонин отец, Андрей Томашевич Баранов. Его письмо, отправленное в июне 1939 года Л. П. Берии, «лучшему другу и ученику нашего дорогого и любимого учителя тов. Сталина», — образец истинно советского простодушия. В нем говорилось: «...Дочь наша стала жертвой оговора со стороны лиц, неверно информировавших власти в Одессе, которые на сегод-

няшний день славными органами НКВД под Вашим руководством разоблачены... Мы уверены, что Вы не оставите наше заявление, написанное слезами старых родителей, без внимания и распорядитесь о пересмотре...»

Вопреки уже полученному в лагерях кое-какому опыту, оптимистически была настроена и Софья Андреевна... Она обращалась к тому же адресату: «Я убеждена, что после пересмотра Вы вернете мне свободу».

Распоряжение о пересмотре последовало. Не прошло и полугода, как прокурор СССР обратился во все еще не упраздненное Особое совещание при наркомвнудел СССР с просьбой отменить прежнее решение и направить дело С. А. Барановой на доследование.

Дополнительное изучение дела началось в январе 1940 года. Новый следователь передопросил прежних свидетелей. На этот раз те не были столь категоричны в своих показаниях.

Парторг: «Софью я знаю слабо и лично с ней никогда не беседовал. Мне как парторгу поручений каких-либо давать Софье не приходилось, но мне было известно, что Баранова принимала участие в редколлегии курсовой газеты. Отрицательного я о ней не слышал... Показания, данные мною по делу Барановой Софии 17 октября 1937 года, я не подтверждаю...»

Профорг: «О посещении и участии ее в польском националистическом хоре мне совершенно неизвестно и ни от кого я об этом не слышал».

Сокурница: «Об антисоветской деятельности Барановой Софьи, ее участии в контрреволюционной группе мне ничего не известно. Я никогда не слышала, чтобы Софья высказывалась отрицательно о политике партии».

25 января 1940 года УНКВД по Одесской области приняло постановление, в котором говорилось: «Дополнительным следствием не подтвердилась преступная связь Барановой Софьи с репрессированными участниками ПОВ... Предъявленное обвинение осужденной Барановой по статьям 54-4, 54-11 УК УССР никакими материалами не подтверждается и дополнительным расследованием не доказано».

Заметим, что в 1937 году обвинение заключенной не предъявлялось; суда, а следовательно — и «осуждения», не было. Был произвол. Но не стоит придирается к «мелочам», когда достигнуто главное: справедливость вроде бы торжествует?

Как бы не так! Новый «лучший друг и ученик» Берия и не пытался изменить сущность репрессивной политики своего предшественника. Он лишь придал ей новые формы. 4 октября 1939 года он подписал приказ № 001179, в котором предписывалось всем периферийным органам внутренних дел направлять пересмотренные решения в секретариат Особого совещания при НКВД СССР. Только здесь имели право определить судьбу узников тюрем и лагерей. Сотрудники же секретариата руководствовались принципом: «Если взяты — виноваты. Сталин знает, что к чему». Здесь годами велась переписка с различными ведомствами и оперативными службами по поводу поступающих пересмотренных дел, собирались различные справки и характеристики. Делалось это с единственной целью — затянуть время пребывания в лагерях невинно заточенных до тех пор, пока зэк не проштрафится или смерть его не приберет. Оперативные службы хорошо знали правила игры. Составляя так называемые объективки, они включали в них данные, которые в равной степени могли содействовать как отмене репрессивного постановления, так и его утверждению.

Год спустя после принятия одесским УНКВД реабилитирующего С. А. Баранову постановления секретариат Особого совещания при НКВД СССР располагал рядом таких документов. В характеристике, составленной спецчастью Одесского госуниверситета, сообщалось, что на бывшую студентку Баранову компрометирующих материалов нет, и одновременно подчеркивалась ее пассивность в общественной жизни. Из управления одесского порта писали о сорока годах безупречной службы отца заключенной, который с 1932 года «состоял ударником», и тут же замечали, что уважаемый Андрей Томашевич уже «уволен по сокращению штата». Из лагеря, в котором находилась Софья Андреевна, рапортовали: «З/к Баранова работает медсестрой в хирургическом отделении. К работе относится хорошо. В быту ведет себя хорошо». Однако «...в культурно-массовой работе участия не принимает». Не поет птица в клетке.

Эти и другие бумажки, аккуратно уложенные в папку с уголовным делом С. А. Барановой, были отправлены в «долгий ящик» секретариата на полтора года, после чего были сделаны новые запросы. Так, в конце сентября 1942 года начальнику оперативно-го отдела Севураллага НКВД отправили служебную записку с недвусмысленной просьбой «сообщить о наличии компрометирующих материалов» на Баранову. Но компромат по-прежнему отсутствовал. Софья Андреевна и после пяти лет заключения «замечаний не имела», «лагрежим соблюдала». Тогда потерявший терпение начальник секретариата продублировал обвинительное заключение 1937 года и в марте 1943 года отправил дело в архив НКВД УССР. В сопроводительном документе говорилось: «Дело Барановой С. А. (польки по национальности)* на основании указания руководства НКВД СССР от 7.02.1943 года рассмотрению на Особом совещании не подлежит». Новое «указание руководства» ничем не отличалось от приказа Ежова № 00485. Круг замкнулся.

Отмеренный ей в 1937 году срок — 10 лет — Софья Андреевна отбыла полностью. Освобождена из Востураллага 12 августа 1947 года. Податься было некуда. Родной дом в Арбузной гавани, родные и близкие — все было сметено с лица земли войной. И две недели спустя медсестра хирургического отделения лагерной больницы возвратилась на свое рабочее место. «По вольному найму».

Только одиннадцать лет спустя Софья Андреевна Баранова, когда-то страстно протестовавшая против несправедливости, решила снова повести речь о своей невинности, обратившись в Президиум Верховного Совета СССР.

Около года ее дело искали в архивах, а когда все же нашли, то с удивлением обнаружили, что по сути реабилитация Софьи Барановой состоялась еще в 1940 году.

1 сентября 1959 года президиум Одесского областного суда прекратил дело С. А. Барановой «за отсутствием состава преступления». Тогда же выяснилось, что Польская организация войска, в которой якобы состояла реабилитированная, перестала существовать задолго до ее ареста.

* Подчеркнуто в документе.

Однополчане маршала

По законам революционного времени социальный статус Ядвиги Червинской-Афанасьевой был несовместим с правом на жизнь: дочь польского дворянина, владельца недвижимости в Москве и Варшаве, жена подполковника царской армии, посаженного в подвалы Лубянки... Но разрушительная сила политических потрясений на время отступила перед нею. Как ей казалось по молодости лет — перед ее Любовью. Свершилось чудо: сотни белых офицеров были расстреляны, а ее мужа, героя русско-японской и первой мировой войн, московская ЧК отпустила на волю под честное слово.

Иннокентий Афанасьев, дабы не искушать судьбу, вместе с молодой женой отправился на родину, в Забайкалье, в захолустный Верхнеудинск. Ядвиге пришлось навеки расстаться с родными, покинувшими Россию в начале революции. Быть может, при прощании с ними ей помогал пример если не декабристок, то тургеневской Елены Стаховой.

Пробираясь в сибирские края, супруги Афанасьевы говорили себе: дома и стены помогают. Однако гражданская война перечеркнула мудрость многих пословиц и поговорок. Вместо дома их ожидали тысячеверстные окопы, изуродовавшие сибирскую землю.

Требовалось сделать выбор — на чьей стороне воевать. Он пал на Пятую армию. Краснознаменную. Ту самую, которой командовал легендарный Михаил Тухачевский. Этот красный ко-

мандир из княжеского рода, бывший офицер-гвардеец Семеновского полка, строя регулярную армию, с особой настойчивостью привлекал в нее «военспецов». И бывший подполковник царской службы Афанасьев стал теперь лицом для особых поручений в штабе Пятой армии.

Не осталась в стороне от ратных дел и Ядвига Афанасьева. Вчерашняя воспитанница аристократического пансиона, московская гимназистка служила штабным писарем.

Иннокентий Иванович ни на минуту не раскаивался в сделанном им выборе: воюя в составе армии, которой командовал Михаил Тухачевский, он чувствовал, как постепенно отпускает душу позор поражений, испытанный им на сопках Манчжурии и в топях Мазурских болот.

Михаил Николаевич Тухачевский, занимая в мирное время высокие должности, не забывал о своих однополчанах. Высоко оценивая интеллектуальные возможности Иннокентия Афанасьева, он содействовал его поступлению на курсы повышения квалификации высшего состава армии, а затем и назначению на пост начальника Владивостокского пехотного училища.

Оседлый образ жизни четы Афанасьевых дал возможность Ядвиге Люциановне реализовать давнюю мечту — получить высшее образование. Она поступила в Дальневосточный государственный университет, где, кроме английского, изучала язык и литературу Японии. 1926 год она провела на стажировке в Токио, при советском полпредстве. По окончании университета Афанасьева работала переводчиком в советско-японской акционерной компании, преподавала иностранные языки. Вскоре в семье Афанасьевых появилась на свет дочка с весенним именем Майя.

Радости, как известно, ходят по нашей земле в обнимку с печалью. Минувшие войны «стреляют» в своих ветеранов и в мирные дни. В кого — инфарктами. В кого — инсультами. Именно такой «снаряд» немалого калибра подкосил Иннокентия Ивановича. И теперь Тухачевский, уже маршал СССР, подставил свое плечо однополчанину. Санитарный самолет доставил больного в Москву, в знаменитую «кремлевку». Для Ядвиги Люциановны

нашлось место преподавателя английского языка в одной из столичных военных академий. Пока мужа лечили в больнице, она с маленькой дочкой снимала комнату в Москве, тщетно пытаясь решить бессмертный «квартирный вопрос». Для такого больного человека, как ее муж, дальневосточный климат был противопоказан.

Осесть в столице не удалось. И в 1933 году Афанасьевы стали одесситами.

Просторная квартира, в которую штаб округа поселил семью командарма запаса, размещалась в доме № 12 на Дерибасовской, на самом праздничном перекрестке одесских улиц. Здесь все вливалось в душу радость, а в тело — энергию. Порой Ядвига Люциановна и сама не понимала, как ее доставало на преподавание в двух институтах, на тренерскую работу в кавалерийской школе, на общественную работу в одесском интерклубе, на организацию английских вечеров в институтах. А еще были кружок балльных танцев, подготовка дочки к поступлению в немецкую школу, общение с интересными людьми. В доме Афанасьевых бывали математик Костанди, физик Михаэлис, философ Резник, политэмигранты из Америки, китайские студенты.

Иннокентия Ивановича тоже будто живой водой окропили. Еще толком не владея правой рукой, он пошел работать военруком в один из одесских институтов: не умел сидеть без дела.

Четыре одесских года в жизни Афанасьевых промелькнули, как четыре дня. Наступил роковой 1937 год. Год, символом которого мог бы стать античный образ Сатурна, пожирающего своих детей. Была обезглавлена Красная армия. Те, кто ее созидал, были расстреляны как враги народа. Их проклинали корреспонденты радио и газет, партийные и комсомольские активисты на митингах и собраниях.

Афанасьевы не присоединились к общему хору. Ядвига Люциановна, услышав о расстреле Тухачевского и Якира, не сдержалась. «А все-таки их понапрасну расстреляли», — заявила она во всеуслышание. А Иннокентий Иванович в кругу военных с грустью говорил о слабости нового состава Красной армии: «Должности замещаются не теми командирами, которые имеют знания,

а теми, у кого в кармане партбилет». И будто предвидя кошмар первых месяцев Великой Отечественной, «студентам ставил пессимистические задачи» и на своих занятиях «слишком много внимания», по мнению коллег, уделял тактике обороны.

Обезумевшее от страха, порожденного повальными арестами в городе, институтское начальство оправдывалось перед органами НКВД: «После раскрытия шпионской банды Тухачевского, партийным комитетом и дирекцией было немедленно сообщено письменно (14 и 19 июня) в НКВД о связях Афанасьева и его жены с Тухачевским...»

В ночь на 28 июня 1937 года супругов Афанасьевых арестовали. Допрашивали одновременно, в разных кабинетах, в первый же день после ареста. Первый протокол допроса бывшего комбрига состоит из одного вопроса и одного ответа:

Следователь: Вы обвиняетесь в контрреволюционной деятельности. Признаете ли себя виновным?

Афанасьев: Нет. В контрреволюционной деятельности виновным себя не признаю.

После этой «беседы» последовал двухмесячный перерыв. Не трудно догадаться, чем объясняется столь длинная пауза между допросами в общем-то тяжело больного человека.

Когда разбитое параличом тело мужа вытаскивали в коридор из кабинета перестаравшегося следователя, в соседней комнате у Ядвиги Люциановны выпытывали местонахождение ее восьмилетней дочки, которую родители накануне ареста успели отправить на фонтанскую дачу, требовали детального изложения автобиографии.

Пять последующих протоколов заполнялись с различными по времени интервалами вплоть до 15 ноября 1937 года. Следствие интересовалось кругом знакомств Червинской-Афанасьевой в Японии, «убеждало» сознаться в контрреволюционной деятельности и, в частности, в связях с римско-католическими общинами Владивостока и Одессы. Ни на одном из допросов самообладание не изменило Ядвиге Люциановне. Она с гордостью говорила о дружеских отношениях с «заместителем наркома обороны СССР Тухачевским» и членами его семьи.

Второй допрос Иннокентия Ивановича был продолжением первого, хотя прежнего, «перестаравшегося» следователя заменили другим. Все четыре протокола последовавших допросов передают менталитет обвиняемого.

29 августа 1937 года:

Следователь: Назовите ваших знакомых, репрессированных органами советской власти.

Афанасьев: Мои бывшие начальники. Тухачевский Михаил Николаевич, бывший Маршал СССР... Уборевич Иероним Петрович, Эйдеман, бывший председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР, Фольдман Борис Миронович. Бывший начальник Главного командного управления РККА Ян Гамарник...

Вот так, уважительно — либо по имени-отчеству, либо с упоминанием высокой должности, либо сочетая то и другое.

Последний протокол допроса И. И. Афанасьева от 17 ноября 1937 года так же лаконичен, как и первый:

Следователь: Намерены ли вы правдиво и полно рассказать о своей противогосударственной деятельности?

Афанасьев: Мне об этом нечего рассказывать.

Если допросы обвиняемых сопоставимы со сценами из трагедии, то показания свидетелей смахивают на фарс.

«Методы преподавателя Афанасьевой, по-моему, — доклады следователю вчерашний двоечник, исключенный из комсомола за пьянство, — были направлены на то, чтобы вызвать недовольство среди студентов, и расцениваю безусловно вредительскими... Группа была разбита на две группы — сильных и слабых студентов, для которых Афанасьевой были выработаны разные программы». «Вредительскими» считал этот студент и консультации на дому у преподавателя, отдававшего свободное от работы время подтягиванию неуспевающих, а также организацию английского хора, состоявшего из талантливой студенческой молодежи. Подготовленную Афанасьевой для институтского вечера инсценировку он посчитал направленной «на дискредитацию студенчества», так как «в ней изображены отрицательные стороны учебы группы».

Немногим лучше оказались коллеги Афанасьевой. В организованных ею танцевальных вечерах один из преподавателей усмотрел «подрывную» работу, направленную на то, чтобы «отвлечь... от полезной работы основной состав преподавателей институтов, в которых она преподавала».

Обвинение по статьям 54-1 пункт «а» (причастность к деятельности иностранной разведки) и 54-10 (антисоветская пропаганда) УК УССР разваливалось на глазах. Следствие было вынуждено констатировать: «В противогосударственной деятельности Афанасьевы не сознались». И чтобы в обвинительном заключении создать хоть какое-то подобие образа врага, Иннокентия Ивановича повысили в офицерском чине, «присвоив» ему звание полковника царской службы, а Ядвигу Люциановну связали «с чинами японской жандармерии». Ее, атеистку, представили «активной участницей контрреволюционной деятельности римско-католической церкви». Как говорится, «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

21 ноября 1937 года, в день составления обвинительного заключения, тройка при УНКВД по Одесской области постановила расстрелять супругов Афанасьевых.

Их казнили в ночь с 28 на 29 ноября 1937 года. Собрав последние силы, Ядвига Люциановна помогла подняться брошенному на землю конвоирами полупарализованному мужу, чтобы и он, как воин, принял смерть стоя.

Судьба дочери Афанасьевых Майи неизвестна.

Однополчане Тухачевского посмертно реабилитированы прокуратурой Одесской области 31 мая 1989 года. За отсутствием в их действиях состава преступления.

Выдвиженка

У каждого человека на пройденном пути есть свои «верстовые столбы» — события, которые окрашивают прожитые годы в разные тона. У Елены Ивановны Авраменко такими вехами были недуги. Ревматизм в сырую погоду напоминал об отрочестве, когда она каждый день холодной водой мыла затоптанные полы в земской управе. Острое малокровие было связано с неустроенным бытом фабричной девчонки-комсомолки, бодро хлебавшей столовские гороховые супы и выполнявшей одну за другой пятилетки в четыре года. Неврастения появилась в зрелом возрасте, когда Елену Ивановну выдвинули сначала на профсоюзную, а затем и на руководящую партийную работу.

Ее, культпропа райкома партии, не очень тревожило отсутствие необходимого для такой должности образования: у большинства ее товарищей по работе тоже в запасе были четыре класса приходской школы или заводской кружок политграмоты. Зато всех их выручали классовый инстинкт и газета «Правда», которую они читали перед сном от первой строки до последней. Елену Ивановну нервировало другое: ее, честную, неподкупную, поставили во главе комиссии по проверке партийных документов. Вот здесь-то и обнаружилось: те, за которых она готова была идти в огонь и воду, нежданно-негаданно оказались врагами народа. Старые большевики имели «связи» с меньшевиками. Кто-то до

поры скрывал свое классово чуждое происхождение. А кто-то не сумел скрыть своих симпатий к Троцкому или Бухарину. Елена Авраменко всех подряд выметала из партии, в том числе и собственного мужа — противника сплошной коллективизации села. Бессонными ночами искала она ответ на мучившие ее вопросы, и главный — отступления от политики партии, которая, по ее глубокому убеждению, боролась за счастье трудящихся всего мира.

Одну из таких августовских ночей 1937 года надвое перерезал резкий звук дверного звонка. Чужой голос пообещал вручить срочную правительственную телеграмму. Когда же Елена Ивановна открыла дверь, ей предъявили ордер на арест и обыск. Прощаясь с плачущей старенькой мамой, арестованная убежденно сказала: «Это какая-то ошибка. Я скоро вернусь». Но увидеться снова им уже не довелось.

На первом же допросе следователь сообщил выдвиженке: «Вы являетесь участницей контрреволюционной правотроцкистской организации». Несмотря на ошеломляющую новость, Елена Ивановна не утратила присутствия духа и так, как ее когда-то учили в приходской школе, выстроила полный ответ: «Участницей контрреволюционной правотроцкистской организации не являюсь и никакой контрреволюционной работы я не проводила». Следователь обвинил ее во лжи и услышал гневное: «Я говорю только правду». Обвиняемая не успокоилась до тех пор, пока не убедилась, что следователь именно так записал ее ответ. Отныне он не пытался навязывать подследственной свой стиль и многократно повторял в протоколах ответы в ее редакции: «Я говорю только правду!» В протоколе очной ставки с тем, кто ее оговорил, Елена Ивановна подписалась лишь под единственной строчкой, внесенной ею собственноручно: «Это все неправда».

На усилия правдоискательницы никто внимания не обратил. Вслед за словами «Винной себя не признала» следователь в обвинительном заключении добавил стандартное: «Уличается показаниями участников правотроцкистской террористической организации... по заданию организации занималась вредительством на пропагандистском фронте» (статьи 17-54-8 и 54-11 УК УССР).

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 9769-п

Особое совещание при наркомвнуделов СССР к выдвинутке отнеслось сравнительно мягко. Возможно, кто-то из его членов заглянул в акт медицинского освидетельствования заключенной с длинным перечнем болезней. По постановлению от 5 февраля 1938 года Е. И. Авраменко отправили в Воркутлаг НКВД всего на пять лет, полагая, что она там не выдержит и пяти месяцев...

В тюремной камере, на этапе, в лагере Елена Ивановна, насколько это было возможно, держалась особняком: ведь ее окружали настоящие враги народа. В третью годовщину своего заключения она, с разрешения лагерного начальства, отослала заявление прокурору СССР. В нем говорилось: «Показания о моей принадлежности к контрреволюционной правотроцкистской организации есть не что иное, как попытка издыхающего классового врага оклеветать и вырвать из рядов партии отдельных честных членов партии... Никогда у меня не было ни малейших ни колебаний, ни шатаний. Я никогда, ни на одну секунду не усомнилась в правильности генеральной линии партии, руководимой гениальным вождем И. В. Сталиным».

Вера в справедливость «отца всех народов» двигала и рукой матери заключенной, Анны Давидовны. В мае 1939 года, когда врагом народа объявили Ежова, старушка обратилась с письмом к вождю. «Дорогой товарищ Сталин, — писала она, — моя последняя надежда увидеть свою дочь — это Ваша помощь. Мне 74 года, и если я креплюсь, то надеждой на то, что моя дочь, которая невинно мучается, еще увидит правду... Товарищ Сталин! Если бы я чувствовала, что моя дочь изменила Родине, моя бы рука не дрогнула просить за нее. Но представьте себе горе старой матери, которая знает, что ее дочь является честным коммунистом и сидит невинно. Я обращаюсь к Вам, помогите мне, она — больной человек, помогите ей увидеть правду... Ведь много людей возвращают сейчас обратно... Ей 40 лет. Она работница и работает с 13 лет...»

Попутешествовав по различного рода канцеляриям около года, письма прибыли в одесское УНКВД, к тем, кто подписывал обвинительное заключение Е. И. Авраменко. Надо ли удивляться тому, что решение Особого совещания было «оставлено в силе»?

Известие об отказе пересмотреть ее дело сбило Елену Ивановну с ног. Вера в неизбежность торжества справедливости, которой она только и жила в лагере, угасла, и сразу все хвори навалились на хрупкую женщину.

Полуживую, ее отправили в больничный барак. Здесь те, которых она считала врагами, заставили ее жить. Более того — научили думать.

С осознанной наконец реальностью невозможно было оставаться один на один. Елена Ивановна потянулась к людям, чьи судьбы власть растоптала так же безоглядно и жестоко, как ее собственную. Только сообща можно было одолеть все новые и новые испытания, которым подвергали заключенных.

Вместо отмеренных пяти лет заключения Елене Ивановне пришлось отбыть все восемь: во время войны заключенных из лагерей не освобождали. Обретенная в 1944 году свобода по сути таковой не являлась: Елене Авраменко запретили выехать из Воркуты. В самом начале 1952 года грянуло новое постановление Особого совещания (по прежнему обвинению) — отправить «троцкистку» на спецпоселение в заполярную глухомань, на станцию Сивая Маска. Не помогли Авраменко ни ударный труд в сангородке совхоза «Заполярный», ни примерное поведение. Этапом в феврале, когда от черной стужи замертво падали птицы, предстояло следовать в пугающую неизвестность уже немолодой женщине.

Только два года спустя после смерти Сталина Елена Ивановна решилась напомнить о себе тем, кто отправил ее в лагерь и ссылку; верно, никак не могла забыть о первом отказе...

21 ноября 1955 года президиум Одесского областного суда признал лишеными основания постановления Особого совещания и 1938-го, и 1952 годов и прекратил дела «за недоказанностью обвинения».

Всплеск радости, испытанный при этом известии, быстро растворился в едкой горечи воспоминаний о пережитом. Победа над злом сильно запоздала. Когда женщине под шестьдесят, нелегко начинать жизнь сначала...

Укрощение строптивых

Путь на командные высоты в советской прокуратуре всегда пролегал через «университеты» классово-борьбы. Прокурорский корпус в Одессе 30-х годов в этом отношении не был исключением. Почти все — рабоче-крестьянского происхождения. В годы гражданской войны — красные партизаны, красногвардейцы, чекисты. Позже — сотрудники ГПУ, партийные работники. Некоторые побывали за рубежом на дипломатической службе. Их советская ментальность проявлялась даже в самом сокровенном — в именах, которые они придумывали своим детям: Искра (в честь первой большевистской газеты), Вилор (В. И. Ленин — организатор революционеров)...

Возглавлял этот бескомпроматный коллектив областной прокурор Абрам Наумович Турин (Тальчинский). Подчиненные про него говорили: «чекист из когорты Дзержинского», «подлинный сталинец», «беспощадный борец за дело пролетариата».

Представить, что и для них 1937—1938 годы окажутся роковыми, трудно. Однако реальность подчас превосходит самые пессимистические прогнозы.

12 февраля 1937 года после полугодовой травли покончил с собой отстраненный прокурором СССР от должности Турин. Четыре дня спустя его примеру последовала жена Сарра Чарова, оста-

В очерке использованы материалы архивно-следственных дел № 4804-н, № 5114-н, № 5222-н, № 5483-н, № 5542-н, № 6814-н, № 7128-н, № 7285-н, № 7462-н, № 9437-н, № 9541-н, № 9912-н, № 11643-н, № 11644-н.

вив круглыми сиротами троих малышей. Шестеро заместителей и помощников областного прокурора — Р. П. Баршап, Н. Л. Булат, С. М. Заборовский, Н. Ф. Романов, Н. В. Стадзило и М. Р. Шепетовский в этом же году были расстреляны. Еще шестеро прокуроров — А. И. Грищюта, Ю. К. Зарицкий, В. Е. Кузоваткин, М. З. Литинский, И. Г. Макаренко, Б. И. Фишерман заключены в исправительно-трудовые лагеря на длительные сроки. Трое из них — Кузоваткин, Макаренко и Фишерман погибли в Севвостлаге. Чудом освобожден из тюрьмы после 15 месяцев пребывания под следствием лишь один помощник областного прокурора С. А. Ионкис.

Информация к размышлению. Иван Григорьевич Макаренко — коммунист с 1915 года, делегат XII съезда КП(б)У, кавалер ордена Красной Звезды, бывший областной прокурор. Приговорен военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам заключения в ИТЛ. В Севвостлаге работал санитаром в больничном бараке. Умер от воспаления легких 31 октября 1941 года сорока шести лет от роду. Его дочь, комсомолка Искра Макаренко, защищала Советскую Родину. Расстреляна фашистскими оккупантами в возрасте 19 лет 24 июня 1943 года в городе Красноармейске на Донбассе.

Одесские прокуроры обвинялись в причастности к контрреволюционной правотроцкистской (в случае с Макаренко — украинской националистической) террористической организации (статьи 19-54-8, 54-11 УК УССР).

Разумеется, между формальным обвинением и реальными «прегрешениями» не было ничего общего. Просто прокуроры попытались в тридцатые годы осуществить свои прямые, законные функции надзора за репрессивной деятельностью органов НКВД.

«Я был, по-видимому, слишком строптивым прокурором, — написал Турин в предсмертном письме на имя секретаря одесского обкома КП(б)У Е. И. Вегера. — Еще раз заявляю, что я честный большевик и никогда антипартийно не мыслил».

Суть происшедшего прояснит в 1956 году С. А. Ионкис: «В 1937 году прокуратура потеряла свое значение. Органы НКВД

игнорировали советские законы и прокуроров, они арестовывали советских граждан без санкций прокуроров, забирали их с партийных активов или с партийных собраний. Требуя от прокуроров санкций на арест, они не представляли прокурорам материалов следствия, которые должны были служить основанием для дачи санкций на арест. Партийные органы поддерживали органы НКВД, несмотря на нарушение ими социалистической законности. При такой обстановке прокуратура оказалась совершенно бессильной, как бессильными оказались и партийные органы, так как работники НКВД арестовывали и тех руководителей партийных органов, которые во всем поддерживали органы НКВД. Мы, прокуроры, были отстранены от надзора за следствием по этим делам».

По этому поводу не лишенный литературных интересов бывший городской прокурор Ю. К. Зарицкий, погибавший от чахотки в Соль-Илецкой тюрьме, заметил в письме на имя нового наркома внутренних дел Лаврентия Бери: «шекспировские трагедии блекнут перед этой трагедией».

Ознакомление с рядом архивно-следственных дел вынуждает признать, что прокурорский корпус в Одессе под руководством А. Н. Турина довольно решительно стремился противостоять «охоте на ведьм». Василий Ермолаевич Кузоваткин, в 30-е годы заместитель областного прокурора по спецделам, в прошлом герой гражданской войны, сотрудник полпредства СССР в Варшаве и партийный работник, «запретил райпрокурорам давать на местах санкции на арест лиц, привлекаемых к ответственности за контрреволюционную деятельность, требуя, чтобы материалы направлялись ему непосредственно». По показаниям Н. Л. Булат, продиктованным ей, как выяснится позже, следователем, «это положение районным организациям не давало возможности быстро и оперативно наносить удар по врагу».

Изучая жалобы подследственных, В. Е. Кузоваткин стремился избежать ненужной жестокости. Так, 25 мая 1935 года он сообщил начальнику УНКВД по Одесской области Розанову свое мнение о необходимости изменить меру пресечения для тяжело больного заключенного: «Ввиду того, что состояние здоровья содержаще-

гося под стражей с 20 февраля с. г. Петрова Поликарпа Львовича, больного 3-й стадией туберкулеза и с вырезанным желудком, ухудшается, и дальнейшее нахождение его под стражей ввиду отсутствия спецлечения и питания может привести к смерти... считаю необходимым освободить его из-под стражи» (дело № 9969-п).

В. Е. Кузоваткин не шел на сговор с собственной совестью и тогда, когда одного за другим арестовывали его сослуживцев. Он, по свидетельству И. Г. Макаренко, «категорически отказался провести анализ материалов о методах и приемах врагов народа для партконференций». Не желая вводить в заблуждение коммунистов, В. Е. Кузоваткин вызвал «политическое недоверие».

Старшие помощники областного прокурора, «юристы от станка» Рихард Баршап и Николай Стадзило отказывались рассматривать факты выпуска некачественной продукции как диверсию врагов народа, а заместитель Турина по делам несовершеннолетних Святослав Заборовский не без сочувствия цитировал высказывания своего начальства по поводу постановления правительства о привлечении к ответственности малолетних, начиная с двенадцатилетнего возраста: «Нигде в мире, ни в одном государстве нет такого варварского закона в отношении малолетних, как в Советском Союзе».

Противостояние между органами прокуратуры и органами НКВД достигло наивысшей точки при расследовании аварии на заводе «Большевик». Здесь на мельнице в пробкоперерабатывающем цеху 30 июня 1936 года в 6 часов утра прогремел взрыв, в результате которого девять рабочих погибли и восемь получили ожоги. Представители прокуратуры появились на месте происшествия одновременно с пожарными, врачами скорой помощи и милицией. Они первыми провели допросы свидетелей, захватив инициативу в свои руки и не упуская ее вплоть до вынесения приговора областным судом.

Судебное расследование продолжалось двенадцать дней, с 20 по 31 августа 1936 года. Государственное обвинение поддерживал городской прокурор М. З. Литинский. Основываясь на выводах технической экспертизы, которая установила причины

аварии — устаревшая схема технологического процесса и нарушения техники безопасности людьми, непосредственно связанными с производством, — прокурор потребовал мягкую меру наказания для членов директорского корпуса. Менее всех был виновен новый директор завода Ю. М. Стахович, добивавшийся остановки завода и реконструкции мельничного агрегата. Он заявил на следствии: «Я не мог допустить мысли, что допущение двух сверхурочных дней, вызывавшихся необходимостью выполнения производственного плана, даже без какого-либо перевыполнения по тракторному цеху, может привести хотя бы только к вспышке, причем эти сверхурочные работы обсуждались на Стахановском совете с участием всех специалистов».

К глубокому разочарованию органов НКВД Ю. М. Стахович был приговорен всего лишь к году принудительных работ по месту работы с отстранением от должности директора завода. Культовое наименование завода — «Большевик», директор-политэмигрант, крупная авария, повлекшая человеческие жертвы, — все это сулило создание громкого дела вроде «шахтинского». За «сенсационными разоблачениями» неминуемо последовали бы повышения в звании, продвижение по службе, награды... Активность прокуратуры не позволила органам НКВД реализовать заманчивые возможности.

Такого не прощают. И в досье, заведенное на А. Н. Турина, начали подшивать компрометирующие областного прокурора показания лиц, арестованных по самым разным обвинениям. Выписка из протокола допроса бывшего начальника Юго-Западной дороги А. М. Зорина свидетельствовала о недовольстве Турина диктаторскими устремлениями вождя ВКП(б): «...В партии создан режим, когда боятся свободно высказываться. Режим этот, — якобы говорил Абрам Наумович в частной беседе, — создан только в последние несколько лет Сталиным, при котором партия, не мысля и не рассуждая, выполняет слепо его указания». Другой арестованный передал на допросе доверительную беседу с Туриним по поводу коллективизации — истинной причины «трудностей, которые имели место на Украине в 1932—1933 гг.».

Московская агентура установила, что во время своих визитов в столицу жена Турина, работник одесского обкома КП(б)У, навещала своих друзей по комсомольской юности в «одесском землячестве», среди которых многие оказались троцкистами.

22 сентября 1936 года в одесской областной газете «Черноморська комуна» появилась статья «Маски с двурушников сорваны». Она положила начало травле областного прокурора и его жены. Прокуратурой СССР Турин был отстранен от работы. 10 февраля 1937 года в здании Русского драматического театра состоялось собрание партийного актива, на котором выступил нарком внутренних дел УССР Балицкий. По свидетельству юриста Л. Д. Прута, нарком задал вопрос партактиву: не арестован ли еще Турин? Присутствовавший на этом спектакле театра абсурда В. Е. Кузоваткин предупредил Турина о грозящем ему аресте, и тот предпочел смерть общению с коллегами из УНКВД.

После самоубийства Турина, вспоминает Л. Д. Прут, «те дела, которые прекращались в прокуратуре с ведома Турина... начали подымать из архива». Среди них было и прекращенное самим СПО УНКВД по Одесской области 1 июля 1935 года дело учителя украинского языка П. Л. Петрова, за которого некогда вступился В. Е. Кузоваткин. Петрова снова арестовали и по постановлению тройки при УНКВД по Одесской области расстреляли в ночь на 28 ноября 1937 года как буржуазного украинского националиста. В ночь на 18 февраля 1937 года был снова арестован и Ю. М. Стахович, чья судьба переплелась с судьбами одесских прокуроров.

Соблюдая видимость законности, органы НКВД добились отмены приговора Одесского областного суда от 31 августа 1936 года, и по решению президиума Верховного суда СССР от 2 марта 1937 года дело об аварии на заводе «Большевик» возвратилось в Одессу на доследование. Однако, как свидетельствуют материалы дела, события, связанные со взрывом, теперь в процессе дознания отошли на второй план: в постановлении об аресте утверждалось, что Стахович «на протяжении ряда лет после прибытия в СССР, будучи связан с польскими разведорганами, по заданию последних проводил вредительскую контрреволюционную деятельность».

В 1937 году органы НКВД уже располагали сведениями о том, что настоящее имя Юрия Михайловича Стаховича Самуил Моисеевич Визенберг, что он — член компартии Польши и резидент разведки РСФСР, приговоренный польским судом к 10 годам тюремного заключения в начале 20-х годов. Отсидевший в варшавской тюрьме два года, Визенберг в порядке обмена заключенными между двумя странами был освобожден и перемещен в Москву. Польский отдел Коминтерна выдал ему документы на имя Юрия Стаховича.

Является ли простым совпадением тот факт, что некий Стахович Ежи (Георгий, Юрий) был к тому времени разоблачен советской разведкой, неизвестно. Ответ на этот вопрос, возможно, содержится в спецархиве МГБ СССР.

Пару лет Визенберг-Стахович учился в МВТУ, затем перешел на партийную работу. В Одессу был направлен по инициативе управляющего трестом «Союзхимпласт» для укрепления руководящих технических кадров.

Дискредитация такого человека послужила бы доказательством виновности одесских прокуроров: спасли от разоблачения «врага народа». Но это, пожалуй, не главное. В пору разгрома комсостава Красной армии открывалась возможность протянуть ниточку от бывшего резидента в Разведуправление СССР. Для этого необходимо было любой ценой добыть доказательства шпионской деятельности польского эмигранта.

В ход пошло все: и донос бывшего помощника директора завода «Большевик», и показания шофера итальянского консульства в Одессе, которому показалось, что консул Бардуцци встречался за городом с человеком, похожим на Визенберга-Стаховича, и «вещественные доказательства» — изъятый при обыске фотоаппарат, который не возбранялось иметь любому гражданину, и книжка на польском языке, где отыскалась иллюстрация со свастикой (содержанием книги следствие не интересовалось). Оставалось получить признательные показания обвиняемого и свидетельства арестованных одного за другим прокуроров, осуществлявших надзор за следствием по делу об аварии и поддерживавших обвинение в суде.

20 июля 1937 года бывший городской прокурор М. З. Литинский был подвергнут инсценированному расстрелу, после чего согласился подписать протокол, в котором взрыв был назван результатом диверсии, а требование мягкого наказания для директора завода исходило от Турина и секретаря обкома КП(б)У Голуба. Эти имена будут неоднократно упоминаться рядом и в делах других одесских прокуроров...

Визенберга-Стаховича и арестованную в середине марта его жену, домохозяйку Таису (Татьяну) Алексеевну Стахович допрашивала бригада в составе пяти следователей УНКВД. Протоколы этих допросов — желали того следователи или нет — запечатлели борьбу между изнемогающей от мук плотью и силой духа заключенных.

Победила сила духа. Дело разваливалось, и его отправили на «двойку». Решением наркома внутренних дел СССР и прокурора СССР от 5 ноября 1937 года супруги Стахович были расстреляны в Одессе 18 ноября того же года. Реабилитированы посмертно военным трибуналом Одесского военного округа «за отсутствием состава преступления» 13 сентября 1957 года.

Информация к размышлению. В 1956 году сын Визенберга-Стаховича Станислав, с десяти лет воспитывавшийся в детском доме, ничего не зная о своих родных, спрашивал об их судьбе в письме на имя генерального прокурора СССР. Рассказывая о родителях, он писал: «У отца была книга, подаренная Сталиным в Кремле с автографом».

Репрессии в отношении одесских прокуроров и членов их семей продолжались вплоть до февраля 1938 года. Вслед за мужьями были арестованы жены: Р. М. Баршап-Волошина, А. Ф. Романова, М. Ф. Шепетовская (заключены в исправтрудлагеря сроком на 8 лет каждая), А. Ф. Кузоваткина, И. И. Макаренко (подвергнуты гласному надзору). По несколько месяцев провели в тюрьме А. Д. Заборовская, Н. К. Стадзило, Р. М. Фишерман, муж Надежды Булат — политработник Красной армии Д. Е. Мельник. Их имущество конфисковано. Все реабилитированы во второй половине 50-х годов «за отсутствием состава преступления».

Из тринадцати арестованных одесских прокуроров только четверо — А. М. Грицюта, С. А. Ионкис, В. Е. Кузоваткин, И. Г. Макаренко — вынесли пытки, не возвели напраслину на себя и других. Они отказались признать себя виновными «в развале революционной законности» и «террористических намерениях в отношении руководителей партии и правительства». О том, что довелось пережить им под следствием, рассказал коммунист с 1919 года Савва Абрамович Ионкис: «...Меня систематически избивали, в течение 62 часов меня держали на ногах, сажали кобчиком на угол табуретки, в течение двух недель допрашивали, не отправляя в камеру, а сажали в промежутках между допросами в специальный шкаф, где можно было только стоять, клали меня на табурет, а на меня ложили доску, на концы которой садились два человека и начинали качаться, заставляли смотреть на ярко горящую электрическую лампочку. Один раз ночью вывозили меня на кладбище якобы для расстрела».

Должно быть, иными способами выяснения идеологических отклонений у подследственных в НКВД не располагали: тщетно искать в протоколах допросов 30-х годов какие-либо сведения о сущности троцкизма, об отличии правых троцкистов от левых. Сотрудники, писавшие «блинокол скомпусом» вместо «бинокль с компасом», вряд ли сами были способны разобраться в подобных тонкостях.

Бригада следователей, укрощавших одесских строптивых прокуроров, насчитывала около 30 человек. Из них лишь пятеро в 1943 году предстали в роли обвиняемых — «за необоснованные аресты», «за фальсификацию следственных дел», «за извращенные методы следствия» (справка из Главной военной прокуратуры СССР). Никто из них высшей мере наказания не подвергся, заключение в исправтрудлагерях им заменили отправкой на фронт.

Двойная игра

Александр Павлович Петровский, секретарь подпольного обкома компартии Украины в годы оккупации Одесщины румыно-немецкими войсками, был расстрелян 5 сентября 1945 года как «изменник Родины» по приговору военного трибунала войск НКВД Одесской области. Двадцать лет спустя, 28 апреля 1966 года, он был посмертно реабилитирован по определению военной коллегии Верховного суда СССР «за отсутствием в его действиях состава преступления». По инициативе и при прямом участии работников одесского обкома КПУ в конце 60-х — начале 70-х годов в местном издательстве «Маяк» вышли несколько книг об одесском подполье в годы Великой Отечественной войны. В них Петровский представлен героем, талантливым организатором сопротивления оккупантам.

Кем же был в действительности этот человек, чьи поступки трактовали столь противоречиво в разные годы, в зависимости от политической обстановки в стране? Ответ на этот вопрос содержится в материалах его следственного дела.

1. Накануне оккупации

21 августа 1941 года одесский обком КП(б)У обнародовал обращение «К гражданам Одессы». По радио, в газетах и листовках население заверяли: «У советского народа, воспитанного партией Ленина, хватит силы, воли, мужества, чтобы защитить свой родной город». В это же время в обстановке строгой секретности, выполняя постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года,

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 15566-п

секретари обкома Г. С. Сенин и Д. И. Найдек подбирали кадры подпольщиков, санкционировали закладку баз с оружием и продовольствием, готовясь к сдаче города противнику.

Кандидатура Петровского на роль секретаря подпольного обкома ни у кого из ответственных партийных работников сомнения не вызвала: из пролетариев, окончил высшие курсы при ЦК КП(б)У, любил руководить — будь то цех консервного завода или завком кинофабрики, партячейка колхоза или райпартком. В 1937—1938 годах, когда по надуманным обвинениям уничтожались тысячи коммунистов, Петровский не только уцелел — он сделал карьеру, шагнув из скромного заводского парткома в обкомовский отдел кадров, а затем, отслужив политруком в частях Красной армии во время присоединения к СССР западных земель Украины и Белоруссии, стал первым секретарем одного из самых престижных райпарткомов Одессы — Водно-Транспортного.

Он был безоглядно предан доктрине, что впоследствии найдет убедительное подтверждение. Весной 1944 года судьба сведет Петровского в бухарестской королевской тюрьме с резидентом английской разведки Рикой Джоржеску; называя себя союзником СССР, английский разведчик тем не менее критиковал государственное устройство этой страны. Д. А. Нестерова (она же советская парашютистка Вера Сиренко) вспоминает: «Жоржеску считал, что Россия имеет слишком твердый режим, что мешает развитию демократии, но Петровский его разубеждал, говоря, что иначе Россию никогда нельзя поставить на ноги...»

Твердость в проведении линии партии, как тогда говорили, у Петровского была неразрывно связана с пренебрежением к чужой жизни. Бывший секретарь Ильичевского райпарткома Одессы И. Е. Платов свидетельствовал: «Примерно за месяц до оккупации города... Петровский мне и Сухареву (второму секретарю подпольного обкома — В. Ф.) стал рассказывать, как убили (расстреляли) одного молодого парня возле входа в катакомбы, где находилась группа Солдатенко. Это убийство было совершено в присутствии Петровского... После выстрела брызнула кровь на туфель Петровского. В связи с этим я тогда высказал возмущение

Петровскому, почему он допустил расстрел этого молодого парня. Петровский тогда мне отвечал, что это не мое дело и при этом вынул пистолет и потряс им в руке...»

Ни один из тех, кто довольно критически относился ко многим чертам характера Петровского, не поставил под сомнение его партийной честности и политических убеждений.

Связная Екатерина Кагальская: «Я лично в лице Петровского видела честного человека, которому я была беспредельно предана».

Хозяин конспиративной квартиры Петр Лошкарев: «В беседах вырисовывался образ коммуниста и настоящего советского человека».

Руководитель подпольной группы Марк Евстратенко: «У меня лично сложилось о нем мнение как о грамотном, политически развитом человеке».

Румынский разведчик Ион Курерару: «Я убедился, что Петровский может дать согласие на сотрудничество с нами, но работать не будет и при первой возможности об этом сообщит органам Советской власти».

Будучи арестован в первые дни оккупации Одессы, Петровский действительно дал подписку о сотрудничестве с румынской контрразведкой, и действовал он по инструкции, полученной от органов НКВД. Те, кто расследовал причины провала в Одессе партийного подполья, версию об инструкции отменили с порога. Тем не менее такая инструкция существовала. Вот что об этом рассказал секретарь подпольного Пригородного райкома партии С. Ф. Лазарев: «На последнем инструктаже в последних числах сентября 1941 года или 1 октября 1941 года в помещении санатория имени Дзержинского, проводимом группами по 4—5 человек, были указаны задачи деятельности оставленных в подполье работников. Инструктаж проводил работник одесского УНКВД, который сообщил, как надо себя вести в случае ареста оккупантами, а также о том, что если другого выхода не будет, можно «сотрудничать» с оккупантами на пользу нашей Родины. Тогда мы все заявили, что лучше пустить себе пулю в лоб, чем сотрудничать с оккупантами. Инструктирующий на это сказал, что если не будет

другого выхода, а дело будет проводиться на пользу нашей Родины, как исключение можно будет на это пойти». К сожалению, автор инструктажа остался безымянным.

В безвыходную ситуацию Петровский попал вскоре после вступления румыно-немецких войск в город. Предпосылки для подобного развития событий были заложены еще в июле — октябре 1941 года. Первым звеном в цепи драматических обстоятельств, приведших к арестам и гибели людей, был принцип, которым руководствовались Сенин и Найдек при создании подпольного секретариата: не задумываясь о последствиях, они оставили всех райкомовских работников на своих местах, в отдельных случаях повышая их в «должности». Похоже, организаторам партийного подполья не приходила в голову мысль, что на оккупированной территории остается какая-то часть населения, обездоленная советской властью в годы гражданской войны, голодомора и ежовщины, и что ей не окажется чуждым чувство мести коммунистам. Попытки обрекаемых на заклятие членов КП(б)У образумить начальство воспринимались как уклонение от мобилизации в военное время. Так воспринимал это и Петровский, у которого никогда не было расхождения с мнением «верхов».

Рассказывает бывший партсекретарь ЦК на заводе имени Андре Марти И. Н. Веденев:

«В сентябре 1941 года Петровский пригласил меня к себе в райком партии и сказал, что он остается секретарем подпольного обкома, а мне предложил должность секретаря Водно-Транспортного райкома партии. До этого у нас никакого разговора не было, и я готовился к эвакуации. Я отвечал отказом и заявил, что готов работать в тылу врага в любой местности, но не в Одессе, Херсоне, Николаеве, где меня знают как руководящего партийного работника. Петровский настаивал на своем и сказал, что я Одессе нужен... Я направился к секретарю обкома Найдеху. Последний поддержал Петровского. Я и тут не согласился... Через несколько дней меня вызвал к себе секретарь обкома Сенин, который в то время выполнял должность первого секретаря. Он объявил мне, что по решению обкома партии я остаюсь секретарем Водно-Транспортно-

го подпольного райкома партии, чтобы я принял дела от Петровского. Я подчинился решению обкома и пошел принимать дела».

За годы работы в партийных органах силовой подход к принятию решений в сочетании с благоговейным отношением к циркуляру и анкете вошли в плоть и кровь Петровского. Военная обстановка давала простор для проявления такого стиля руководства: времени на раздумья — в обрез, команда свыше обсуждению не подлежит.

«Вызвав в райком, — вспоминает о своем общении с Петровским накануне оккупации бывший секретарь парткома «Цумстроая» А. О. Третьяк, — предложил мне сдать партбилет и объявил, что я должен остаться в тылу противника для ведения подпольной работы. Тогда же Петровский предупредил меня, что если я самовольно уеду из Одессы в тыл, меня и там найдут и будут судить как дезертира. Через некоторое время Петровский сам пришел ко мне на работу и по журналу учета коммунистов выбрал Шукайло Виктора Лукича и Карачевцева Алексея».

Нет оправдания партийному руководству, приказавшему остаться на оккупированной территории для борьбы с врагом коммунистам-евреям. Со времени прихода к власти фашистов в Германии, Италии советские средства массовой информации повседневно твердили о геноциде, которому подвергается еврейское население всюду, где появляются палачи со свастикой на знаменах. Неужели партийное руководство области и города так мало верило тому, в чем убеждало массы? На этот вопрос нет ответа. Есть факт: первыми жертвами оккупантов, несмотря на смену жилья и фальшивые паспорта, стали евреи-коммунисты. В справке, переданной одесским обкомом компартии Украины в органы госбезопасности осенью 1944 года, читаем: «Крейнер С. повешен румынской контрразведкой в октябре 1941 года, Шестель И. Я. вывезен в Румынию в 1942 году... Ольшанецкий расстрелян в ноябре 1941 года как еврей». В числе казненных и угнанных в гетто оказались и связные Петровского: доцент Одесского госуниверситета Р. М. Сойфер, сотрудник научной библиотеки Р. С. Повар, секретарь парткома университета Б. И. Малкина.

В свете всего сказанного следует ли строго осуждать тех, кто, не вняв угрозам обкомовских секретарей, покинул Одессу с отступавшими войсками, — секретарей подпольных райкомов партии Акименко, Задорожного, Луки?.. Впрочем, их и не осуждали: Луки, например, продолжал после освобождения Одессы от оккупантов руководить Сталинским райпарткомом и вышибал из рядов партии коммунистов, которые, оставаясь на оккупированной территории, не убили ни одного немца.

В середине октября 1941 года подпольный обком состоял из четырех городских и двух сельских райкомов. Причем последние объединились на одной базе — в Усатовских катакомбах — и по сути представляли одну организацию. По утверждению секретаря Пригородного подпольного райпарткома С. Ф. Лазарева, она действовала автономно: «После оккупации Одессы на пункты явок... от подпольного обкома не являлись... Райком действовал самостоятельно... Всем необходимым обеспечивали себя сами».

Попытки Петровского в период оккупации установить связь с Балтским райпарткомом и Котовским горкомом успеха не имели.

Последним звеном в цепи ошибок, допущенных накануне оккупации организаторами партийного подполья, была закладка базы с оружием и продовольствием, а также обустройство конспиративной квартиры для первого секретаря во дворе артели «Инхимкомбинат» на улице Болгарской, 72, в двух шагах от дома № 74, где проживала семья Петровского: мать, сестра с мужем и ребенком, другие родственники. Здесь Александра Павловича знали все соседи и относились к нему по-разному. Появляться в этих местах для партийного лидера было равнозначно явке с повинной в румынскую полицию. Не спас бы Петровского и планировавшийся в ночь с 15-го на 16 октября взрыв цехов артели. Он мог повлечь разрушения соседних домов, что еще больше осложнило бы положение секретаря подпольного обкома. Но саперы по неизвестной причине не выполнили приказ, здание уцелело и автоматически подпадало под контроль оккупационных властей. Петровскому оставалось срочно покинуть облюбованный дом в первый же день оккупации города.

2. Первый арест и вербовка

Авангард румыно-немецких войск вошел в город 16 октября 1941 года около четырех часов дня. Солдат размещали на постой в помещениях школ, клубов, предприятий. В любую минуту они могли появиться в цехах «Инхимкомбината». Александр Павлович принял решение перейти на конспиративную квартиру, предназначенную для его дублера, Сергея Семеновича Сухарева, на Ближних Мельницах, по Второй Лагерной улице, 15, в доме эвакуировавшегося коммуниста с «Январки» Георгия Закушняка. Уложив в чемодан вещи первой необходимости, записную книжку со структурой подпольного обкома, шифрами, паролями и явками, оставленные для нужд подполья 600 золотых рублей царской чеканки и 9 массивных золотых хронометров, Петровский вручил его своей сестре Вере Павловне Судник и велел ей идти на Ближние Мельницы. Сам он шел поодаль. Он надеялся, что молодая женщина с чемоданом не привлечет внимания румынских патрулей.

Оба благополучно достигли цели. Александр Павлович искренне радовался удаче. Он и не подозревал, что сделал первый шаг к провалу подполья, показав сестре свое новое убежище. Вера Павловна не имела понятия о существовании подпольного обкома. Она полагала, что ее брат и уже находившиеся в доме Закушняка коммунисты Сухарев и Марков просто не успели эвакуироваться. Ее визиты на Лагерную улицу были регулярными. По поручению брата она унесла домой и припрятала в мешке с солью заветную записную книжку и большую часть золотого запаса (меньшая — 150 царских рублей и 3 пары золотых часов — была передана Сухареву). Вера Судник приносила для брата горячую еду, так как за время пребывания на ответственных постах он отвык от консервов с сухарями, припасенных в тайнике для нелегалов.

Конспиративная квартира перестала быть таковой, и Сухарев, опасаясь провала, покинул ее. Сделал он это как нельзя своевременно.

20 октября 1941 года, возвращаясь домой после очередного визита на Ближние Мельницы, Вера Павловна увидела, как румыны ведут под конвоем ее мужа. Она бросилась к нему, желая

узнать о причине ареста, и тут же была схвачена жандармами. В школе-новостройке на Болгарской улице, превращенной в тюрьму для заложников, Вере предъявили ультиматум: либо она укажет местонахождение брата, либо будет расстреляна вся семья: мать, муж, четырехлетний сын и она сама. И женщина сделала свой выбор...

21 октября 1941 года в два часа дня к дому, где продолжали скрываться Петровский и Марков, подъехала грузовая машина с румынскими жандармами. Они окружили дом Закушняка. Вера Судник, выйдя из кабины, потребовала от присматривавшей за домом Степаниды Гаврилюк, чтобы Петровский вышел из укрытия. Та передала ее требование по переговорному устройству своим «квартирантам».

А. М. Марков вспоминает: «Петровский, не говоря ни слова, сразу же через запасной ход вышел во двор. Я последовал за ним. Видя, что он вышел на улицу, Вера Судник стала кричать ему: «Сашенька, иди, тебе ничего не будет». Подняв руки вверх, Петровский пошел к машине. Его спросили: «Где шофер?». Не дожидаясь его ответа, я тоже вышел к машине».

Имевшийся у Петровского браунинг был, по его показаниям в органах госбезопасности в 1944 году, незаметно выброшен в высокий густой бурьян.

Маркову суждено было стать также свидетелем начала двойной игры, которую повел после ареста секретарь подпольного обкома. «В ночь на 23 октября 1941 года, — рассказывал он, — Петровский, придя с допроса, заявил мне, что он в силу ряда обстоятельств, каких не сказал, признался румынам в причастности к подпольной партийной организации и заявил согласие сотрудничать с румынской контрразведкой. При этом он сообщил мне, что на первый раз хочет выдать румынам склад оружия, находившийся в том подвале, где мы скрывались».

Ставкой Петровского в затеянной им согласно памятной инструкции игре с вражеской контрразведкой была не только тайна склада на Лагерной. В прошении о помиловании, отправленном 30 июня 1945 года председателю Президиума Верховного Совета СССР, Петровский признавался, что «не выдал ни одного

человека за исключением Платова». Вероятно, после спора с этим подпольщиком по поводу расстрелянного у входа в катакомбы юноши секретарь подпольного обкома не считал Платова особенно ценным для борьбы с оккупантами человеком. Справедливости ради надо заметить, что и склад, и Платов попали в руки оккупантов вовсе не с подачи Петровского. Трофейные документы, принадлежавшие румынским карательным органам, свидетельствуют, что автором доносов в обоих случаях оказался бывший бригадир мастеров подъездных путей с «Январки», недовольный советской властью, — Михаил Чаюк (Чиолак).

О других уступках, сделанных Петровским румынской контрразведке в процессе вербовки, говорится в протоколе допроса капитана Пэунеску (он же Александр Фулга): Петровский передал «нам имевшийся у него шифр, который мы сфотографировали и отправили в центр «Б», указал местонахождение рации, но она до нас была найдена румынскими солдатами».

Петровского освободили 25 октября 1941 года, когда улицы и скверы Одессы представляли собой эшафоты. Капитан знал, когда лучше всего «в воспитательных целях» отпустить завербованного узника. После взрыва здания УНКВД на Маразлиевской (Энгельса), где разместились штаб 6-й румынской армии и администрация «Транснистрии», «румынские и немецкие оккупационные части и карательные органы, — свидетельствовал Пэунеску, — приступили к массовому беспорядочному уничтожению советских граждан в Одессе. Не было такого угла и столба в городе, где не валялись и не висели расстрелянные... Убивали и вешали советских граждан все, кому только этого хотелось».

Александр Павлович вглядывался в лица казненных, узнавал многих, с кем приходилось работать, общаться. Но не страх сковывал ему душу: он сгорал от нетерпения пустить в дело выторгованную им у врагов собственную жизнь, чтобы мстить.

Екатерина Кагальская вспоминает: «...Первая встреча с Петровским в условиях оккупированной Одессы... была в период последней недели октября 1941 года, примерно через два дня после взрыва бывшего здания НКВД на улице Энгельса... В этот период оккупационными властями производились массовые репрессии со-

ветских людей. Многие были убиты... Я помню, что тогда Петровский называл фамилии знакомых лиц, трупы которых он видел...»

В ноябре Петровский посетил другую связную, Зинаиду Мойсейчик. Обеим дал задания связать его с Сухаревым и секретарями подпольных райкомов. Выяснилось, что на многих конспиративных квартирах хозяева отсутствовали, секретарь Водно-Транспортного райкома Веденьев ослеп, а предупрежденный о вербовке Петровского Сухарев встреч с ним избегает, посылая на явки свою связную Франческу Левенец. Кагальской удалось установить связь с Алексеем Карачевцевым, который и был назначен секретарем райкома вместо Веденьева.

Одновременно Александр Павлович встречался с Пэунеску, вручал ему липовые шифровки, якобы полученные из ЦК.

Секретарь подпольного обкома понимал, что так долго продолжаться не может, и после долгожданной встречи с Сухаревым, который предложил передать ему руководство партийным подпольем, Петровский, не согласившись, решил перейти на нелегальное положение. В первой половине марта 1942 года он отправил капитану Пэунеску по-мальчишески дерзкое письмо с угрозой организовать взрывы румынских административных зданий в случае ареста его семьи и стал скрываться на уцелевших конспиративных квартирах.

Он был твердо уверен в успехе предпринятой акции. Однако румынский контрразведчик был не столь наивен, как того хотелось Александру Павловичу. Капитан арестовал всю семью сбежавшего «резидента» и продолжал вести слежку за его связными, о чем Петровский не догадывался. «Я не допускаю мысли, — утверждал он в судебном заседании военного трибунала войск НКВД, — что Пэунеску, освободив меня 25 октября 1941 года, установил за мной наблюдение и этим путем выявил всех людей, с которыми я был связан». Но есть и другие данные — заявление военного преступника Пэунеску, сделанное им на допросе 28 января 1948 года: «Не доверяя Петровскому, я установил за ним наблюдение».

В состоянии шока после вербовки Петровский посещал своих связных по месту их жительства, а не на явках, чем нарушал элементарные правила конспирации. В докладе ССИ (секретной службы информации) от 12 июня 1943 года, представленном в

военный кабинет при председателе Совета министров Румынии, говорилось: «Один из наших внутренних агентов сумел засечь одного из руководителей подполья. За этой персоной было установлено наблюдение. С помощью этого метода шаг за шагом были выявлены руководители партийного подполья и ликвидированы». Не о Петровском ли шла речь в докладе?

3. Год в подполье

С первых дней оккупации на жителей Одессы обрушились шквал репрессий и потоки дезинформации. Бытует мнение об относительно мягком оккупационном режиме на территории, занятой румынскими войсками. Тем не менее, по данным областной комиссии, имеющимся в архивно-следственном деле, за период господства захватчиков на Одессине здесь были расстреляны, повешены, сожжены или закопаны в землю заживо, заморожены, доведены до голодной смерти, угнаны в гетто 52696 советских граждан, из них 4928 детей. Население убивали и морально: «Молва», «Одесская газета», местное радиовещание дружно назначали «в ближайшие дни» парад немецких войск в Москве и наступление японских войск на Дальнем Востоке. Правда, разговоры о парадах вскоре поутихли, но и о контрнаступлении Красной армии под Москвой помалкивали. А люди хотели знать правду — ведь на Большой земле жили, сражались родные и близкие.

Из двух задач, поставленных ЦК перед партийным подпольем, — вести агитацию среди населения и совершать диверсии, — Петровский на первое место поставил пропаганду. «Петровский давал указание никаких активных действий против оккупантов не проводить, а заниматься активным вовлечением новых лиц в подпольные организации», — показывали свидетели на предварительном следствии по делу подпольного обкома. В органах госбезопасности это расценили как измену Родине. Но тот, кто поторопился применить к секретарю подпольного обкома статью 54-1 пункт «а» УК УССР, не ходил в октябре 1941 года по улицам, превращенным в эшафоты, не читал приказов оккупантов, где говорилось, что «жители и дворники домов отвечают своей жизнью за исчезновение, порчу или уничтожение военных материалов...»

находящихся на их участке...» (Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1970. Документ № 88).

Вступая в конфликт с максималистами, которые вынашивали планы уничтожения электростанции, военных госпиталей, Петровский стремился избежать неоправданных жертв. Он мечтал о подготовке в городе вооруженного восстания при приближении советских войск. По его расчетам, это должно было произойти не позже 1943 года. И листовки со сводками Совинформбюро служили, по его мнению, сплочению единомышленников. Поселившись на улице Ясной, 4, он, несмотря на строжайший запрет румынских властей, хранил радиоприемник, слушал Москву, организовал изготовление листовок на пишущей машинке.

Ряд обстоятельств заставил Петровского пересмотреть анкетный принцип отбора людей для подпольной борьбы. Благополучные анкетные данные подвели его при назначении Алексея Карачевцева секретарем райкома. Тот оказался авантюристически настроенным, неосторожным и, в конечном счете, слабым человеком. С весны 1942 года Петровский все чаще полагается на интуицию. Он не опасается назначать руководителями подпольных организаций подвергавшихся в 30-е годы необоснованным репрессиям коммунистов, а то и вовсе беспартийных патриотов. Так к руководству подпольными райкомами пришли Михаил Решетников, Марк Евстратенко, Леонид Ковальский, Владимир Добровольский...

Однако полностью отрешиться от стереотипа поведения, сложившегося у него за время пребывания на руководящих постах в прошлом, Петровский так и не сумел, хотя этого требовали неординарные условия деятельности в подполье. И в годы оккупации он остался администратором, не мыслящим себя без бумажной возни. Он «ввел письменную отчетность о проводимой подпольной работе каждого месяца 15 числа», — показывал на следствии Решетников. Петровский потребовал от Сухарева при вручении ему части золотого запаса расписку, составленную по всей форме, которая, попав впоследствии в руки румынской контрразведки, поможет ей установить роль Сергея Семеновича в одесском партийном подполье. И педантизм Петровского стоил жизни его дублеру.

Петровский непрестанно заботился об укреплении своего авторитета, даже если для этой цели требовалась ложь. В феврале 1943 года он назначает Решетникова своим заместителем «по решению ЦК», с которым отсутствовала связь, дискредитируя тем самым Сухарева, к которому прислушивались многие коммунисты. Чтобы общение секретаря подпольного обкома «с товарищем из ЦК» выглядело правдоподобным, Александр Павлович поручает своим подчиненным подготовить к его прибытию конспиративную квартиру, в которую никто так и не явился.

Петровский, выдавая желаемое за действительное, редактирует сводки Совинформбюро. 25 августа 1942 года в инструкции, сочиненной им для сельских подпольных райкомов (с которыми не было связи), он сообщает о том, что «союзники — Англия и Америка — создали второй фронт во Франции, союзные войска форсировали... Сену».

Окончив два курса железнодорожного училища, Петровский считал себя достаточно компетентным и в технических вопросах. В одной из инструкций он рекомендует «способ простой» пускать под откос воинские эшелоны: «отвинчивают гайки на стыке двух рельс, вынимают с 3—4 шпал костыли, закрепляют веревку, несколько метров, и когда приближается поезд, оттягивают веревку...» Инженер с высшим техническим образованием Добровольский раскритиковал эти рекомендации: «Этот метод я считал опасным, т. к. связан с шумом и продолжительной работой на полотне железной дороги, поэтому мной был сконструирован клин... Петровский применение клина временно приостановил». Мог ли поступить иначе партийный деятель, подписывавший свои распоряжения псевдонимом Г. В. Плеханова, — Валентинов? Авторитет ставленника ЦК КП(б)У должен был оставаться незыблемым даже в ущерб делу.

В марте 1943 года, после разгрома германских армий под Сталинградом и в связи с начавшимся разложением в войсках захватчиков, румынские карательные органы, собрав, как им казалось, достаточно оперативных данных, произвели массовые аресты среди подпольщиков Одессы. Всего арестовали примерно 400 человек (по другим данным — около 600). Из них только небольшая часть была непосредственно связана с подпольным об-

комом партии. Остальные состояли в стихийно возникших группах и организациях. Петровского арестовали 19 (по другим показаниям — 21) апреля 1943 года.

Каратели сделали все, чтобы скомпрометировать секретаря подпольного обкома: подписанное им в октябре 1941 года согласие сотрудничать с румынской контрразведкой предьявлялось арестованным во время допросов и повергало их в состояние шока; в местах заключения тюремщики создавали для него улучшенные условия содержания; среди заключенных был пущен слух, будто его неудачная попытка самоубийства при аресте — не более чем инсценировка. Заключенным предьявлялась и записная книжка со структурой подпольного обкома и записями о выполняемых подпольщиками заданиях. При этом, конечно, умалчивали, что тайник с записной книжкой выдал Петр Лошкарев, не выдержав избиений своего ребенка. Так создавалась легенда о Петровском-провокаторе, подкрепленная еще и тем, что его не судили вместе со всеми «обкомовцами», а отправили в качестве заложника в Бухарест.

Материалы архивно-следственного дела свидетельствуют о том, что далеко не все поверили в легенду о Петровском-провокаторе. Но она сеяла сомнения в душах измученных пытками людей, а это было не лучшим средством для укрепления их воли и мужества...

4. Немного о морали

Чтобы выполнить миссию вожака большой группы борцов в экстремальных условиях вражеской оккупации, недостаточно было обладать служебным рвением и слыть, как принято писать в характеристиках от парткома, «идейно выдержанным». Для этого были необходимы еще и особые нравственные качества. Ими Петровский не обладал. Это был самый заурядный человек со многими присущими ему слабостями.

Так уж случилось: в трудное военное время к Александру Павловичу пришла новая любовь. Об этом лучше узнать из уст его связной Татьяны Дубовской: «К Петровскому я стала относиться как к мужу с ноября 1941 года, когда мы поселились вместе на квартире по Малой Арнаутской. Моя мать и мои сестры знали, что мы живем семейной жизнью. Я знала, что Петровский женат и его

Группа одесских подпольщиков, арестованных румынской сигуранцей в марте 1943 года

жена эвакуировалась. Мы договорились и рассчитывали после войны жить вместе. Брак наш, конечно, не был юридически оформлен. Во-первых, тогда нам было не до того, во-вторых, до войны, в том числе и я, регистрацию брака не считали обязательной...»

Татьяна Дубовская скромно умалчивает о том, что кроме разлюбленной жены у Александра Павловича была еще дочь-подросток...

В минуту страданий и гибели тысяч и тысяч людей амурные заботы секретаря подпольного обкома вряд ли вызывали сочувствие у его окружения. Настоящее же отчуждение возникло тогда, когда Петровский низвел обязанности подпольщиков до уровня обслуживающего персонала. Алексей Карачевцев, Зинаида Мойсейчик, Петр Лошкарёв в разное время выполняли роль курьеров, доставлявших письма и записки интимного свойства молодоженам, когда им приходилось проживать врозь, на разных квартирах. Связной же Екатерине Кагальской достались обязанности менять: «По заданию Петровского, — свидетельствовала она, — я поддерживала связь с сестрами Дубовскими. Они приносили мне золотые монеты дореволюционной чеканки, которые я продавала на базаре и деньги передавала через них для Петровского (несколько раз по 3 и более монет достоинством в 5 и 10 рублей)».

Нет ни одного документа, который бы свидетельствовал о расходах золотого запаса на нужды подполья. На них шли средства, собранные у сочувствовавших борьбе с оккупантами. Хозяйка конспиративной квартиры, на которой скрывался Роберт Сойфер, Н. О. Елисеева, писала в своем отчете: «Петровский разрешил Сойферу выходить и просил, чтобы он достал денег у своих друзей, которые ему помогали, что нужны деньги на канцелярские нужды. Сойфер, конечно, достал не мало и не много, 3 тысячи марок...» Как говорится, воздал сторицей, поскольку в минуту жизни трудную, в марте 1942 года, Александр Павлович «дал для Сойфера 45 марок и год не приходил».

Секретарь подпольного обкома додумался взимать деньги «для канцелярских нужд» за чтение листовок. Выполняя его указание, Марк Евстратенко собрал и передал Петровскому 200 марок. На канцелярские расходы были отобраны у ослепшего Веденьева ценности, врученные ему организаторами подполья накануне

не оккупации Одессы: «Петровский... предложил передать партийные средства... Я передал ему 4 монеты по 5 рублей царской чеканки и золотое кольцо с синим камнем (2 монеты по 5 рублей я израсходовал во время болезни)». И это далеко не все случаи равнодушия Петровского к судьбе товарищей. Отбирая ценности у Веденьева, Петровский отказался дать ему расписку, заявив: «это не партийная постановка вопроса». Крайне нуждавшемуся в первые месяцы оккупации Александру Третьяку он распорядился выдать... 4 марки! Нищие под церковью в праздничный день собирали больше... Связной Зинаиде Мойсейчик он передаст для продажи немного белья и платья. Тяжело болевшей Екатерине Кагальской, матери девятилетней девочки, не помог ничем.

Следует ли вспоминать об этом? Да. Следует. Хотя бы потому, что румынская контрразведка тщательно собирала сведения о взаимоотношениях между лидером и его подчиненными, умело манипулируя ими на следствии. Бывший начальник румынского разведотдела центра 3 ССИ капитан Аргир (он же Николай Галушкин) признавал, что напряженность, имевшая место во взаимоотношениях между секретарем обкома и рядовыми подпольщиками, облегчала его преследование, помогала вербовать противников незадачливого руководителя: «Дианов — старый коммунист, который не скрывал свою веру в марксизм, осуждал, так же как и другие коммунисты, поведение Петровского как руководителя обкома... Дианов и другие коммунисты искали Петровского для того, чтобы требовать у него отчет за фонды для оказания помощи, которые он истратил для собственных нужд».

19 мая 1965 года бывший боец партизанского отряда Галина Марцышек, находившаяся вместе с Петровским в бухарестской тюрьме, будет беспощадна к нему — даже мертвому: «О Петровском как о личности у меня сложилось впечатление как о самолюбивом, тщеславном, вспыльчивом и неуравновешенном человеке... Он больше думал о себе, в тюрьме интересовался только тем, какую пищу дадут сегодня... Никогда не стремился помочь товарищу».

Неужели ни о чем таком не догадывались члены бюро обкома КП(б)У, утверждавшие в 1941 году кандидатуру Петровского в руководители партийного подполья? А ведь годами работали бок о бок.

5. Перед концом

В марте 1943 года, когда сигуранца производила массовые аресты участников Сопротивления, Петровский почувствовал, что кольцо вокруг него сжимается, и снова вспомнил об инструктаже 1941 года, о допустимости двойной игры. Он, очевидно, признавал в глубине души свою неподготовленность в этом вопросе и искал в домашней библиотечке Петра Лошкарева, у которого напоследок скрывался, книги о советской разведке. Таковых не оказалось, и Александр Павлович, будучи арестован вторично, повел «игру» как умел: шел на компромиссы со следствием, подтверждал причастность к партийному подполью уже избалованных, говорил одно — делал другое. С него брали пример рядовые коммунисты, тоже не очень сведущие в подобном деле...

Более полугодом пыток, которым подвергались подпольщики, дали румынской контрразведке значительно меньше сведений, чем записная книжка Петровского. Соотнося показания заключенных с имевшимися в ней заметками, капитан Аргир пришел к выводу, что обком существовал только на бумаге и деятельности никакой не проводил: «ни один из лиц, записанных в книжке, не работали и были записаны по усмотрению Петровского... В этой записной книжке были записаны инструкции и указания из области фантазии с целью создать себе алиби для будущего... В Одессе я констатировал, что ни Петровский, ни другие не имели необходимую базу для того, чтобы служить своему делу».

Однако, отчитываясь перед высоким начальством, одесское отделение румынского юридического бюро секретной службы информации (ССИ) воспроизвело именно «фантазии» из записной книжки Петровского, проиллюстрировав их коллективным фото арестованных весной 1943 года членов подпольных организаций — и обкомовских, и возникших стихийно. Желая подчеркнуть свои заслуги в борьбе с большевиками, сотрудники ССИ писали в донесении: «Из совокупности всего изложенного следует, что подрывной обком партии через своего секретаря Петровского Александра, оставленного в Одессе с подрывной миссией, и через своих членов проводил интенсивную деятельность, завербовывая в

организацию многочисленных новых членов, развернул широкую большевистскую пропаганду, распространяя информационные и подрывные листовки, составляемые после тайного приема передач московской радиостанции, сводок Советского информбюро, содержащих сведения о положении на фронтах и о событиях, неблагоприятных для оккупантов».

Проводя в оккупированной Одессе политику кнута и пряника, румынские власти осенью 1943 года амнистировали несколько сотен заключенных. В военную прокуратуру были переданы дела на 101 человека. Из них 87 проходили по делу подпольного обкома. По сравнению с костоломами из сигуранцы общение с прокурором показалось подследственным почти гуманным: он каждого спрашивал, не подвергались ли заключенные пыткам, не оговорили ли они себя и других. Еще либеральнее повели себя судьи из «Курце марциале», прозванного одесситами «Дворцом смерти». На этот раз из числа «обкомовцев» был приговорен к смертной казни только один человек — Р. М. Сойфер, доцент кафедры марксизма-ленинизма, еврей, коммунист. На допросах он вел себя героически, за что палачи перебили ему в нескольких местах руки железным прутком. С. С. Сухарева приговорили к 10 годам каторжных работ, убив его позже «при попытке к бегству». Большинство представших перед военным судом были приговорены к сравнительно небольшим срокам заключения. Секрет этого «либерализма» раскрыл Марк Евстратенко: «Были подкуплены члены суда, взявши... за смягчение приговора значительную сумму денег».

29 марта 1944 года Петровского под охраной отправили в Бухарест, в военно-политическую тюрьму, откуда 5 апреля 1944 года перевели в лагерь для военнопленных. Когда Румыния вышла из войны с Советским Союзом, немецкие воинские подразделения обстреляли лагерь. Пленные разбежались. 15 сентября 1944 года Петровский вместе с соллагерником Бантюком (бывшим капитаном ЧМП, в период оккупации Одессы работавшим на ремонте Успенского собора, того самого, на котором 7 ноября 1943 года было водружено красное знамя) возвратился домой. В ночь на 16 сентября Александр Павлович составил тезисы

отчета о работе подпольного обкома и утром явился в одесский обком партии, прихватив с собой остаток золотого запаса: две пары золотых часов и 15 золотых рублей.

Все секретари обкома, готовившие в Одессе партийное подполье, находились при исполнении служебных обязанностей. Ни один из них не пожелал принять Петровского. В здании обкома Петровский и был арестован. Органы государственной безопасности арестовали также почти всех репрессированных оккупантами участников одесского подполья — как партийного, так и беспартийного. Они предстанут перед судом военного трибунала войск НКВД Одесской области и будут приговорены к различным срокам заключения в спецлагерях для изменников Родины. Их вина состояла в том, что они под пытками в сигуранце признали себя причастными к подпольным группам и после этого остались живы.

Суд над Петровским состоялся 28—29 июня 1945 года. Перед судом, 13 июня, Александр Павлович написал записку на имя председателя трибунала — отказ от адвоката: «Я не считаю себя преступником перед Родиной, вернувшись из румынских застенков, не собираюсь защищать себя от советского правосудия, а потому отказываюсь от защитника».

Суд приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу.

Двадцать лет спустя в институте истории партии ЦК КП Украины начнут разбирать трофейные румынские архивы и встретят отчеты ССИ с характеристиками масштабной деятельности подпольного обкома на Одессине. 27 июня 1964 года ЦК КПУ направил в одесский промышленный обком партии письмо, в котором предложил совместно с сельским обкомом рассмотреть материалы о деятельности партийного подполья «на основе поступивших в ЦК из института истории партии ЦК КПУ материалов».

Дело о подпольном обкоме пересматривалось в органах госбезопасности области и республики, в военной прокуратуре Одесского военного округа. 28 мая 1965 года УКГБ по Одесской области направило военному прокурору письмо следующего содержания: «Анализ материалов предварительного следствия и дополнительной проверки дает основание сделать вывод, что в действиях

Петровского не усматривается преднамеренная измена Советскому государству и Коммунистической партии, его действия не находятся в причинной связи с произведенными арестами участников одесского подпольного обкома. Дача согласия Петровским сотрудничать с румынской контрразведкой в 1941 году явилась мнимой, посредством чего он преследовал цель вырваться из рук врага, чтобы впоследствии продолжить борьбу против оккупантов. Таким образом, в действиях Петровского нет субъективной стороны состава преступления, предусматривающего измену Родине, привлечен он к уголовной ответственности и осужден по данному делу необоснованно, подлежит реабилитации».

18 апреля 1966 года последовал — после тщательного рассмотрения материалов дела — протест Главного военного прокурора. В нем говорится: «Не усматривая в действиях Петровского, вмененных ему по приговору, измены Родине, следует вместе с тем отметить, что Петровский в практической работе совершил ряд ошибок и неправильных действий, которые в совокупности с другими обстоятельствами отрицательно сказались на организации и деятельности партийного подполья и в определенной мере облегчили деятельность румынской разведки по установлению участников подполья».

28 апреля 1966 года по определению военной коллегии Верховного суда СССР смертный приговор был отменен...

Еще о бадаевцах

История одесского подполья в годы Великой Отечественной войны сравнима разве что с абсолютной истиной: познать ее до конца не дано, к ней можно только приблизиться. И в этом процессе бесценную помощь оказывают архивы УСБУ в Одесской области.

Среди массы материалов привлекает внимание прекращенное следственное дело в двух томах, проливающее свет на судьбу врача партизанского отряда В. А. Молодцова-Бадаева — Аснат Фридриховны Янке (по мужу Глушковой). Ее имя уже мелькало на страницах книг об одесском подполье. Много внимания Янке-Глушковой уделил Юрий Корольков в повестях «В катакомбах Одессы» и «Операция “Форт”». При сопоставлении архивных документов с текстами повестей несложно заметить, что их автор отдал щедрую дань вымыслу, — настолько конъюнктурному, что имеет смысл обратиться к документам.

В первом томе архивно-следственного дела отражены эпизоды из жизни двадцатидвухлетней студентки Одесского мединститута Аси Янке накануне и в первые месяцы войны. Во втором томе — почти вся оставшаяся жизнь.

В конце мая — начале июня 1941 года Ася с двумя подругами по институту готовилась к выпускному экзамену. Пока взрослые были заняты непонятными разговорами, трехлетняя дочь одной из студенток, Галочка, выстроила на полу из кубиков Кремль и по-

местила за его ограду игрушки — животных из папье-маше. Ася не без лукавства спросила у девочки: «Кого ты посадила в Кремль?» Та охотно ответила: «Баранчиков, коровушек, зайчиков...» Ася неосторожно пошутила: «Вот Галочка нашла кого посадить в Кремль!» Испуганная мама-студентка тут же сделала дочке строгое замечание: «Галочка, в Кремле живет товарищ Сталин!..»

Третья подруга не проронила при этой сцене ни слова, зато обо всем рассказала «где следует». В ночь с 22 на 23 июня 1941 года Асю арестовали. Удивления достоин не повод для ареста, а тот факт, что «изоляция опасного в социальном отношении элемента» не произошла раньше. Ведь Ася была немкой, ее родных в начале 30-х годов переселили из Украины в Поволжье, отца репрессировали в 1937-м... Ко всем бедам у Аси еще и был родной дядя в Америке — Даниэль Янке.

Аснат Янке в 1941 году

Следователь, которому поручили вести дело Янке, оперативно отыскал свидетелей, которые припомнили, что обвиняемая занятиям марксизмом предпочитала изучение медицинской науки, злостно не совершенствовала русскую речь, пренебрежительно отзывалась о внешности красноармейцев. Асина реплика о Галочкиных игрушках в редакции следователя обрела более четкие контуры: подследственная утверждала, что в Кремле живут одни бараны. «Коровушки и зайчики» его почему-то не заинтересовали. Все это соответствовало статье 54-10 УК УССР (антисоветская пропаганда).

Ни на одном из допросов Аснат Янке виновной себя не признала, что не помешало в срочном порядке составить обвинительное заключение. Остановка была за малым: подмахнуть его у начальства. Но неожиданно-негаданно «сверху» пришла служебная записка, в которой указывалось: «Янке надо завербовать и освободить».

21 июля появилось на свет постановление, в котором, в частности, говорилось: «Руководствуясь указанием... а также статьей

В очерке использованы материалы архивно-следственных дел № 1162-п, № 3017-п и № 22234-п

5 УПК УССР, дело на Янке А. Ф. прекратить, обвиняемую Янке из-под стражи освободить». Так «антисоветчица» превратилась в доверенное лицо органов госбезопасности.

Арест не помешал Аснат Фридриховне получить документ об окончании института, звание военврача 3-го ранга, должность хирурга в эвакуогоспитале. В редкие свободные от работы часы она должна была встречаться с сотрудником из облуправления НКГБ и делиться с ним своими впечатлениями относительно поведения своих коллег. Вполне вероятно, что тем же занимались коллеги относительно ее поведения. Охота на шпионов — реальных и выдуманных — в годы войны приобрела характер эпидемии.

Янке «опекал» сотрудник, отрекомендовавшийся Василием Ивановичем. Он-то и предложил ей остаться для подпольной работы в сдаваемой противнику Одессе. Вот как об этом рассказала она 17 июля 1948 года на допросе в одесском УМГБ: «9 или 10 октября 1941 года, когда я работала в эвакуогоспитале, ко мне приехал Василий Иванович, познакомил со своим шофером — Женей Глушковым, впоследствии ставшим моим мужем, и предложил остаться в подполье... 11 октября Глушков отвез меня в санаторий им. Дзержинского. Василий Иванович познакомил меня со своим начальником. Впоследствии я узнала, что это Молодцов Владимир Александрович. Здесь же был некий Бойко, который впоследствии посещал катакомбы. Переночевала в санатории. 12 октября Глушков... отвез меня на грузовой машине в Нерубайское, познакомил с Афанасием Клименко. Проводник Яськов проводил меня в катакомбы... Вышла на поверхность за запасом медикаментов. С 14 октября находилась в катакомбах. Совмещала работу на кухне с работой врача... В катакомбах находилась с 14 октября 1941 года до 5 июня 1942 года. Не выходила ни разу».

Задумаемся над этими показаниями. Из множества врачей, работавших в ту пору в Одессе, включая персонал спецклиник — опытных специалистов с безупречными биографиями, — чекисты останавливают свой выбор на вчерашней студентке с двухмесячным стажем работы, немке, дочери репрессированного... Почему? Не потому ли, что человек с подобными биографическими данными сравнительно легко мог войти в доверие к оккупантам и в

случае необходимости активно помогать оставляемой резидентуре? Разработчики операции «Форт» не могли не предвидеть осложнений в судьбе подпольщиков, оставляемых в тылу врага на продолжительное время.

Но кандидатуре Янке требовалась подстраховка. Не случайно рядом с нею то и дело возникает двадцатисемилетний Евгений Глушков, сотрудник радиостанции при облуправлении НКГБ, воентехник 1-го ранга, старший радист партизанского отряда, до поры играющий роль шофера. Он, несомненно, пользовался успехом у женщин. Ведь не случайно его мать при знакомстве с Асей летом 1942 года непроизвольно воскликнула: «О! Новая жена явилась...»

Расчет чекистов оказался точным. Для Аси, лишенной семьи, Евгений вскоре стал самым родным человеком. В конце ноября 1941 года молодые люди объявили себя мужем и женой.

Жизнь и любовь бросали вызов смерти, в тисках которой вскоре очутился партизанский отряд: «Румынская контрразведка при прямом содействии Федоровича (Бойко) в течение февраля — марта 1942 года арестовала почти всех участников диверсионно-разведывательного отряда, который дислоцировался в Одессе... Оккупанты, получив от Федоровича (Бойко) информацию о местонахождении отряда в катакомбах, усилили блокаду, произвели минирование и завалы тех немногих выходов, которыми пользовались связные. К концу мая 1942 года продовольственные запасы в отряде кончились... Дальнейшее существование и борьба в таких условиях были немыслимы... В период с июня и первой половины июля 1942 года партизаны, Одесский пригородный, Овидиопольский и другие подпольные райкомы партии вышли группами из катакомб» (Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Документы и материалы. Одесса, 1970. Документ № 112).

Асю вместе с двумя работниками партийного подполья — женщиной по имени Галина и мужчиной — Глушков вывел из катакомб в ночь на 6 июня. Прощаясь с женой, Евгений дал ей задание подыскать для него новую конспиративную квартиру. Старые были провалены Федоровичем (Бойко). Старший радист планировал продолжение борьбы с оккупантами.

Переночевали в степи: глаза постепенно привыкали к естественному освещению. Утром со стороны Слободки вошли в город. Неподалеку от рынка их задержал румынский патруль. Райкомовцев, для которых Аснат еще в катакомбах сфабриковала справки о необходимости госпитализации, отпустили. Асю арестовали: «Меня задержали как еврейку, отвели в районную полицию. На допросе сказала, что немка, иду из Мариуполя... Меня под конвоем отправили в полицию 6-го района. Полковник Пискулеску передал меня в отдел по борьбе с евреями — «Юден-Одесса» (около школы Столярского)... Меня заключили в камеру, где сидела жена партизана Белоусова, она сообщила, что арестованы ее муж и дочь. На утро другого дня меня отправили в Ортскомендатуру («пусть с вами немцы разбираются»). В 12.00 меня повели под конвоем в немецкую комендатуру на Пушкинской улице, три часа проверяли знание немецкого языка. Оттуда — в Миттельштелле».

Здесь на многочасовых допросах из-за недостатка информации у Аснат версия с Мариуполем провалилась. Уличенная во лжи, Ася потеряла сознание. О том, что было после, рассказал 13 мая 1948 года в органах госбезопасности Ганс Гербих, возглавлявший в Одессе отдел по борьбе с партизанами: «В бессознательном состоянии Янке была доставлена в больницу, где врачи установили, что она беременна...»

Когда к Асе вернулась способность говорить, допрос был продолжен. «О деятельности партизанского отряда ей ничего не известно, — продолжал Гербих, — фамилии партизан она не знает, т. к. они друг друга называли по именам, представлявшим, по ее мнению, клички. Янке была отпущена, и больше я с ней дела не имел».

В повестях Королькова все представлено иначе: выбравшись благополучно из катакомб, Янке дома принимала ванну, облачалась в розовый пеньюар; отоспавшись, шла к своему дяде, тоже немцу, чтобы предложить свои услуги гестапо... В искусстве возводить напраслину на невиновных Корольков перещеголял самого Александра Фадеева: тот, по крайней мере, обвиняя честных людей в предательстве, хоть фамилии изменил.

Аснат Фридриховне удалось убедить Гербиха в том, что в катакомбы она была доставлена силой, против своей воли (сработали, очевидно, особенности ее биографии). «Жертва большевиков», Янке сама по себе для немецкой разведки интереса не представляла: здесь обладали другими, достаточно надежными источниками информации о бадаевском отряде. Из этих источников немцы узнали, что Аснат — «невеста Глушкова». Им нужен был радист отряда. За Аснат установили наблюдение. Немцы были уверены, что Ася и Евгений встретятся, и тогда шифры для радиоигры окажутся в их руках.

По требованию немецкой разведки А. Ф. Янке каждое утро обязана была являться на регистрацию в Миттельштелле — учреждение, ведавшее этническими немцами. Во время одного из «визитов» сюда явились комиссары сигуранцы Харитон и Ништиану. Аснат Фридриховна рассказывает: «Харитон, видя меня впервые, сразу спросил: «Где Женя?» Я ничего не ответила...» Ася поняла, что на ее мужа ведут охоту и немцы, и румыны.

Харитон потребовал передачи Аснат Глушковой в сигуранцу на том основании, что там уже находились почти все арестованные члены партизанского отряда вместе со своим командиром. Ганс Гербих отказался это сделать. Разгорелся спор, в результате которого комиссары из сигуранцы, по показаниям Харитона в органах госбезопасности 9 января 1946 года, получили выговор от собственного начальства «за нетактичное поведение с немцами». Тот же Харитон на тех же допросах утверждал, что он завербовал Глушкову в агенты.

Евгений Глушков оставил катакомбы во второй половине июня 1942 года, встретился с женой у одной из ее институтских подруг, адресом которой он располагал, и узнал обо всем случившемся. При подобном раскладе событий следовало менять формы борьбы с противником. Он сказал жене, что даже в случае ареста постарается «работать на пользу Родине».

В августе 1942 года во время свидания с женой у памятника Воронцову Глушков был арестован немецкой контрразведкой. После ареста он дал согласие вести радиоигру с Москвой.

О том, что эта игра была уловкой советского разведчика, свидетельствуют два обстоятельства. Глушков не открыл на допросах у представителя ведомства Канариса в Одессе Ганса Шиндлера содержания последних радиogramм, переданных из катакомб, о провале партизанского отряда, поэтому сочиненные немцами для Москвы сообщения об успешной деятельности партизан Молодцова-Бадаева стали своего рода предупреждением об аресте старшего радиста. Кроме того, обладая своим неповторимым почерком работы на рации, он подписал первую радиogramму именем своего напарника — Неизвестного (тексты радиogramм, сопровождаемые алогичными выводами, приводятся в книге Ю. Королькова «Операция “Форт”»).

Москва получила канал для дезинформации противника, но отказалась его использовать. Лишь много лет спустя станет известно, сколь подозрительно относились к деятельности собственных резидентов в Разведуправлении СССР. В ответ на сигналы Глушкова Москва предложила старшему радисту «явиться за инструкциями лично» в армейскую контрразведку, перейдя линию фронта, проходившую уже в сотнях километров от Одессы. Другими словами, это был вызов на допрос, облеченный в насмешливую, издевательскую форму.

Итак, Штирлиц из Глушкова не получился. И не по его вине: в сознание народа внедрялся сталинский афоризм: «Советские люди в плен не сдаются».

Касаясь затеянной Шиндлером радиоигры с Москвой, Ганс Гербих свидетельствовал: она «не дала результатов, т. к. советские органы, по-видимому, разгадали затею немцев».

Вопреки фактам органы госбезопасности утверждали, что Евгений Глушков «состоял на личной связи у начальника «АО-3» подполковника Шиндлера» и «на протяжении длительного периода дезинформировал НКГБ СССР, поддерживая радиосвязь с Москвой якобы от имени Бадаева-Молодцова». Между тем супруги Глушковы были скорее на положении пленников, а не агентов. Длительное время они были изолированы от внешнего мира. Бывший начальник следственного отдела «Фольксдойч» в Одессе Герберт Карл Кирштайн-Кустен, интернированный в лагерь № 62 МВД, свидетель-

ствовал 29 сентября 1947 года: «Я лично конвоировал несколько раз Глушкова на радиостанцию немецкого командования». Асе же отвели комнату в здании Миттельштелле, покидать которую она не имела права. Даже роды проходили под присмотром людей из немецкой контрразведки в селе Ландау. Здесь и появился на свет мальчик, которого по настоянию отца назвали Кириллом. Не в память ли о расстрелянном оккупантами В. А. Молодцове-Бадаеве, который выходил на связь с Москвой под псевдонимом Кир?

После провала радиоигры с Москвой Ганс Шиндлер должен был в лучшем случае отправить Глушкова в концлагерь. Он этого не сделал. Почему? Кто знает... А почему его однофамилец Отто Шиндлер спас в годы войны от гибели в газовых камерах 1100 евреев? На этот вопрос тоже пока нет ответа. Докучавшему ему Гербиху подполковник абвера пояснял свою снисходительность тем, что Глушков — ценный агент. Но кто же одевает «ценного агента» в форму немецкого солдата и сажает его за руль служебной машины? Военное прошлое подбрасывает нам много вопросов, на которые до сих пор не найдены ответы.

Свидетельства предательской деятельности Евгения Глушкова стремились любой ценой отыскать его соотечественники В. Егоров и Н. Зотов. В книге «907 дней в тылу врага» (1969) на странице 116-й они, например, утверждают: Глушков, «выйдя из катакомб... вместе с женой (немкой Янке), стал сотрудничать с гестапо. Он выдал многих партизан, вышедших из катакомб, и группу Т. Ф. Латенко», которая якобы попросила его проверить исправность радиопередатчика для связи с Москвой.

Но после того как руководитель наземной части отряда Федорович (Бойко) и командир подземной его части Афанасий Клименко указали противнику местонахождение складов оружия и сейфа с секретными документами и ценностями, распоряжаться которыми мог только Молодцов-Бадаев, — что мог прибавить старший радист?

Что же касается группы Латенко, то показания Терезы Францевны в 4-м отделе управления контрразведки СМЕРШ 3-го Украинского фронта 9 июля 1944 года исключают утверждения авторов книги. Рассказывая следователям во всех подробностях о

деятельности своей группы «Свобода» (в книге она почему-то переименована в «Интернационал»), Латенко совершенно не упомянула об этом эпизоде и, перечисляя известных ей предателей, не назвала ни Глушкова, ни Янке.

...Когда части Советской армии находились на подступах к Одессе, Ганс Шиндлер отправил Глушкова с семьей в тыл немецких войск, снабдив его паспортом на имя Вернера Ойгена и рекомендательным письмом к своему приятелю, венскому фабриканту. В городе Фрейхаус (Польша) семье оформили германское подданство, заявив при этом, что у немцев нет таких имен, как Аснат и Кирилл, а потому Ася стала именоваться Ирмой, а ее сына назвали Куртом. Местом жительства для новоиспеченных подданных Рейха определили австрийский городок Брук. Здесь Вернер-Глушков слесарил на местном заводе, а Ирма-Аснат работала врачом в лагере для французских военнопленных. При подходе к городку частей Советской армии Глушковы не предприняли ни единой попытки скрыться, хотя располагали достаточно широкими возможностями. В мае 1945 года оба явились в советскую контрразведку, где рассказали обо всем, что с ними произошло. Похоже, Евгений Глушков все еще не терял надежды послужить в качестве резидента своей Родине. Напрасные надежды. Аснат сослали в Барнаул, Евгения отправили на Лубянку. Здесь его допрашивали более полугодом и в 1946 году расстреляли.

23 августа 1947 года в Барнауле, по месту первой ссылки, арестовали Янке-Глушкову и как жену «изменника Родины» по постановлению Особого совещания при министре госбезопасности СССР этапировали в поселок Ванавара Тунгусо-Чунского района Эвенкийского округа Красноярского края на спецпоселение. Думалось: все, дальше ехать некуда. Однако весной 1948 года ее арестовали снова, на спецпоселении, и этапировали в Одессу, где органы госбезопасности допрашивали ее уже как «агента немецкой разведки» (статья 54-1 пункт «а» УК УССР).

Постановление на арест А. Ф. Янке-Глушковой — это конспект обвинительного заключения, составленного до начала процесса дознания. Его цель — изобрести пристойный для бывшего НКВД вариант гибели чекистского отряда: все грехи свалены на «случай-

но» попавшую в число партизан немку. В постановлении, в частности, утверждалось: «В 1942 году Глушкова-Янке, будучи задержана немецкой контрразведкой, дала контрразведке подробные показания о целях и задании, с которыми была оставлена на оккупированной территории, выдала местонахождение резидентуры Молодцова-Бадаева и ее состав, после чего была завербована в качестве агента контрразведки «АО-3». Из трофейных документов видно также, что Глушкова-Янке являлась агентом ССИ... выдала германской контрразведке своего мужа, радиста резидентуры Бадаева Глушкова Е. П. (арестован)... В 1944 году Глушковы приняли немецкое подданство и скрылись. Глушкова-Янке нами была объявлена в розыск. В настоящее время Глушкова-Янке установлена на жительстве в Т.-Чунском районе Эвенкийского национального округа Красноярского края. Преступная деятельность Глушковой-Янке подтверждается показаниями Харитона К. С. и Глушкова Е. П.».

Что ни фраза — то ложь.

Информация о розыске подана таким образом, что можно предположить, будто Янке по собственной инициативе скрывалась от наказания на краю света. Подумать только: одно и то же ведомство дважды ссылало «преступницу» и одновременно разыскивало ее! В деле отсутствуют постановление об объявлении в розыск и документы, которые бы свидетельствовали о ее вербовке в агенты вражеских спецслужб.

О цене показаний Харитона, которому не удалось даже допросить «невесту Глушкова», говорилось выше. Сомнение вызывает и включенная во второй том дела копия допроса Евгения Глушкова на Лубянке. Подписи допрашиваемого и допрашивающего отсутствуют, копия не заверена печатью. Ее содержание ничего, кроме недоумения, вызвать не может: 12 декабря 1945 года, на шестом месяце следственных действий, фиксируется давно известный факт — состав партизанского отряда Молодцова-Бадаева. Это список из 36 человек с различного рода приписками. Возле фамилии Янке значится: «завербована как агент немецкой разведки и освобождена из-под стражи...»

Если НКГБ СССР еще в декабре 1945 года располагало подобными сведениями, то почему полтора года спустя Янке обви-

нили лишь в том, что она — «жена врага народа»? Вряд ли это ведомство можно упрекнуть в недостатке бдительности.

Узнав на допросе в Одессе о показаниях мужа, обвиняющих ее в измене Родине, Аснат Фридриховна потребовала очной ставки с ним. Но Евгения уже не было в живых, и тайна происхождения копии протокола его допроса от 12 декабря 1945 года навсегда останется неразгаданной.

31 августа 1948 года, не вникая в не стыкующиеся детали уголовного дела, военный трибунал войск МВД приговорил А. Ф. Янке-Глушкову к 25 годам заключения в ИТЛ и 5 годам поражения в правах после отбытия наказания. За две недели до приговора, 19 августа, в УМГБ Одесской области подписали постановление о направлении ее после осуждения в особый лагерь МВД СССР. Сначала отправили в Минлаг МВД (Коми АССР), где в 1953 году заключенная схлопотала взыскание за «нелегальную переписку», то есть за естественное желание матери узнать о судьбе своего сына.

Его растила свекровь, Анна Петровна Глушкова-Шапошниковна, окрестившая внука Владимиром. Фотокарточки Володи отняли у Аснат при аресте в Ванаваре и приобщили к делу в качестве вещественного доказательства. Нарушительницу лагережима через всю страну этапировали в Карлаг МВД. Отсюда Аснат Фридриховна после смерти Сталина отправляла многочисленные жалобы во все инстанции. Наконец 27 октября 1954 года одесская областная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, вынесла решение: «Приговор оставить в силе, жалобу А. Ф. Янке-Глушковой — без удовлетворения».

Это решение заключенной объявили полгода спустя, 19 мая 1955 года. Аснат Фридриховна не смирилась. В заявлении, отправленном военному прокурору Одесского военного округа, она писала: «Комиссия совершенно не поинтересовалась сутью дела, подошла схоластически, формально. Пусть я частично виновата, но виновата в силу сложившихся обстоятельств... Я не оправдываю: 1. Свой выезд за границу (потому что ехал туда мой муж). 2. Принятие немецкого подданства, которое получила механически. Вот, собственно, и вся моя вина. Я категорически отрицаю вербовку меня немецкой разведкой, что, кстати ска-

зать, нигде и никем не было зафиксировано, не было доказано (о чем Одесское МГБ знает прекрасно). Никогда и никаких предательств не совершала».

Аснат Фридриховна жаловалась, что была деморализована характером следствия и подписывала все, что ей предлагал следователь. В 1955 году, оправдываясь, следователь рассказывал в «Объяснительной записке»: «Бадаев был сотрудником НКВД УССР, его портрет вывешивался всегда у нас в Одесском клубе УМГБ, и когда стало известно, что Янке наконец арестована, ее показания неоднократно выслушивались руководством Управления...» Далее следователь заявлял, что вина А. Ф. Янке-Глушковой была всем ясна из материалов спецкомиссии МГБ СССР и МГБ УССР, которая в 1944 году, после освобождения Одессы, расследовала причины провала партизанского отряда Бадаева. Так что областному управлению МГБ оставалось только подтвердить в 1948 году выводы высокого начальства. Ну а выводы спецкомиссий МГБ в военное время «грешили» чем угодно, только не объективностью. В особенности если шла речь о немцах.

В январе — марте 1956 года в следственном отделе УКГБ по Одесской области состоялось наконец дополнительное расследование по делу. На этот раз сумели установить, что слух о предательстве Аснат Глушковой был запущен в 1944 году на допросах в спецкомиссии Валентиной Павловной Мазур, двоюродной сестрой комиссара бадаевского отряда Петра Морозовского (находясь под арестом в сигуранце, пытался покончить с собой; расстрелян в подвалах Лубянки). Версию Мазур охотно подхватила Галина Павловна Марцышек, официально утвержденная героиней подполья. Она, как свидетельствуют показания ряда свидетелей по данному делу, еще в катакомбах, после гибели в бою с оккупантами своего мужа Ивана Ивановича Иванова, пыталась застрелить ни в чем не повинную немку-врача. 27 февраля 1956 года В. П. Мазур пояснила, что «высказала только свое мнение», согласно которому «по выходе из катакомб Глушкова-Янке, возможно, явилась в гестапо, где рассказала о партизанах» (вот откуда «выросли» клеветнические эпизоды повестей Королькова!). А Г. П. Марцышек и в 1956 году продолжала настаивать на «вредительской деятельности» партизанского вра-

ча в катакомбах! «Все медикаменты и инструменты быстро куда-то исчезали, часть из них мною были обнаружены в камнях, в забоях». Это обвинение было снято благодаря показаниям бывшего партизана-бадаевца Дмитрия Георгиевича Мытникова. Он утверждал: Янке «оказывала первую медицинскую помощь, делала перевязки. Поведение ее было обычное, ничего плохого я за ней не замечал».

В 1956 году были дополнительно допрошены некоторые из бывших руководителей неприятельских разведок (Аргир, Диметриади, Кирштайн-Кустен). Они ничего не знали о вербовке А. Ф. Янке-Глушковой и не смогли опознать ее на фотоснимках военных лет.

В материалах дела отсутствуют показания подполковника Ганса Шиндлера. Его судьба неизвестна. Не исключено, что он подвергся репрессиям в Рейхе после провала антигитлеровского заговора 20 июля 1944 года: среди заговорщиков было много сотрудников из ведомства Канариса — Шелленберга.

В результате дополнительного расследования фактов, подтверждающих обвинение А. Ф. Янке-Глушковой в измене Родине, установлено не было. 31 марта 1956 года одесское УКГБ постановило: «Дальнейшее следствие в отношении Глушковой-Янке А. Ф. прекратить и из-под стражи немедленно освободить». Основание — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

Проблему решили келейно: не передали дело в военную прокуратуру для опротестования приговора трибунала, не пересмотрели в судебном порядке в военном трибунале Одесского военного округа. Остановились на полпути к истине, и это имело свои последствия: в 1974 году КГБ при СМ СССР отказало Аснат Фридриховне в выдаче справки о том, что она в течение полугода работала врачом в подземном партизанском отряде, необходимой для оформления пенсии. Мотивировка: «за нецелесообразностью».

В различных изданиях об одесских катакомбах, как правило, приводятся репродукции с фотографий военной поры. Есть среди них и фотоснимок подземного госпиталя в отряде В. А. Молодцова-Бадаева. Нет лишь упоминаний о враче. Будто его и не было вовсе. Был врач, был!..

Падчерицы Родины

Автор благодарит Наталью Николаевну Никулину — дочь Т. П. Бассарской-Филипповой и Алексея Александровича Кириленко — сына С. Д. Ткаченко за помощь, оказанную в работе над очерком.

Худенькие, невысокого роста, они в свои 18—19 лет свободно могли сойти за подростков. Все три накануне войны уже были студентками. Пена Милюкова училась в мединституте, Софья Ткаченко и Таня Бассарская — в университете. Позже Софья с химфака уйдет в сельхозинститут, а Татьяна, увидев первые эшелоны с ранеными, изменит своей любимой математике и, подобно Милюковой, посвятит себя медицине.

Татьяна Бассарская
в 1942 году

Софья Ткаченко
в 1956 году

Пена Милюкова
в 1942 или 1943 году

В очерке использованы материалы архивно-следственных дел № 3064-п и № 15566-п

Подруги были схожи между собой: все три светловолосые, с глазами цвета весеннего моря. Портретное сходство дополнялось общностью высоких помыслов. Слово «Родина» они писали с большой буквы не только потому, что так полагалось. Они так думали о Ней.

По роковому стечению обстоятельств все трое очутились во временно оккупированной немецко-румынскими войсками Одессе. С первых же недель каждая на свой страх и риск пыталась установить связь с советским подпольем. Первой повезло Софье. С детства она была вхожа в дом университетского преподавателя Татьяны Борисовны Брагоренко. Здесь в марте 1942 года девушка прочла свежие сводки Советского информбюро и получила первое задание: выучить румынский язык, необходимый для сбора разведанных и составления воззваний, обращенных к солдатам противника. Партийное подполье планировало разложение армии оккупантов.

Первое задание стало последним. Подпольный обком компартии направил Татьяну Борисовну на работу в Балту. Связь с нею у Софьи Ткаченко прервалась.

Летом 1942 года Пена Милюкова подружилась с рабочим «Январки» Степаном Жишко. Вместе с Софьей они планировали распространение прокламаций в городе. Но планы не стали реальностью: Степана арестовала румынская полиция.

Наиболее устойчивой оказалась связь с советским подпольем у Татьяны Бассарской. С декабря 1942-го по март 1943 года она регулярно получала от друга ее семьи — Бориса Точидловского сведения о положении на фронтах и передавала их Пене. От Пены сводки поступали к Софье, а та знакомила с ними своих друзей и знакомых, среди которых с недавних пор появился сокурсник по аграрному факультету Аркадий Дегтярев, не лишенный обаяния паренек. Его ненависть и презрение к оккупантам не вызвали сомнения, его роль в антифашистском движении представлялась более чем значительной: по его словам, он координировал действия подпольщиков Очакова и Одессы, для чего искал связи с партийным центром. И Софья почла за честь оказать ему

помощь. По его настоянию она передала письмо от «очаковских товарищей» Пене Милюковой для пребывавшего тогда еще на свободе Степана Жишко. Предполагалось — и не без оснований — что тот каким-то образом связан с одесским партийным подпольем. Но Жишко отказался передавать кому-либо полученное письмо, заявив, что это провокация, и на контакт с Дегтяревым не пошел. Вскоре его арестовали...

Группа подпольщиков Одесского университета (тюремный снимок 1943 года)

Этот случай не насторожил Софью. Не подозревая, что является орудием в руках провокатора, она передала второе письмо Бассарской. На этот раз письмо пошло «по цепочке». За каждым из ее звеньев румынская контрразведка с помощью своих агентов устанавливала наблюдение.

Впоследствии о проникновении информатора в ряды подпольщиков одесское юридическое бюро секретной службы информации 27 августа 1943 года докладывало своему начальству: «Арка-

дий Дегтярев, студент... завербован в качестве информатора и в этой цели, желая установить связь с обкомом, дал два письма Софии Ткаченко для дальнейшей передачи по назначению».

Добыв достаточное количество сведений о каждом участнике передачи фальшивки, комиссары сигуранцы в марте 1943 года произвели аресты почти в той же последовательности, в которой передавалось письмо. При этом всякий раз вынуждали присутствовать при аресте одного-двух ранее схваченных подпольщиков. Подобный прием, по расчетам контрразведчиков, должен был деморализовать подвергавшихся аресту и направить поиски провокатора по ложному следу.

Первым в списке, предоставленном Дегтяревым своим хозяевам, стояло имя его доброй приятельницы Софьи Ткаченко. Ее и арестовали первой в ночь на 14 марта 1943 года вместе с матерью и отцом. Впоследствии отец юной подпольщицы Дмитрий Никитич Ткаченко расскажет: «Средневековые пытки, применяемые фашистами, избияния, подвешивание к потолку и бросание на пол плашмя, электрические стулья, иголки и другое были перенесены Ткаченко Софьей». Но не пытки заставили девушку заговорить, а очная ставка с Аркадием, который цинично посоветовал: «Давай, рассказывай все. Все равно им уже все известно».

Сутки спустя истерзанная палачами Софья, которую подвезли к дому № 17 по Французскому бульвару, где проживала семья Милюковых, повторит эту фразу своей подруге, брошенной в кузов машины, — «Им известно все...» Ближе к утру, после пыток на электрическом стуле, Пену повезут к дому № 3 по Семинарскому переулку арестовывать Татьяну Бассарскую. Когда Таню вместе с отцом выведут из квартиры, Милюкова в отчаянье произнесет: «Им известно все. Они нас убьют». В ответ услышит: «Ну и пусть!» После ареста Бассарских машина свернула на Французский бульвар и подкатила к Геофизической обсерватории, где находилась квартира Точидловских. Теперь Татьяну комиссары сигуранцы вынудили присутствовать при обыске и аресте Бориса Игнатьевича. Таня стояла молча. Она молчала и под пытками. В контрразведке вынуждены были при-

знать: «Бассарская Татьяна. Во время следствия она отказалась давать показания об известных ей фактах...»

Об удивительной стойкости этой девушки в январе 1945 года расскажут подпольщики, находившиеся с нею в одной камере сигуранцы. Так, Т. И. Акимович писала: «В советской подпольной организации Бассарская Татьяна Павловна была непосредственно связана с моим братом Точидловским Борисом Игнатьевичем, который не раз говорил мне о политической выдержанности, стойкости Бассарской Т. П. и горячей любви и преданности ее Советской Родине. С его слов я знаю, что она его не выдавала и ни в чем не изобличала. Я лично была арестована и заключена в сигуранцу одновременно с Бассарской Т. П. Могу засвидетельствовать, что в сигуранце Бассарская вела себя стойко, несмотря на тяжелые физические истязания, и была глубоко и искренно огорчена только тем, что до ареста не успела совершить крупных диверсионных актов, направленных против ненавистных немецкорумынских оккупантов». Аналогичными были свидетельства секретаря Ильичевского подпольного райкома партии Владимира Добровольского, подпольщицы Анны Сивак.

В середине ноября 1943 года румынский военно-полевой суд приговорил Т. П. Бассарскую, П. Н. Милюкову и С. Д. Ткаченко за распространение советских листовок к году каторжных работ каждую. Дегтярев, естественно, по процессу не проходил даже в качестве свидетеля.

Из фашистской тюрьмы подруг освободили по Рождественской амнистии в канун нового, 1944 года, чтобы месяц спустя снова водворить их в тюремные камеры в качестве политически неблагонадежных. От гибели их спасло стремительное наступление частей Красной армии на юге Украины. День освобождения Одессы — 10 апреля 1944 года — стал для подруг вторым днем рождения, как, впрочем, и для всех жителей оккупированного города, над которыми фашисты готовили массовую расправу.

Никогда еще подруги не испытывали такого душевного подъема, как в ту весну. Все свободное от институтских занятий время Таня и Пена проводили в клиниках, оборудованных под

военные госпитали, Софья трудилась на опытных земельных участках сельскохозяйственного и Таировского институтов.

Свой арест органами госбезопасности в октябре 1944 года бывшие подпольщицы восприняли как чудовищное недоразумение, которое вот-вот выяснится. Но проходили дни, недели, месяцы, а в их положении ничего не менялось. Следствие всячески добивалось от арестованных признания в измене Родине (статья 54-1 пункт «а» УК УССР). Оно игнорировало показания о провокаторской деятельности Дегтярева, ускользнувшего от справедливого возмездия. Оно проигнорировало даже приобщенное к делу вещественное доказательство — изъятое при аресте Ткаченко ее письмо отцу из румынской тюрьмы, которое однозначно свидетельствовало о патриотизме комсомолки 40-х годов. Рассуждая о невозможности брака между идейно чуждыми людьми, Софья писала: «...папа, ты должен знать свою дочь: как бы я ни любила, но если это чувство идет вразрез с моими принципиальными взглядами, если оно несовместимо с моими патриотическими чувствами, то я пожертвую своим чувством. Очень трудно, если два человека любят друг друга и имеют разные родины. Тогда обязательно один из них должен ради любви пожертвовать своей родиной. Я на такую жертву никогда не пойду».

В обстановке тотального недоверия к населению освобожденных от оккупации областей, особой подозрительности по отношению к лицам, уцелевшим после репрессий, следствие вместо объективного установления причин провала советского подполья легко удовлетворилось сценарием, сочиненным в 1943 году комиссарами сигуранцы с целью сокрытия роли своего информатора. Трагифарс с признанием под пытками уже известных контрразведке фактов, с арестами советских патриотов в присутствии товарищей, побывавших в руках палачей, в одесском УНКГБ рассматривался как документ, не вызывающий сомнения. Стройность обвинения подчеркивалась объединением 3 ноября 1944 года трех заведенных на каждую из подруг дел в одно, групповое.

В итоге 20 декабря 1944 года появилось на свет обвинительное заключение, где, в частности, говорилось, что подруги дали в

сигуранце «правдивые показания о проводимой ими подпольной работе, назвали других лиц, принимавших в этом участие, а также друг друга изобличали на очных ставках... Бассарская выдала руководителя подпольной организации Точидловского... Виновными себя признали полностью». Комиссары сигуранцы могли бы порадоваться подобному изложению событий: организованная ими видимость предательства была воспринята в советских органах безопасности как реальность.

Во имя отягощения «вины» Бассарской рядовой член подпольной университетской организации Точидловский был произведен следователем в руководители этой организации. Следователь также «забыл» упомянуть, что «жертва» Бассарской проходит в качестве обвиняемого в измене Родине по другому следственному делу (в ноябре 1944 года Борис Игнатьевич приговорен военным трибуналом войск НКВД Одесской области к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях — дело № 8614-п).

Много лет спустя Софья Дмитриевна Ткаченко, определяя разницу между пережитым в сигуранце и кабинетах следователей, слегка переиначит широко известные строки Сергея Есенина:

В сигуранце в крови была морда,

В КГБ — вся в крови душа...

25 декабря 1944 года помощник военного прокурора Одесского военного округа утвердил поступившее к нему обвинительное заключение. Заседание военного трибунала войск НКВД Одесской области было назначено на 8 января 1945 года. В связи с тем, что «подсудимая Ткаченко следовать в судебное заседание по болезни» не смогла, его перенесли на 19 января. Но и тогда доставить Ткаченко в здание трибунала «не представилось возможным». То же повторилось и 13 февраля. Софью вместе с Пенной Милюковой привезли в трибунал 13 марта, но теперь отсутствовала Бассарская, которую поместили в сыпнотифозную камеру, находившуюся на карантине. Заседание трибунала — без адвокатов и свидетелей защиты — состоялось только 13 апреля.

Стояла весна 1945 года. Три дня назад Одесса отпраздновала первую годовщину своего освобождения от оккупантов. До Дня

Победы оставалось меньше месяца. А тех, кто не жалел своей жизни, чтобы хоть на йоту приблизить конец фашизма, шельмовали в одной компании с пособниками врага.

Судебное разбирательство мало чем отличалось от предварительного следствия — разве что продолжительностью: вместо трех месяцев длилось три часа. Ритуал требовал предоставления подсудимым последнего слова. И здесь произошло для членов трибунала нечто неожиданное: вместо того, чтобы перед возможным расстрельным приговором просить суд о снисхождении, девушки признавались в любви к Родине.

Татьяна Бассарская: «Прошу верить, что я осталась глубоко преданной нашей Родине».

Пена Милюкова: «Я искренно отдалась делу распространения правды среди нашего советского населения, желая хоть чем-нибудь помочь нашей Родине».

Софья Ткаченко: «Я все же заявляю, что была, есть и буду преданной Советской Родине».

Подсудимые не отделяли себя от советского народа. Их последнее слово перечеркивало все домыслы о признании ими «своей вины». Тем не менее трибунал именем Союза Советских Социалистических Республик приговорил каждую из подсудимых к 10 годам заключения в исправтрудлагерях и 5 годам поражения в правах после отбытия наказания. Сверх того у Тани Бассарской конфисковали ее имущество (по сути, родительское): кому-то приглянулись часы, полушубок и несколько девичьих платьев.

Так Родина-мать обернулась для трех подруг злой мачехой.

Исполнительные инстанции внесли в приговор свои коррективы. Пену Милюкову оставили отбывать наказание в Одесской области, в исправительно-трудовой колонии, расположенной в селе Александровке. Софью Ткаченко направили в такое же исправительное учреждение Винницкой области. И только Татьяну Бассарскую загнали на край света. Буквально.

Слов нет: тюрьма — всюду тюрьма. Но чтобы понять, как мало оставили Бассарской шансов на выживание, следует восстановить в памяти страницы труда Александра Солженицына

«Архипелаг ГУЛАГ». Только тогда станет понятной строка из Таниного письма, отправленного с этапа: «Явь мне кажется страшным сном».

Избирательный подход к назначению мест заключения в данном случае объяснялся просто: у Татьяны не нашлось влиятельных заступников, у ее подруг они были. Достаточно назвать лишь имя начальника московского уголовного розыска Георгия Федоровича Тыльнера, которому Пена приходилась родной племянницей. Именно дело Милюковой 1 июня 1945 года срочно затребовал «для просмотра в порядке надзора» В. Ульрих — в ту пору заместитель председателя Верховного суда СССР. И поскольку дело оформлялось как групповое, пришлось трибуналу отправлять в Москву материалы на всех троих осужденных.

14 августа 1945 года председатель Верховного суда СССР внес протест на приговор, а военная коллегия этот протест удовлетворила, приняв определение о прекращении дела «за нецелесообразностью» с немедленным освобождением заключенных из-под стражи. В это время Татьяна Бассарская уже пребывала в бухте Находка, откуда писала родным: «Дорогие мои мамочка и папочка! Думала, что мое путешествие уже закончилось и я по крайней мере смогу с вами регулярно переписываться. Но оказывается тут только пересылка и нас должны отправить дальше на Колыму... Долго ли буду тут, я не знаю. Питание тут — (неразборчиво — В. Ф.) гр. хлеба и 3 раза в день приварок (суп). Ем я с колоссальным аппетитом... Тут грязь невероятная. Черные туфельки обменяла на буцы. Очень довольна этой меной. Дожди идут каждый день. Я пока не работаю, но прошла врачебную комиссию. Врач записал, что я медик, и определил меня в 3-ю категорию труда, т. е. как годную на легкие работы... Дорогие мои, не волнуйтесь очень, я держусь молодцом...»

Каким образом письмо, адресованное родителям, пополнило материалы следственного дела, неизвестно. Однако роптать в данном случае не приходится, так как именно оно подсказало, в каком направлении следует послать указание об освобождении Бассарской. 14 сентября 1945 года председатель военного трибунала

войск НКВД Одесской области отправил «весьма срочное» письмо во Владивосток, начальнику 1-го спецотдела НКВД Приморского края. В нем говорилось: «По имеющимся в Военном трибунале данным осужденная Бассарская Татьяна Павловна содержится под стражей в одном из лагерей НКВД в бухте Находка Приморского края (п/я № 89). Прошу Вас распорядиться командованию лагеря... о немедленном исполнении определения Военной коллегии, т. е. освобождении Бассарской из-под стражи».

«Весьма срочное» распоряжение о немедленном освобождении шло три месяца, будто и его, как Бассарскую, отправили по этапу. Только 14 декабря 1945 года оно нашло осужденную в лагере «Волочаевка» (поселок Голубичное Хабаровского края). И снова через всю страну в середине зимы отправилась в долгий путь хрупкая двадцатидвухлетняя девушка — слава Богу, с востока на запад.

Следственное дело трех подруг сдали в архив, но не вычеркнули из своей недоброй памяти одесские сотрудники органов госбезопасности. Тем более, что оно открывало довольно длинный ряд дел, по которым высшая судебная инстанция принимала решения, ставившие под сомнение их профессионализм. Так, 19 апреля 1946 года пленум Верховного суда СССР отменил приговор военного трибунала войск НКВД в отношении членов советской подпольной организации Одесского университета, среди которых был Б. И. Точидловский.

Дело полагалось рассмотреть со стадии предварительного следствия. В одесском УМГБ его приняли к производству лишь полгода спустя. Когда речь шла об исправлении ошибок, в органах, как правило, не торопились. Б. И. Точидловский был допрошен 21 декабря 1946 года составителем обвинительного заключения по делу трех подруг. Уже получивший повышение в должности и звании, следователь не без надежды на реванш поднял тему предательства Бассарской и Милюковой. Но Борис Игнатьевич его разочаровал, заявив: «Предполагать, что я был арестован в результате показаний Бассарской и Милюковой, я не могу, т. к. когда меня привезли и стали допрашивать, то спрашивали ряд обстоятельств, неизвестных ни Милюковой, ни Бассарской...

Меня тогда даже поразила такая осведомленность о моем участии в подпольной работе».

В 60-е годы для историков открылся доступ к трофейным документам, связанным с работой иностранных разведок в годы Великой Отечественной войны. В связи с этим начался массовый пересмотр дел участников советского подполья на Одещине. Вчерашние обвиняемые перейдут в категорию свидетелей, которым придется рассказывать о заслугах тех, кто не дожил до хрущевской оттепели. В военную прокуратуру Одесского военного округа, изучавшую деятельность подпольного обкома партии, 29 ноября 1965 года была приглашена и Таня Бассарская — теперь уже Татьяна Павловна Филиппова, ученый секретарь Филатовского института. Ее ответы на вопросы следователя поразили отсутствием каких-либо политических пристрастий и оценок. Хирург-офтальмолог, возвративший зрение многим людям из разных стран, она руководствовалась иной шкалой человеческих ценностей, где точкой отсчета была клятва Гиппократова.

Признание военных заслуг не продлило, к сожалению, жизни бывшим подпольщикам, пострадавшим сверх меры в застенках сигуранцы и в советских исправтрудлагерях. Жестокие испытания укоротили век и трем подругам, не сломив их, однако, духовно. Все они достойно прожили отпущенные им неласковой судьбой годы.

Анка

Во времена, проходившие в нашем отечестве под знаком культа личности вождя, в семье одесситов Ивио существовал свой собственный объект поклонения — Всеволод Лебединцев, ученый-астрофизик с душой артиста, полиглот и журналист, революционер, казненный царским правительством в 1908 году. С него Леонид Андреев писал героя «Рассказа о семи повешенных» Вернера. В семье Ивио верили, что, уходя из жизни в молодые годы, Лебединцев оставил в наследство родным и их потомкам свою не исчерпанную до конца сущность. Сестре Ольге, художнице-модельеру, достался его артистизм, ее дочерям, появившимся на свет уже в двадцатые годы, — страстная любовь к науке, бойцовские качества. Младшая, Ирина, обладала математическими способностями, старшая, Анка, готовилась открывать тайны природы. Обе в годы фашистской оккупации, каждая на свой лад, принимали участие в Сопротивлении.

В школьные и студенческие годы одесская станция юных натуралистов была более любима Аней, чем родительский дом с его салоном мод. Лишенная кокетства, по-мальчишески подвижная, она презирала осаждавших ее мать одесских модниц, которые, с ее точки зрения, уделяли своей внешности непозволительно много времени. Анка, как ее называли юннаты, рано поняла, что на ее некрасивое лицо, угловатую фигуру вряд ли кто-нибудь когда-

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 7774-п. По делу также проходят Л. С. Башкирова и И. И. Павлов)

нибудь обратит благосклонное внимание, и сердца человеческие ей предстоит завоевывать умом. Бог дал ей это оружие, притом довольно острое, так что в восхищении сверстников она не испытывала недостатка.

Мироощущение Анки исключало любое поклонение. Скептик по натуре, она в душе осуждала даже своего дядю Всеволода — за то, что тот позволил политике погубить в себе ученого. Она и не подозревала, что может повторить его участь. Переворот в сознании совершила война. По протоколам допросов в СМЕРШе 3-го Украинского фронта, которым Анка подверглась в мае — июне 1944 года, это происходило примерно так: «Войну с немецкими фашистами в 1941 году встретила панически. Временное отступление частей Красной армии рассматривала как результат неправильной политики партии... Приход к власти немецко-румынских оккупантов встретила как неизбежное зло... Видя те зверства, которые творились в Одессе, считала необходимым вести борьбу... Пыталась узнать о коммунистах. Оставленные для работы коммунисты оказались растяпами... и я пошла в ОУН».

7 июля 1944 года военный трибунал 3-го Украинского фронта приговорил Анну Витальевну Ивио к 10 годам заключения в ИТЛ с поражением в правах на 5 лет после отбытия наказания. Одна из способнейших студенток биологического и химического факультетов, которой профессура Одесского университета прочила будущность ученого, завершала «образование» в Воркутинских лагерях в «должности» санитарки лагерного лазарета. Там она встретила любимого человека, с которым ее вскоре разлучили. От него родила дочку Надежду.

В письмах к родителям Аня умоляла спасти ее девочку. И опытный юрист Виталий Николаевич Ивио сумел получить от властей разрешение на опеку внуки. Он вылетел в Воркуту за ребенком, но в киевском аэропорту его сняли с самолета, арестовали и на десять лет отправили «за шпионаж» в Тайшетские лагеря. Вскоре его отпустили как негодного к физическому труду. Видимо, для органов госбезопасности подобный маневр был простейшим способом не допустить спасения рожденного в лагере младенца.

В день ареста отца от Ани в Одессу пришла телеграмма: «Не выезжайте. Надежда умерла».

10 октября 1957 года военная коллегия Верховного суда СССР реабилитировала Анну Витальевну Ивио «за отсутствием состава преступления»: допрошенные наконец-то свидетели подтвердили, что листовки, которые она распространяла, носили не антисоветский, а антифашистский характер.

После реабилитации Анка в Одессе не прижилась. Сдав экстерном в течение года экзамены за полный курс медицинского училища, она возвратилась в Воркуту, работала сестрой милосердия в местной больнице. Умерла в одиночестве, вдали от родных мест. Зато вблизи от могилы своей убитой лагерным режимом крохотной Надежды.

Следует признать, что Анка не полностью повторила участь дяди Всеволода. Ее не казнили. Просто не дали родиться в ней ученому. Просто искромсали материнское сердце. Но кто знает, какой из вариантов судьбы горше?

Мать и дочь

Общение с Аболиными — матерью Элеонорой Васильевной и дочерью Эльвирой Владимировной — всегда оставляло светлый след в душе. Заглянув по какому-либо поводу в их квартиру, знакомые или соседи, как бы они ни торопились, испытывали желание задержаться здесь подольше. Радушие и покой излучали не только хозяйки, но и их комнаты с мебелью столетней давности, стареньким фортепиано, живописно расставленными на специальных столиках экзотическими растениями, которые цвели даже зимой. Казалось, в этом доме не бывает горестей и печалей. Но они были. Как в каждой семье. Просто мать и

Элеонора
и Эльвира
Аболины

В очерке использованы материалы архивно-следственных дел № 9017-п и № 23341-п

дочь несли свой крест без жалоб, ни на кого не взваливая свою скорбную ношу.

В 1931 году они схоронили главу семьи, своего кормильца, добрейшего латыша Вольдемара Яновича Аболина, который тридцать пять лет проплавал на судах Черноморского флота механиком. И Эльвира Владимировна, как она из скромности упростила свое отчество, с детских лет страдавшая пороком сердца, ради хлебной карточки устроилась на канцелярскую работу. Она не могла допустить, чтобы ее младший брат Николай оставил учебу в институте. Но самое страшное было впереди — война!

23 июня 1941 года талантливого молодого инженера Николая Аболина призвали в армию. Вскоре от него пришла телеграмма: «Телеграфируйте здоровье адресу Москва, Мытищи, почтовый ящик 6. Целую. Коля». Телеграмму от сына Элеонора Васильевна положила под стекло на письменном столе в Колиной комнате. И обе женщины частенько заглядывали туда, чтобы прочесть эти строки, прикоснуться к вещам, ожидавшим в шкафу своего хозяина.

Аболины, их друзья и соседи не сомневались в том, что вскоре «враг — как писали в газетах — будет разбит на его же территории». И если кто-нибудь покидал осажденный город, то только из страха перед бомбежками и артобстрелами. По этой самой причине эвакуировалась подруга Эльвиры Владимировны Неонила Николаевна Решетникова. Прощаясь, она оставила доверенность, деньги, квитанцию из ломбарда, поручив Аболиной-младшей сразу же, как только закончится война, выкупить ее радиоприемник, заложенный еще в начале июня 1941 года.

Неонила Николаевна была уверена в порядочности своей приятельницы, а также в том, что Аболины никогда не покинут своего гнезда, которое обустроивали их деды, отцы и они сами. Пережить трагедию бездомности им было не по силам. Решетникова не ошиблась: больные женщины не двинулись с места и очутились в оккупации.

На беду обитателей дома № 15 по улице Раскидайловской, где проживали Аболины, неподалеку расположился полицейский

участок. Румынские жандармы, естественно, подыскивали для себя жилье поближе к месту службы. Они обходили квартиры в окрестных домах, выбирая те, что покомфортабельнее, намечая хозяев побеззащитнее. Аболины относились именно к такой категории: и квартира уютная, и в ней подлежащая репрессиям семья красного командира. Женщинам приказали в течение суток, собрав необходимые вещи, явиться в полицейский участок.

Ночь отчаяния подсказала выход: воспользоваться немецким происхождением Аболиной-матери. Больше заслониться от беды было нечем. И ранним утром семидесятилетняя Элеонора Васильевна отправилась на пункт регистрации этнических немцев. Там ей выдали аусвайсы взамен советских паспортов. Отныне ни один румынский функционер не покушался на их квартиру и жизнь. Правда, о них не забыла немецкая администрация, прислав однажды на постой немецкого солдата. Однако, как расскажет на допросе в областном управлении НКВД свидетельница Н. Ф. Трофимова, «Аболина его выгнала...»

Шло время, на фронтах наступил решительный перелом. Красная армия приближалась к Одессе. Немецкая администрация «упаковывала» в железнодорожные вагоны владельцев аусвайсов. Добрались и до Аболиных. Но мать и дочь категорически отказались эвакуироваться в Германию. Тогда начальник 6-го района немецкой полиции Кифель отнял у них аусвайсы. Беспаспортных Аболиных теперь имел право расстрелять первый попавшийся патруль. Не успели: утром 10 апреля 1944 года советские войска освободили город.

Отдельные воинские части продвигались по улице Балковской, и, спустившись к Дюковскому саду, мать и дочь напряженно вглядывались в лица бойцов, надеясь встретить своего Николая. Но его не было. Его не было не только среди освобождавших Одессу. Его не было вообще. Он погиб в бою в 1943 году. Об этом матери и сестре сообщил его товарищ. Официального уведомления они получить не успели. Их арестовали 2 июня 1944 года. Из документов у Эльвиры Владимировны в момент ареста была лишь такая «справка»: «Дана Аболиной Э. В., 1904 г. р., в том, что она

проживает в доме № 15 по Раскидайловской улице и по национальности латышка. Жильцы дома Мавгородские, Щербак». Никакой печати, разумеется, на справке не было...

Наивно? Да. Но сколько человечности в этой наивности!

В постановлении УНКГБ по Одесской области на арест, оформленном на следующий день после доставки матери и дочери в тюрьму, утверждалось, что Аболины находились «под особым покровительством немецких оккупационных властей».

Составлявший постановление не дал себе труда ознакомиться со свидетельством «особого покровительства», имевшимся в бумагах, изъятых при аресте. Восполним этот пробел. В семейном архиве Аболиных сохранилось такое послание: «Комиссия финансовой дирекции последний раз предлагает Вам не позже 11 февраля внести причитающуюся с Вас задолженность по квартплате и воде в сумме 278.05 и пеню. В случае неуплаты задолженность будет взыскана в принудительном порядке и приняты меры к выселению из квартиры...» Здесь же присутствует и квитанция об оплате долга 7 февраля 1944 года. Остается лишь гадать, какие вещи были проданы на расположенной рядом толкучке, чтобы собрать столь большую сумму денег для укрощения «покровителей».

В постановлении на арест семидесятидвухлетней, почти не поднимавшейся с постели после известия о гибели сына Элеоноры Васильевны говорилось, что ее заключение в тюрьму «необходимо в интересах следствия»: оставь ее на воле — и она может скрыться. Скорее всего Аболину-старшую сразу же после ареста поместили в тюремную больницу, так как в деле отсутствует анкета арестованного.

Единственный допрос Элеоноры Васильевны состоялся 6 октября 1944 года, за 12 дней до ее кончины. Зато обвинительное заключение составили еще в июне. О матери погибшего советского воина следователь импровизировал: «относясь сочувственно к фашистскому строю и немецким намерениям установить так называемый «новый порядок в Европе», подчинив и поработив народы оккупированных немцами стран, признала проводимую в жизнь расовую теорию в период невиданного террора, осуществ-

влявшегося ими над советскими гражданами, лично стала на путь измены Советской Родине...» А 26 августа 1944 года, еще до первого допроса Аболиной-старшей, Особое совещание при наркомте внутренних дел СССР постановило сослать ее в Сузунский район Новосибирской области сроком на 5 лет. Имущество конфисковать. Эту новость сообщили больной женщине месяц спустя, 28 сентября 1944 года, о чем свидетельствует ее подпись, едва нацарапанная на обратной стороне копии постановления.

Элеонора Васильевна Аболина умерла в тюремной больнице 18 октября 1944 года в 3 часа 15 минут ночи. В акте о ее смерти указана причина: сердечная недостаточность, интерпретируемая как «старческий маразм».

Дочери у постели умирающей не было. Ее этапировали, не дожидаясь решения Особого совещания, в Красноярский край, заключив в спецлагерь НКВД. О ее дальнейшей судьбе лучше любых описаний говорит «Акт о смертном случае № 80»: «19 сентября в больнице лагеря умер з/к Эльвира Владимировна Аболина, год рождения 1904, национальность — латышка, статья 54-1 «а». Заболела 28 августа 1944 года (в день прибытия в лагерь). Диагноз амбулаторный: упадок питания, ангина, стоматит. Госпитализирована 14 сентября 1944 года. Использовалась на легком труде — уборщица. Норму выполняла на 100 %. Причина смерти — остановка сердечной деятельности». 7 октября 1944 года Эльвиру Владимировну, уже мертвую, Особое совещание при наркомте внутренних дел СССР приговорило к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет...

Аболиных реабилитировала прокуратура Одесской области. В определении от 9 ноября 1993 года об Аболиной-младшей, между прочим, говорится: «Каких-либо доказательств пособничества либо действий по измене Родине со стороны Аболиной нет. Сам факт получения ею временного немецкого паспорта не может быть квалифицирован как измена Родине.»

Паренек из Дальника

Перед оккупантами Ленька провинился трижды: его мать была коммунисткой, отец — евреем, а сам он — саботажником.

Отца Леонтий помнил плохо: тот умер в голодном тридцать третьем. Мать похоронили семь лет спустя. Деревенские говорили, что у нее «разорвалось сердце». Ее образ впечатался в Ленькину память с поразительной четкостью. Возможно, потому, что такие лица — со впалыми щеками и сияющими глазами — смотрели на него с плаката в сельском клубе. Пятнадцатилетнего паренька взяла к себе в дом тетка Наталья, тоже верующая, но не в коммуноу, а в Бога.

Когда осенью 1941 года в Дальник вошли румынские и немецкие войска, Леонтий поклялся не работать на оккупантов ни единого часа — пусть хоть убьют!

Ну, убить не убили, а трижды отведать «прелестей» «нового порядка» ему все же пришлось. В первый раз это случилось весной 1942 года, когда кто-то нашептал полицаям, что пасется у тетки Натальи «большевистское отродье». Тогда Леньке выбили в полицейском участке передние зубы. Летом того же года окликнул Леньку на улице школьный приятель, — да не по имени, а по кличке «Янкель». Стоявший неподалеку румынский жандарм, вцепившись в Ленькину руку, потащил «жидана» в уже знакомый парню полицейский участок. Там сначала спустили штаны. Но — спасибо матери, борющейся с религиозными пережитками — подтверждения принадлежности арестованного к иудеям не нашли.

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 10995-п

На всякий случай спустили плеткой шкуру с его тощей задницы и снова отпустили. В третий раз Леонтий, отказавшийся строить дорогу через Дальник, выбирался из полицейского участка, держась за заборы, хватаясь за деревья, оставляя на снегу кровавый след, похожий на рассыпанную клюкву... Надо ли говорить, как страстно ожидал паренек прихода Красной армии?

В первый же день освобождения Дальника от оккупантов Леонтий Яковлевич Абрамовский был зачислен в гвардейскую стрелковую часть, с боями продвигавшуюся на Запад. После двухнедельной подготовки, включавшей науку окапываться и стрелять из автомата, принял участие в сражении, которое без перерыва продолжалось шестнадцать дней. Победить чувство страха помогло желание отомстить за перенесенные страдания и унижения. Когда роту отвели в тыл на отдых и для пополнения, командир, довольный поведением Абрамовского в бою, решил заменить им погибшего пулеметчика.

Ленька ликовал. Но торжество было преждевременным. Во время учебных стрельб случилось несчастье: не справившись с тяжелым норовистым «Максимом», новоиспеченный пулеметчик ранил нечаянно в ногу солдата, который внезапно появился неподалеку от мишеней. Руководивший стрельбами молодой лейтенант матерился, как биндюжник со стажем, отправляя бойца Абрамовского на гауптвахту. 8 июля 1944 года его передали в отдел контрразведки СМЕРШ 82-й гвардейской стрелковой дивизии. С 14 по 28 июля 1944 года Л. Я. Абрамовского, сменяя друг друга, допрашивали пятеро следователей. «Диверсанта» обвинили в изменническом поведении в период оккупации и на фронте... В течение 13 дней Ленька сочинил 13 историй о том, как он «предавал» коммунистов и комсомольцев родного Дальника и любимой Одессы, где якобы проживали в доме № 16 по Виноградной улице юные партизаны Сапожников и Юрковский.

31 июля 1944 года в СМЕРШе подготовили справку, лишившую семью «изменника Родины» Абрамовского льгот в военное время. Семейей Леньки был младший его брат Гриша; сестра Люба к этому времени уже погибла на фронте.

6 августа 1944 года состоялось заседание военного трибунала 8-й гвардейской армии, на котором подсудимый так и не смог припомнить всех эпизодов своей «предательской деятельности», сочиненных им на допросах, но признал себя виновным в том, что ранил товарища и подвел молодого лейтенанта, который доверил ему пулемет. Л. Я. Абрамовского приговорили к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях и 5 годам поражения в правах после отбытия наказания. С конфискацией имущества, которого не было. В общем-то, по военному времени могли бы и расстрелять. Но, похоже, сами судьи не очень верили в то, что перед ними стоит шпион и предатель. Десятку же вlepили на всякий случай, так как разбираться по существу не было принято.

Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал. Л. Я. Абрамовского этапировали в Воркутлаг НКВД, где он работал на шахте крепильщиком породы. А «преданные» им коммунисты и комсомольцы были живы и здоровы, трудились в родных краях, — все, за исключением одесситов с улицы Виноградной, 16, Сапожникова и Юрковского, которых-то и в природе не существовало. Последнее выяснилось без особого труда после того, как заключенный Абрамовский обратился 18 сентября 1953 года с жалобой к генеральному прокурору СССР.

В заключении военной прокуратуры Одесского военного округа от 26 марта 1955 года сказано, что Л. Я. Абрамовский «оговорил себя под воздействием следователя, применявшего в отношении его незаконные методы ведения следствия». Определением военной коллегии Верховного суда СССР от 15 октября 1955 года Л. Я. Абрамовский реабилитирован «за отсутствием состава преступления». Извещен об этом событии на поселении в Воркуте 21 мая 1956 года.

Свободный художник

На вопрос о социальном положении человек, доставленный под конвоем в отдел армейской контрразведки СМЕРШ, ответил: свободный художник. Следователь с удивлением взглянул на арестованного: кто бы говорил о свободе... Затем подумал: «И откуда такой независимый? Надо разобраться».

По иронии судьбы желание следователя «разобраться» привело к тому, что протоколы допросов скульптора Николая Блажкова оказались единственным источником относительно полных биографических сведений о нем.

Николай Васильевич Блажков родился в Одессе 20 мая 1898 года. Здесь прошло его раннее детство. В 1903 году, после выхода в отставку отца, штабс-капитана артиллерии, семья переехала в Полтаву, где бывший офицер получил место управляющего городской почтой.

В 1917 году Николай окончил гимназию. Революция, гражданская война, смерть отца положили конец благополучию семьи, и младшее поколение Блажковых «пошло в люди». Скитания в поисках заработка привели Николая в город Ливны на Орловщине. Заглянул в местный народный музей — и остался в нем работать... сторожем.

Так прозаически начался его путь в искусстве. Позже он освоил профессию модельщика на Хайтинской фарфоровой фабрике под Иркутском. В 30-е годы учился ваянию в Москве. Его

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 24607-п

учителями были Г. Нерода, Б. Яковлев, И. Шадр. С 1934 года Николай Васильевич принимает участие в художественных выставках. Библиографический словарь «Художники народов СССР», уделив скульптору 20 строк, из его произведений этого периода называет бюсты баснописца Ивана Крылова, поэта В. Лебедева-Кумача, барельеф героини труда Марии Демченко, статую для фонтана «Купальщица».

Из однокурсников по Строгановскому училищу, преобразованному в 30-е годы в Институт прикладного и декоративного искусства, запомнился Блажкову Евгений Вучетич. Оба принимали участие в оформлении Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Уже тогда Вучетича привлекала работа над образами сильных мира сего. Блажков политиками не интересовался: он был толстовцем. Разница во взглядах и вкусах определила жизненные пути двух талантливых скульпторов. В эпоху расцвета в стране тоталитарного искусства, когда Вучетича награждали орденами и премиями, Блажкова перемалывали в лагерную пыль.

Об истоках и сути своего мировоззрения Блажков давал показания в СМЕРШе 4 февраля 1945 года: «В 1917 году я был за революцию и создание социалистического государства... Позднее, в 1920 году, после встречи с Горбуновым-Посадовым и Дудченко (друзьями Л. Н. Толстого), в период тяжелых переживаний в России от гражданских войн, я изменил точку зрения по отношению социалистического государства. В 1920—1921 году я выписывал журнал «Истинная свобода», издаваемый в то время в Москве под редакцией Черткова (бывшего секретаря Л. Н. Толстого). Как толстовец я против государственности и всякого насилия (арестов, тюрем, лагерей), противник военной службы, сторонник самоопределения быта народа, международной культуры и международного языка, непримирим к политическим партиям».

На протяжении ряда лет Николаю Васильевичу удавалось поступать в соответствии с некоторыми положениями усвоенного им учения. В период гражданской войны, избегая мобилизации в войска белых, он метался по разным городам Украины и России. От мобилизации в Красную армию освободился через суд, заменив-

ший ему военную службу годом учительской работы в деревне. Желая приобщиться к мировой культуре, изучил язык эсперанто и обменивался художественными открытками, информацией из области искусства с немцем-штукатуром из Либиха, испанским и уругвайским интеллектуалами из Барселоны и Монтевидео: толстовец почитал высшим принципом бытия равенство людей всех состояний, рас и народов.

В 1937 году эсперантские организации в СССР были запрещены, их руководители репрессированы. Это не прибавило толстовцу уважения к правящей в стране партии. Однако уклониться от защиты отечества в священной войне он не считал для себя возможным. «Примерно 27 июня 1941 года по мобилизации я был призван Загорским РВК города Москвы в Красную армию, — рассказывал Н. В. Блажков 6 марта 1945 года в судебном заседании военного трибунала 65-й армии. — Для прохождения службы направлен в 9-ю Кировскую ополченскую дивизию. После формирования дивизия была направлена в район города Ельня, где впервые была введена в бой. Здесь же ввиду окружения 12 октября 1941 года попал в плен к немцам. До пленения работал топографом и писарем при оперативном отделе штаба».

История пленения рядового Блажкова была характерной для начального периода войны: штабная машина, выбираясь из окружения, попала под бомбовый удар, уцелевшие штабисты укрылись в лесу, где были схвачены немецкими солдатами, которые прочесывали местность. Так начались мытарства в немецких концлагерях — Смоленском, Алитусском, Каунасском.

Для военнопленного Блажкова бездействие было невыносимо, и он по-своему, с позиций толстовца, пропагандирует мир и искусство. В 1942 году он пишет стихи, в которых напоминает немцам, что они — нация, давшая цивилизации гуманиста Гете, а это ко многому обязывает. Автор пытается убедить «германских воинов» в необходимости «долгого перемирия». Стихи опубликовала русскоязычная газета «Клич», издаваемая для узников лагерей. Но художник верил, что хоть один немец да услышит его призыв к миру и откликнется на него.

Скульптор Борис Румянцев, ученик Блажкова, рассказывает, что с такой же надеждой Николай Васильевич вытачивал для немецкого офицера статуэтку Мадонны. Насколько проникся Божиими заповедями немецкий офицер, неизвестно, но за работу все же вручил скульптору изрядный кусок сала. Его по-братски разделили между всеми обитателями барака.

Общавшийся с Н. В. Блажковым в 60-е годы скульптор Александр Князик передает его рассказы и о других работах, созданных в лагерях: вырезанных из дерева, вылепленных из глины миниатюрных портретах товарищей по лагерю. Блажкову удалось организовать в лагере гончарное производство, обучить многих гончарному делу, избавив тем самым их от изнурительных общих работ.

Изделия лагерных умельцев были, наверное, достаточно хороши, если о них прознал владелец гончарной мастерской и учитель рисования в гимназии города Алитуса Витольд Браджиус. Он решил использовать труд пленных на своем кустарном предприятии. По договоренности с немецкими властями отобрал пятерых. В их числе был и Николай Блажков. Близкие ему люди утверждают, что этот подаренный Браджиусом глоток свободы Николай Васильевич вспоминал с благодарностью до последних дней жизни.

Учитель рисования из Литвы знакомил советского скульптора с изданиями, ранее ему недоступными, где было представлено современное искусство Запада. Блажкова поразили работы Арно Брекера, напоминавшие шедевры античной скульптуры. И советский военнопленный обратился с письмом к профессору Берлинских государственных мастерских, в котором просил предоставить возможность работать рядом с ним. Фантастика? Да. Для большинства. Но не для тех, кто знаком с толстовской проповедью пацифизма и всеобщего равенства. Был ли Арно Брекер поклонником толстовской философии? Вряд ли. Но на полученное от военнопленного письмо он ответил. «Он посоветовал, — рассказывал Н. В. Блажков на допросе 31 января 1945 года, — обратиться к руководству лагеря с тем, чтобы они меня отпустили в Берлин на работу к Брекеру. Когда я обратился, меня за это арестовало руководство лагеря.

Жандармерия производила допрос... За такой поступок меня из этого лагеря направили в тяжелый лагерь города Каунас».

В Каунасском лагере провинившийся содержался до мая 1944 года. Весной этого года он предпринял новую попытку вырваться из плена. Происходило это следующим образом. В газете «Новое слово», издаваемой в Берлине, он прочитал объявление проживающей в городе Финов-Марк Лидии Васильевны Пфейфер, которая разыскивала своих родственников Блажковых. Это была родная сестра Николая Васильевича, эмигрировавшая вместе с мужем-офицером из России в годы гражданской войны. «Я написал ей письмо, — признавался в СМЕРШе Блажков, — чтобы она ходатайствовала у немецких властей о моем освобождении. Она обратилась к Брекеру и прочим немецким властям. 20 мая 1944 года из Каунасского лагеря меня арестовало гестапо за то, что я ходатайствовал об освобождении...» Замечено, что карательные органы любят преподносить «подарки» по праздникам. 20 мая — день рождения Николая Васильевича. В день ареста ему исполнилось 46 лет.

В подвалах каунасского гестапо дважды проштрафившегося пленного допрашивали в течение месяца. В конце июня его в сопровождении гестаповца привезли в Берлин и сдали с рук на руки в организацию «Венета» — ведомство по «культурному обслуживанию восточных рабочих». Скульптора поместили в замке Яблонино, немецкой «шарашке» для творческой интеллигенции, вывезенной оккупантами из занятых ими областей СССР. В его обязанности входило вытачивание из дерева головок для кукол, предназначенных для детей оstarбайтеров. По собственной инициативе Блажков и в Яблонино организовал производство керамики — игрушек для брошенных на чужбину детей.

Когда в Яблонино вошли советские войска, Николай Блажков явился в военную комендатуру. Здесь его обыскали, изъяли дневник, записные книжки, рисунки, репродукции с работ Арно Брекера. Военному коменданту эти «трофеи» показались подозрительными, и он отправил их владельца в СМЕРШ. По окончании следствия альбомы и записи художника были уничтожены как не имеющие отношения к делу... Зато к материалам следствия приоб-

щили показания свидетеля с фамилией, похожей скорее на псевдоним, — Сергея Волги, который якобы заявил, что Блажков «добросовестно выполнял немецкие заказы». Какие именно — не уточнялось и в детали ни до осуждения, ни после никто не вникал.

В судебном заседании трибунала, проходившем без участия свидетелей, адвоката и прокурора, Н. В. Блажков не отрекся от своего «символа веры». Он сказал: «Я не считаю советский строй идеальным. Нет свободы слова, печати. Находясь в плену, я со многими пленными вел беседы, из которых узнал, что многие из них находились в заключении в Советском Союзе совершенно напрасно... Немецкий строй я также не считаю идеальным. Я считаю идеальным тот строй, в котором нет тюрем, насилия, войн».

Н. В. Блажкова приговорили к 10 годам заключения в ИТЛ с последующим поражением в правах сроком на 5 лет. Оба срока он отбывал в лагерях Магаданской области и в городе Магадане. Это был «полюс холода и жестокости архипелага под названием ГУЛАГ» (А. И. Солженицын). Николай Васильевич ни с кем из знакомых не делился воспоминаниями о годах, проведенных в советских лагерях и ссылке. По-видимому, не желал даже мысленно возвращаться в ад, не говоря о том, что такое возвращение могло повториться в реальности. Из других источников известно, что это было существование между холодом и голодом, между жадой и страхом, «между блатарями и конвоем» (А. И. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»).

Из мест заключения Блажков был освобожден «с зачетом рабочих дней» 1 июня 1952 года, амнистирован со снятием судимости в 1955-м, и уже год спустя стал участником Магаданской областной выставки декоративного и прикладного искусства. Покидая Магадан, он оставил городу свой «автограф» — выполненный в бетоне скульптурный портрет Д. И. Менделеева.

В Одессу Николай Васильевич приехал в 1957 году. Здесь проживал близкий ему в духовном отношении человек — Лидия Львовна Светченко. Они встретились на Дальнем Севере, куда молодую женщину отправили на 8 лет в лагерь по постановлению Особого совещания при МГБ СССР за то, что она опубликовала

свои рассказы на страницах «Христианского вестника» и «Детского листка», пропагандируя евангельские заповеди в период оккупации Одессы румыно-немецкими войсками.

Проживая в Одессе, Николай Васильевич создал при Дворце пионеров студию скульптуры и керамики, которой руководил на протяжении семи лет. Об этих годах с благодарностью вспоминают и воспитанники студии, и сменявшие друг друга сотрудники Дворца.

В Одессе скульптор создал три своих самых душевных произведения: барельеф молодого Горького, чьи скитания по стране напоминали ему собственную молодость, бюст Льва Толстого и памятник Людвигу Заменгофу. На судьбе всех трех произведений сказалось «криминальное» прошлое их автора. В одну из ночей со стены Луна-парка под Приморским бульваром бесследно исчез бетонный барельеф Максима Горького (диаметром в 5 метров). Об уничтожении этого скульптурного портрета и сегодня с глубоким сожалением рассказывает литературовед Наталья Островская. Долгое время оставался невостребованным бюст Льва Толстого. А когда, наконец, был передан одной из одесских школ, то «нечаянно» разбился вдребезги. Ни на одной из площадей похвальнощегося своим интернационализмом города не оказалось места для памятника создателю языка эсперанто. Установленный на каменном венце высохшего колодца с помощью жильцов дома № 3 по улице Дерибасовской, где в подвальном помещении находилась мастерская скульптора, он тем не менее известен далеко за пределами Одессы. О посещениях его туристами свидетельствовали Н. К. Островская и художник Сергей Ильин.

Одесские администраторы из отделения Союза художников и наробраза не допустили участия Блажкова ни в одной из проходивших в городе художественных выставок, хотя за окном стояла «оттепель» шестидесятых.

В 1964 году по настоянию членов семьи Блажков предпринял попытку добиться реабилитации. Дополнительным расследованием занялась военная прокуратура Одесского военного округа. Установив, что заявитель с немецкой разведкой и контрреволюци-

Открытие бюста Людвика Заменгофа во дворе дома № 3 по Дерibasовской. Николай Блажков — крайний справа во втором ряду.

онными органами не сотрудничал, помощник прокурора 11 марта 1965 года подписал постановление: «Жалобу оставить без удовлетворения». Пояснением мотивов отказа себя не обременяли.

Николай Васильевич Блажков реабилитирован в 1991 году военной прокуратурой Белорусского военного округа. Посмертно.

В середине XIX века Лев Толстой задумал роман о человеке, «не изменившем своему богу... не испугавшись того, чего нельзя бояться — преследований». Годы испытаний не лишили его «ясности, бодрости, сердечной разумности и радости» (Л. Н. Толстой). Натура Николая Блажкова была близка к задуманному писателем образу. Каждый, кто знал его, вспоминает о его общительности, обаянии, интеллигентности, глубокой порядочности.

Николай Васильевич Блажков, как сообщила его ученица из кружка одесских эсперантистов, Татьяна Аудерская, умер 24 мая 1972 года. Хочется думать и верить, что, отходя в мир иной, он знал о любви к нему друзей и учеников, и это помогало ему философски относиться к ярлыку, навешенному на него властями.

На перепутьях истории

Народ Испании первым на планете вступил в вооруженную борьбу с фашизмом. Она началась в 1936 году, когда мятежные генералы при поддержке Германии Гитлера и Италии Муссолини выступили против республиканского правительства. Национально-революционная война продолжалась около трех лет и закончилась поражением республиканцев.

В эти годы Хосе Эдрейра Нуньес служил матросом на линкоре «Хайме I». О судьбе этого корабля писала Долорес Ибаррури: «Этот линкор, на котором было много коммунистов, был для реакционных офицеров флота как кость в горле. Чтобы избавиться от коммунистов, они пошли на преступную диверсию, взорвав корабль» (Долорес Ибаррури. Воспоминания. М., 1988, кн. 1, с. 409).

Нуньес чудом остался жив и был прикомандирован в качестве зенитчика на торговые суда. Он защищал от налетов фашистской авиации эвакуируемых в СССР испанских детей и направляемые в Испанию из Союза военные грузы.

В 1937 году силы реакции вывели испанский флот из подчинения республиканцев, и стоявший в одесском порту пароход «Хуан Себастьян Элькано», на котором служил Нуньес, на родину не вернулся. Команде предложили выбор: возвращение в Испанию, эмиграцию в страны Латинской Америки, жизнь в СССР. Нуньес и еще 49 моряков выбрали последнее: Советский Союз им представлялся самым дружественным из всех государств и в то же время самым бескомпромиссным противником фашизма. Некото-

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 11562-п

рые из политэмигрантов приняли советское гражданство. Среди них — герой национально-революционной войны капитан Эухенио Монтилья Эскудеро. Он не представлял себе жизни без моря, и ему пришлось обменять испанское гражданство на капитанский мостик парохода «Львов».

Около двух лет испанские эмигранты проживали в Одессе, принимая участие в общественно-политических мероприятиях антифашистского толка. Договор между СССР и фашистской Германией положил конец этой деятельности. Испанцев отправили подальше от крупного портового города.

Сначала их поселили в доме отдыха в Змиевском районе Харьковской области. Через полтора месяца — периода адаптации южан к суровому климату Севера — их перевезли на Урал. Испанские революционеры-республиканцы очутились в местах высылки отечественных «социально опасных».

Освоив специальность токаря по металлу, Нуньес трудился на Челябинском тракторном заводе.

Уроженцы субтропиков плохо приживались в северных широтах, и в 1942 году группу в 25 человек эвакуировали в Самарканд (судьба остальных двадцати пяти неизвестна).

В Самарканде Нуньес работал на шелкоткацкой фабрике. Солдат трудового фронта выполнял заказы советской авиации. В начале 1943 года добровольно вступил в ряды Красной армии. Артиллерист-зенитчик, он по непонятным соображениям командования был зачислен в «школу партизан». По завершении учебы Нуньес — лицо без гражданства — в тыл противника так и не попал. Дальнейшее пребывание в армии утратило свой смысл. Нуньес демобилизовался: на трудовом фронте он был более востребован.

После войны с разрешения советских властей Нуньес поселился в Одессе: здесь проживали, возвратившись из эвакуации, его жена — одесситка Дина Эдрейра Нуньес и трехлетний сын Мануэлито. Супруги работали в Главморстрое, поднимали из руин одесский порт.

В первые послевоенные годы жизнь на освобожденных от фашистской оккупации территориях была особенно трудной. Звание стахановца, присвоенное Нуньесу в первые же месяцы работы на

заводе, приносило лишь моральное удовлетворение. Карточная система снабжения обрекала семью на полуголодное существование. Они забыли о том времени, когда в их распоряжении была приличная одежда. Выручали знакомства и встречи Нуньеса с земляками — моряками американских судов, доставлявших в СССР гуманитарную, как нынче принято говорить, помощь. В прошлом бойцы республиканской армии, они после победы Франко прошли через концлагеря Африки, участвовали во французском Сопротивлении, скитались по морям на американских судах. Не пообщаться с земляками, с точки зрения проживавших в Одессе испанских политэмигрантов, было бы противоестественным.

Другая точка зрения на этот счет имела у советских органов госбезопасности. Они болезненно воспринимали желание «капиталистов» оказать материальную помощь «советским испанцам», крайне настороженно относились к попыткам политэмигрантов установить контакты с родственниками из зарубежья. Всегда нетерпимо относившиеся к подобным явлениям, власти в силу ряда обстоятельств теперь испытывали особое раздражение.

В 1946 году члены ЦК компартии Испании, несмотря на «беседы» в Кремле, покинули Советский Союз и обосновались во Франции, правительство которой предоставило им все условия для проведения политики национального примирения и создания в Испании правительства широкой коалиции, куда входили бы все партии и группировки, кроме фашистских.

В декабре 1945 года на пленуме ЦК КПИ в Тулузе была принята новая программа компартии, согласно которой интересы рабочих защищались бы «на деле, а не на бумаге», крестьяне бы владели не только землей, но и продуктами своего производства, интеллигенция «не угодничала бы перед сильными мира сего», а «ремесленник, скромный продавец, мелкий предприниматель смотрели бы в будущее без страха» (Долорес Ибаррури. Воспоминания, кн. 2, с. 112—113). В подтексте новой программы КПИ содержалась критика политики, проводимой советским правительством, с ее коллективизацией, досрочным выполнением планов производства за счет труда энтузиастов, уничтожением нэпманов, репрессиями в отношении инакомыслящей интеллигенции.

Пути КПИ и КПСС разошлись, и это не могло не отразиться на положении тех, кто остался на перепутье. За испанскими политэмигрантами в Союзе установили слежку, в их среде произвели аресты. В Одессе в 1948 году арестовали капитана Эухенио Монталья Эскудеро, в 1949 — Хосе Эдрейра Нуньеса и кочегара из котельной совпартшколы Франциско Хуана Рахель. Их обвиняли в реэмигрантских настроениях, в подготовке к нелегальному уходу за границу, шпионаже (статья 54-6 УК УССР). Любопытная деталь: у «шпиона» Нуньеса при аресте «ничего не описано в связи с отсутствием имущества, подлежащего конфискации».

Только через месяц после ареста Нуньес согласился подписать протокол, в котором говорилось, что он поставлял американской разведке сведения клеветнического и одновременно шпионского толка (за логикой следствия не уследишь). После полугодия непрерывных ночных допросов следователи «установили» содержание этих сведений: «В СССР кто работает, тот не ест... Вся моя семья разута, раздета и голодна. Руководство на местах а также и вверху наживается за счет рабочих и получается та же эксплуатация... Конституция не оправдывается практикой... Там, где диктатура, не может быть свободы...» Нуньес признавался, что утратил «веру в действительность существующего в СССР строя... стал задумываться об установлении связи с родственниками».

Из протокола допроса Франциско Хуана Рахель: «Живем мы плохо, и если бы не американские моряки, мы якобы ходили разуты, раздеты, а они нам помогли... Просил их передать письмо в Эмиграционный республиканский комитет, чтобы связаться с родными».

Допрашивались и свидетели — как пребывавшие под арестом, так и находившиеся еще на свободе (вплоть до воспитательницы детского сада, который посещал сын Нуньеса). Поставщиками компромата стали только двое. Как выяснится при пересмотре дела, оба были секретными сотрудниками органов госбезопасности.

«Свидетельница» Е. утверждала, что Нуньес «клеветал на советскую действительность». Ее коллега варьировал свои «показания»: в 1949 году заявил, что Нуньес и Рахель поставляли американским разведчикам шпионские сведения; в 1954-м признавал, что не слышал, о чем те говорили с американскими моряками, так

как следил за ними издали. Зато приписал Нуньесу авторство изданной в Мексике книги «Голая правда», которую написала вырвавшаяся из СССР испанка Луиза Коссэс. В 1960 году этот же свидетель «вспомнил», что «клеветнические разговоры» Нуньес вел с ним лично.

Отдел охраны МГБ на Северо-Черноморском бассейне, арестовавший Нуньеса 31 января и Рахель — 17 марта 1949 года, предъявил им протокол об окончании следствия и дело на 169 листах 25 июня. Обвинительного заключения подследственные так и не увидели: оно начиналось со страницы 174-й. Значительная его часть состояла из упреков в неблагодарности испанцев советскому народу, обвинений в дезертирстве в период войны и связях с американскими агентами. Подтверждающих обвинения документов в деле не было. Это не помешало Особому совещанию при министре госбезопасности СССР 2 ноября 1949 года принять постановление о заключении Нуньеса и Рахель в исправтрудлагеря сроком на 10 лет каждого. Из богатого ассортимента мест заключения, которыми располагал ГУЛАГ, для испанцев было избрано Заполярье.

В июле — августе 1953 года оба узника обратились с жалобами в Центральную комиссию по пересмотру дел за антигосударственные преступления. Даже после четырехлетнего пребывания в лагерях Нуньес не переставал недоумевать, почему его беседы с земляками о трудностях жизни являлись секретными и клеветническими, если моряки «знали о том, что везут помощь нуждавшемуся населению». Он заявлял, что оговорил себя «под угрозой пыток и применения их, психическим воздействием в применении репрессий к жене и малолетнему сыну». Рахель молил о разрешении отбывать наказание в южных широтах, хотя был уверен, что страдает невинно: «... я вовсе безграмотен. До сих пор не могу говорить по-русски... Мое следствие вели без переводчика, и я еще сегодня не знаю, что в протоколах написано».

В ответ на эти жалобы следователи из отдела охраны МГБ на СЧБ заверяли свое начальство: «Следствие велось в соответствии с нормами УПК и каких-либо нарушений допущено не было».

В августе — сентябре 1955 года военный прокурор 12-го отдела Главной военной прокуратуры и Центральная комиссия по пере-

смотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, приняли компромиссное решение: переqualифицировать обвинение со статьи 54-6 (шпионаж) на статью 54-10 часть 1 (антисоветская агитация), «снизить меру наказания по 5 лет каждому, за отбытием срока освободить и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» Нуньес Хосе Эдрейра и Рахель Франциско Хуана считать не имеющими судимости». И волки сыты, и овцы целы. Но целы ли?

1 августа 1959 года персональный пенсионер союзного значения Франциско Хуан Рахель в заявлении о реабилитации писал в Президиум Верховного Совета СССР: «Здоровье мое подорвано из-за климатических условий... У меня оформлены документы на выезд на мою Родину... Я хочу уехать с незапятнанной честью».

Повторный пересмотр дела состоялся в январе — марте 1960 года в военной прокуратуре Одесского военного округа. В ходе его открылись новые обстоятельства. Среди оперативных документов были обнаружены и приобщены к делу 18 протоколов допросов обвиняемых и 5 протоколов допросов свидетелей, утаенных следователями от вышестоящих инстанций и свидетельствовавших о полной невинности проходивших по делу Нуньеса и Рахель. Свидетели, в частности, изобличали поставщиков компромата на подследственных. Вызванные в прокуратуру округа, клеветники отреклись от своих показаний 1949-го и 1954 годов. Военная прокуратура установила также, что среди моряков, с которыми общались репрессированные, не было агентов американской разведки. Необъективность расследования была установлена 11 лет спустя после осуждения.

4 марта 1960 года военный трибунал Одесского военного округа реабилитировал Хосе Эдрейра Нуньеса и Франциско Хуана Рахель, отменив постановление Особого совещания при министре госбезопасности СССР от 2 ноября 1949 года «за отсутствием состава преступления».

По свидетельству Рахель, Нуньес с семьей выехал в Испанию 15 января 1957 года. В Одессе Рахель встречался с ним на похоронах легендарного Эухенио Монталья Эскудеро. В фонде прекращенных дел одесского УСБУ дело на Эскудеро отсутствует.

Воспитание муз

Сначала били словом. «До конца разгромить космополитов-антипатриотов и их охвостье» — призывала 18 марта 1949 года одесская областная газета «Большевицкое знамя».

Оплотом космополитизма считался Еврейский антифашистский комитет (Москва). Под охвостьем подразумевали его корреспондентов на периферии. Выражение «до конца» понималось буквально. И потому сразу же перешли к делу.

В порядке «разминки» еврейскую творческую интеллигенцию в Одессе лишили права на литературный труд. И поэты, чтобы выжить, вместо работы над деталями художественными сортировали детали вполне материального свойства на фабриках и заводах.

Этого властям показалось недостаточно, и весной 1950 года начались аресты. Одного за другим увозили по ночам в тюрьму поэта Ханана Вайнермана, писателя Нотэ Лурье, критика Ирму Друкера, журналиста Соломона Алека, художника Зельмана Мерхера, актера Израиля Пясецкого, физика и музыканта Хаскеля Ташлицкого, педагога и литератора Максима Минделя, историка и мемуариста Хайма Хейфеца.

Большинство арестованных «антипатриотов» были участниками Великой Отечественной войны. Чтобы в глазах следователей не мельтешила эта особенность биографии космополитов, в УМГБ по Одесской области приняли постановление: изъятые при

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 8898-н

обысках боевые награды считать «не имеющими отношения к делу». Сотрудников управления госбезопасности морально поддержала тюремная медицина: инвалид II группы Максим Ильич Миндель, лишившийся на фронте ноги, был признан «здоровым и годным к физическому труду».

В своем рвении следователи утратили чувство реальности. В протоколе допроса Ханана Вайнермана от 13 июля 1950 года запечатлен, например, такой диалог между ведущим дознание и обвиняемым:

Следователь: Вам известен Тузман Михаил Наумович?

Вайнерман: Нет. Но мне известен Тузман Цодык Шмулевич... Сын столяра... Друг детства... Ответственный секретарь еврейских газет в Харькове... Погиб на фронте в июле 1941 года.

Следователь: Покажите о известной вам преступной сионистской деятельности Тузмана и вашей связи с ним.

Как видим, «космополитов» громили не только «до конца», но и после оногo...

Чтобы «разобраться» с талантами, членам следственной группы не обязательно было поступать в Литературный институт. В их распоряжении пребывали несколько источников информации — настолько надежных, что даже не возникала мысль о назначении литературоведческой экспертизы произведений, признанных ими вещественными доказательствами «преступной деятельности» арестованных поэтов и писателей.

На первом месте были, конечно, материалы, присланные из МГБ СССР:

1). Копия докладной члена Совинформбюро Н. Кондакова на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова, где содержалось обвинение Еврейского антифашистского комитета в «глубоком искажении советской действительности».

2). Копии протоколов допросов руководства ЕАК, на которых И. С. Фефер и другие в феврале — марте 1949 года расписались в проводимом ими шпионаже, упомянув в качестве пособников одесских литераторов — корреспондентов газеты «Эйникайт» («Единство»).

Использовали следователи и местные документы. К делу приобщен доклад на общегородском собрании одесских писателей, с которым выступил разоблачавший «космополитов» Евгений Бандуренко — украинский поэт, ответственный секретарь одесского отделения Союза советских писателей, в прошлом — сотрудник СМЕРШа.

Также приобщены распоряжения цензоров. В приказе № 3/158-е от 19 октября 1950 года, подписанном начальником одесского обллита А. Гордиенко, повелевалось «изъять все печатные произведения из библиотек общественного пользования и книготорговой сети следующих авторов: Лурье Н. М., Друкер И. Х., Вайнерман Х. А., Кемель Г. А.». Статьи Нотэ Лурье «Прекрасная культурная жизнь свыше 130 тысяч евреев в Одессе» и «Спасенные произведения в Одессе», где шла речь о вкладе еврейской интеллигенции в послевоенный культурный расцвет города и о спасении в годы оккупации сотрудниками библиотеки имени Горького книг на еврейском языке, были охарактеризованы начальником обллита как «грубый пасквиль на советскую действительность» только потому, что автор «оценил произведения еврейских писателей как лучшие произведения человеческой мысли и на второй план отнес произведения классиков марксизма-ленинизма». После такого умозаключения следовал вывод: «Автор статей матерый сионист...»

Следствие не воздержалось от того, чтобы не внести собственный вклад в науку о литературе. В обвинительном заключении по делу публицистика рассматривалась как средство «зашифровки шпионских донесений». Органы госбезопасности считали приемлемыми такие статьи и очерки, в которых бы образ современника (предпочтительно не еврея) создавался без изображения обстоятельств, формирующих его характер.

Наряду с подобными новациями в управлении МГБ по Одесской области не чурались и традиций, порою очень давних. Из средневековья, например, шла привычка сжигать все неугодное или непонятное. Так взошли на костер изъятые во время обысков рукопись книги стихов Ханана Вайнермана «Коллективные поля»

(51 лист), общие тетради с личными рукописями Ирмы Друкера, записные книжки писателя Нотэ Лурье и художника Зельмана Мерхера, рассказ «Русская женщина» и «литературные записки на еврейском языке» (всего 15 тетрадей) Соломона Алека, сочинение по теории музыки Хаскеля Ташлицкого. Вместе с рукописями были «уничтожены путем сожжения» газеты на еврейском языке, комплект советского журнала на русском языке «Новый мир» и семейные альбомы с фотографиями. По мнению сотрудников УМГБ, узаконенному постановлением от 10 декабря 1950 года, перечисленные материалы «не представляют никакого интереса для следствия, а также по их содержанию не могут быть возвращены родственникам» обвиняемых и подлежат уничтожению.

Более свежими были воскрешенные в конце 40-х — начале 50-х годов традиции «ежовщины» с ее практикой фальсификации дел в масштабах всей страны — «от Москвы до самых до окраин». «Московский центр» фигурировал в постановлениях на арест Ханана Вайнермана, Ирмы Друкера, Нотэ Лурье, обвинявшихся в измене Родине (статья 54-1 пункт «а» УК УССР). О каждом из них говорилось: «В 1945 году вступил в преступную связь с бывшими руководителями еврейского антифашистского комитета в Москве Фефером, Гонтарем, Бергельсоном (агентами американской разведки) и редактором еврейской газеты «Эйникайт» Жицем (ныне арестованы за шпионаж МГБ СССР), по заданию которых систематически собирал шпионские сведения о работе одесского порта, промышленности и колхозов, перерабатывал их в виде очерков и статей и на фоне работы одного-двух евреев показывал состояние и характер отдельных отраслей народного хозяйства... направлял антифашистскому комитету в Москву, которые переправлялись в США для американской разведки...» О Ханане Вайнермане в дополнение утверждалось, что он «в 1946 году во время приезда из США в Одессу редактора еврейской газеты «Морген-Фрайх» американского разведчика Новика Пауля имел с ним встречу, снабдив его информацией шпионского характера о жизни и быте евреев в г. Одессе и наличии в ней еврейских театров, клубов и библиотек».

Последнее обвинение может показаться курьезным. Однако единственно секретными были именно сведения «о наличии», а точнее — об отсутствии в городе еврейского театра, еврейской библиотеки, об упразднении еврейских драмкружков при клубах, о пресечении попытки поставить на клубной сцене пьесу Переца Маркиша «Восстание в гетто». Эти факты подтверждали проведение в СССР политики ассимиляции еврейского населения, и предавать их гласности означало приподнять «железный занавес», которм отгораживали страну от остального мира.

Из практики «ежовщины» были позаимствованы, по свидетельству обвиняемых, и методы ведения следствия. На допросах применялись пытки. «Служителей муз» лишали сна и еды, избивали резиновым кабелем до полусмерти. Как тут не вспомнить не красовский образ окровавленной Музы?..

14 апреля 1951 года Особое совещание при министре госбезопасности СССР постановило заключить в ИТЛ Нотэ Лурье, Ханана Вайнермана и Ирму Друкера на 15 лет (статьи 54-1 пункт «а», 54-10 часть 2, 54-11 УК УССР), остальных — на 10 лет (статьи 54-10 часть 2, 54-11 УК УССР). Все обвинялись в участии в антисоветской националистической группе и антисоветской агитации, первые трое — дополнительно в шпионаже. Наказание отбывали в лагерях Хабаровского края (Берлаг), Красноярского края (Горлаг), Мордовии (Дубравлаг).

6 апреля 1953 года газета «Правда» в передовой статье обнародовала выводы спецкомиссии МВД СССР, среди которых, в частности, содержалось признание вины перед жертвами кампании, развязанной против «космополитов».

Узники лагерей, прямо или косвенно связанные в прошлом с ЕАК и его председателем — народным артистом СССР Соломоном Михоэлсом, убитым еще в 1948 году, узнав о статье, ощутили прилив надежды на скорое освобождение. «Теперь, — писал Х. А. Вайнерман в Совет министров СССР, — когда установлено, что Народный артист СССР Михоэлс и другие были оклеветаны, само собой отпадает и мое обвинение в якобы преступных связях с Еврейским антифашистским комитетом...»

Максим Миндель, обращаясь к председателю Президиума Верховного Совета СССР, заявлял: «Я имею все основания утверждать, что дело мое сфабриковано и сфальсифицировано авантюристическими элементами в недрах МГБ». Касаясь своего знакомства с Михоэлсом и Маркишем, Максим Ильич подчеркивал, что считает этот факт «честью для себя». Он с гордостью упоминал об автографе на подаренном ему знаменитым писателем экземпляре поэмы «Война»: «Честному воину и влюбленному рыцарю поэзии».

Нотэ Лурье в обстоятельных заявлениях, адресованных Г. М. Маленкову, Н. С. Хрущеву и К. Е. Ворошилову, настаивал на проведении экспертизы своих произведений. Обращался он и к Александру Фадееву. 8 апреля 1953 года он писал: «В прошлом году я отправил Вам письмо, но ответа до сих пор не получил. Я опять обращаюсь к Вам — Депутату Верховного Совета СССР и Генеральному секретарю Союза советских писателей, членом которого я состоял с 1934 года... Всю свою жизнь я прожил честно, честно в нашем большом советском понимании. Я приложил все силы, чтобы в своих произведениях показать величие нашей советской эпохи...»

Не удостоив и на этот раз опального писателя ответом, Фадеев 14 июля 1953 года переслал его письмо заместителю министра внутренних дел СССР, сопроводив униженно-робкой запиской: «Направляю Вам заявление Н. М. Лурье — на Ваше рассмотрение. О Вашем решении не откажите поставить меня в известность».

УМГБ по Одесской области под напором потока жалоб осужденных и их родственников было вынуждено вновь обратиться к делу о «космополитах». На этот раз даже создали экспертную комиссию по оценке степени опасности творчества одного из репрессированных — Н. Лурье. Членами комиссии были весьма уважаемые ученые из Одесского госуниверситета. Но ни один из них не владел языком исследуемых оригиналов. Назначенный управлением переводчик не был профессионалом. И все же эксперты признали, что рассмотренные ими художественные произведения не содержат сионистской пропаганды. Однако в выводах комиссии содержался упрек в национальной ограниченности, адресованный автору публицистических статей «Прекрасная культурная жизнь...»

и «Спасенные произведения в Одессе». Этого оказалось достаточно, чтобы 21 мая 1954 года появилось на свет заключение областного УМГБ: «...осуждены правильно. Ходатайство о пересмотре дела оставить без удовлетворения».

Казалось, лагерному периоду воспитания Муз не будет конца. Лишь 27 декабря 1955 года Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, приняла постановление о прекращении дела и освобождении всех девяти одесских «космополитов». В качестве основания комиссия избрала статью 204 пункт «б» УПК РСФСР — «за недостаточностью улик». Дескать, не столько репрессированные невиновны, сколько следователи были недостаточно прилежными.

Обоснование реабилитации было шатким и ненадежным. Оно напоминало старый прогнивший деревянный мостик, перекинутый над бездной: один неверный шаг — и ты в пропасти. Процесс воспитания Муз продолжался и после освобождения их служителей из-под стражи.

ПОМИНКИ ПО ВОЖДЮ

Язычникам и не снились такие жертвоприношения, какие совершались в дни похорон Сталина. К его гробу легли не только тела людей, раздавленных толпой на московских улицах. К его гробу возложили еще и сотни искалеченных человеческих судеб. В мартовские дни 1953 года через органы госбезопасности проследовали в лагеря новые жертвы. В Одессе ими стали в основном евреи. В архивно-следственных делах этого периода поражает контраст между ничтожностью поводов для ареста и жестокостью мер так называемой социальной защиты.

1

Группу ведущих специалистов НИИ «Черноморпроект» арестовали 9 марта 1953 года. До этой траурной даты компромат на них покоился в соответствующем месте около четырех лет. Еще в сентябре 1949 года из допросов заключенных чекистам стало известно, что проектировщики из Одессы, пребывая в московских командировках, имели неосторожность поинтересоваться у своих столичных коллег деятельностью израильского посла в СССР. Этот эпизод и лег в основу обвинения Л. Г. Вайнруба, А. Б. Глазмана и М. И. Дубина в еврейском буржуазном национализме.

В постановлении на арест утверждалось, что перечисленные лица «ведут агитацию антисоветско-буржуазно-националистического характера, возводят клевету на политику партии и пра-

В очерке использованы материалы архивно-следственных дел № 4985-п и № 5172-п

вительства, распространяют... антисоветские анекдоты» (статьи 54-10 часть 1 и 54-11 УК УССР). Впрочем, три месяца спустя следствию пришлось признать, что никакой организации не существовало, а просто трое приятелей изредка обменивались между собой впечатлениями о передачах радиостанций «Голос Америки», «Би-би-си» и «Голос Израиля». К делу приобщили «вещественное доказательство» — обыкновенный радиоприемник с комнатной антенной, вмонтированной в портрет А. С. Пушкина (не дух ли вольнолюбивого поэта помогал «преступникам» преодолевать помехи, создаваемые «глушилками»?).

Сотрудникам органов госбезопасности было хорошо известно как содержание иностранных передач, так и их небезосновательность. Поэтому для них не составило труда установить тематику бесед трех приятелей: отсутствие в СССР свободы слова, печати, вероисповеданий, наличие ограничений при зачислении в вузы еврейской молодежи, обусловленность решений кадровых проблем и вопросов о заграничных командировках знаменитой пятой графой в анкете...

Все это в органах именовали клеветой, а «клеветников», возводивших «напраслину» на компартию и советское правительство, обвиняли по статье 54-10. После нескольких суток допросов заключенные, изнемогая от вынужденного бодрствования, подписывали все, что им предлагали. Отыскались и свидетели обвинения (их оказалось около десятка, и все они после суда из свидетелей перекочевали в новую группу обвиняемых). Лишь единицы, подобно инженеру И. Е. Калишу, отказались подтвердить «преступный характер поведения» своих коллег и при первом «удобном» случае подверглись увольнению из НИИ.

В судебное заседание свидетелей защиты не приглашали, служебные характеристики обвиняемых проигнорировали. Заглянем в них хотя бы сегодня — пусть с большим опозданием.

О почетном работнике Морского флота СССР Михаиле Дубине, например, говорилось: «При его непосредственном участии и руководстве спроектирован ряд крупнейших судоремонтно-судостроительных заводов Черноморско-Азовского бассейна. Являлся главным инженером комплекса проектов для Румынской На-

родной Республики. Обладает очень хорошей теоретической подготовкой и эрудицией... выполнял наиболее сложные части проектов лично. Имеет склонность к исследовательской и преподавательской работе».

Из аналогичного документа о старшем инженере НИИ, ленинградце-блокаднике, награжденном медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», Абраме Глазмане узнаем: «Следит за применением новинок техники — как отечественных, так и иностранных. Смел в решениях... Работает быстро... Специализировался в области проектирования судоподъемных сооружений. Имеет несколько печатных работ по вопросам судостроения. Инициативен...» К характеристике приложено дополнение: подготовил к печати монографию «История мореплавания Российского флота в XVIII веке».

Положительно охарактеризован и Лев Вайнруб. Все трое, конечно же, принимали участие в общественной работе.

Таким людям ордена бы давать. Дали сроки.

23—25 мая 1953 года линейный суд Черноморского бассейна и Дунайского пароходства приговорил каждого из научных сотрудников к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в правах на 5 лет. Кассационные жалобы Верховный суд УССР оставил без удовлетворения.

«Сроки» капитан-инженеры тянули в исправительных колониях Одесской, Запорожской и Сталинской областей.

Три года спустя после оглашения приговора, 26 мая 1956 года Комиссия по расследованию дел на лиц, отбывающих наказание... приняла решение об освобождении бывших специалистов НИИ «Черноморпроект» «за нецелесообразностью дальнейшего содержания в заключении». Реабилитация состоялась 21 июня того же года по постановлению пленума Верховного суда СССР.

О проблеме целесообразности судебные власти вспомнили поздно. По сведениям, полученным от бывших коллег реабилитированных, все трое недолго жили после освобождения. Михаил Дубин и Абрам Глазман умерли в Одессе, Лев Вайнруб — в эмиграции.

Вот так.

Что имеем — не храним...

2

Корректора газеты «Защитник Родины», мать двухлетнего ребенка Ольгу Иосифовну Трипульскую арестовали 25 марта 1953 года, за два дня до принятия Президиумом Верховного Совета СССР Указа «Об амнистии».

Ольга Трипульская после ареста

До сей поры ей везло. Круглую сироту-малолетку удочерили добрые люди. Из блокадного Ленинграда семнадцатилетнюю Ольгу вывезли в Сибирь, в Омске девушка получила высшее образование, вышла замуж по любви и родила сына, переехала на жительство в Южную Пальмиру и даже устроилась здесь на работу... Впрочем, последнее обстоятельство вряд ли отнесешь к числу везений...

Природная доверчивость помешала молодой женщине разглядеть за внешней доброжелательностью истинное к ней отношение со стороны ветеранов корректорской. Организацию соревнований на скорость правки газетных полос она принимала за искреннее желание своих новых подруг совершенствовать ее профессионализм. А те ждали, когда же новенькая допустит крамольную опечатку, за которую нежеланную коллегу в лучшем случае вышибут из редакции. Не дождавшись скандала, зараженные вирусом антисемитизма женщины принялись провоцировать Ольгу, затевая разговоры на политические темы. О каждом опрометчиво оброненном слове «пришелицы» докладывали заместителю редактора. Тот отсылал «оперативки» в органы госбезопасности.

Поступившие в распоряжение следователя составляющие компромата на О. И. Трипульскую были на уровне сплетен дворовых кумушек. Из них ему предстояло слепить обвинение по статье 54-10 УК УССР (антисоветская пропаганда). Сделать это было непросто, и ведущий дознание прибег к испытанному при-

ему: на первом допросе, сразу же после ареста, он предложил растерянной женщине добровольно рассказать о совершенных ею преступлениях. Та ответила: «Я не подозреваю за собой вины».

«Однако вы оказались арестованной», — выложил свой железный аргумент следователь, уверенный, что среди арестованных не бывает невиновных. А Ольга Иосифовна по-прежнему не могла припомнить за собой никакого преступления. И ее для освежения памяти отправили на трое суток в тюремную камеру. Когда же и это не помогло, на втором допросе заключенной предложили рассказать о том, как она провела день 5 марта 1953 года, когда по радио объявили о тяжелой болезни Сталина.

Ольга послушно стала перечислять события того дня. Перед уходом на работу она заглянула на несколько минут к соседке, чтобы поздравить ее шестилетнюю дочку с днем рождения и вручить подарок... Следователь прервал исповедь — дальнейшее его не интересовало. Он констатировал: «посещение именин в столь тяжелое время для страны характеризует вас в политическом отношении». А Ольга-то полагала, что этот поступок характеризует ее просто как добрую, внимательную, любящую детей женщину.

С точки зрения следователя, «политическую физиономию» Трипульской отрицательно характеризовал и тот факт, что она приняла в подарок от свекрови платье «из американской посылки».

И о своей маленькой соседке, и о подаренном платье Ольга Иосифовна рассказывала в корректорской...

Заложив фундамент для обвинения по политической статье, следователь провел очные ставки между заключенной и доносчицами, которые показали, что О. И. Трипульская некорректно отзывалась о внешности Г. М. Маленкова, что она считала излишним частое употребление в газете эпитета «гениальный», что она посмела усомниться в правдивости текста под фотоснимком: «Трудящиеся Риги скорбят о смерти вождя».

Раздавленная человеческой nepяpядочностью, Ольга Иосифовна признала себя виновной.

Для прочности обвинения к ее делу приобщили «вещественные доказательства»: свидетельство о браке на еврейском языке,

выписанное раввином, и брошюру с очередным докладом очередному съезду, на полях которой ее владелица при чтении поставила вопросительный знак.

20 мая 1953 года Одесский областной суд приговорил Ольгу Иосифовну Трипульскую к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах после отбытия наказания на 3 года. Верховный суд УССР ее кассационную жалобу отклонил. После многочисленных заявлений в высшие судебные инстанции президиум Верховного суда УССР 27 ноября 1954 года снизил срок наказания матери четырехлетнего ребенка до 6 лет заключения.

Наказание Ольга Трипульская отбывала в Карлаге МВД СССР. В 1956 году ее амнистировали. Филолог с высшим образованием, Ольга Иосифовна после освобождения из лагеря вплоть до выхода на пенсию утирала носы и сажала на горшки воспитанников детского сада.

23 апреля 1990 года она наконец подала в прокуратуру УССР просьбу о реабилитации, которую удовлетворили только через три года. 4 июня 1993 года пленум Верховного суда Украины прекратил ее уголовное дело «за отсутствием состава преступления».

В марте 1953 года в органах госбезопасности поминали вождя соответственно его натуре.

Наследники

1

Беда нагрянула летом 38-го: арестовали отца, инженера с «Январки», ушла из жизни мать, конфисковали имущество. В ту пору Анатолию Суроедову едва исполнилось 14 лет. Жил как в бреду. Кто-то из одноклассников назвал его сыном врага народа, кто-то заступился: «Дети за отцов не отвечают».

И то, и другое было ложью. И отец врагом не был, и сын за все оказался в ответе — попробуй поживи, когда у тебя ни кола, ни двора. Школу бросил, пристроился на отцовский завод подсобным рабочим. Перебивался кое-как. Совсем неумогу стало во время оккупации Одессы, и семнадцатилетний Анатолий завербовался на работу в Германию: обещали «солидный заработок» и «цивилизованный образ жизни». Вскоре понял, что вляпался сдуру. Однако деваться было некуда: из лагеря в шахту и обратно водили под конвоем с озверевшими овчарками, кормили впроголодь.

По ночам, лежа на нарах, мечтал, как назло всем врагам построит собственный дом, заведет семью — такую, какая была у него с отцом и матерью, никому не даст в обиду своих сыновей...

На чужбине Анатолий нутром почувствовал: родина остается родиной, какая бы власть ею ни правила. И когда лагерь освободили войска союзников, он не попытался «открыть Америку», а перешел в советский фильтрационный лагерь, откуда его передали в Советскую армию. На службе жизнь подарила ему наконец-

В очерке использованы материалы архивно-следственных дел № 24675-п и № 25235-п

то настоящего друга. Одновременно демобилизовались и вместе махнули на Дальний Восток, поступили на суда китобойной флотилии «Алеут». Пока дальневосточные кадровики изучали детали его биографии, Анатолий Суроедов успел побывать в двух экспедициях и жениться. Обнаружив среди родственников китобоя репрессированных отца и дядю, кадровики наложили запрет на заграничное плавание для «неблагонадежного» (Анатолию в который уж раз вспомнилось: «Дети за отцов не отвечают»).

Анатолий Суроедов
в начале 50-х

Чета Суроедовых переехала в Одессу. В пригороде купили недостроенный дом. Анатолий достраивал его своими руками — по выходным дням. В будни трудился на заводе «Запчасть» слесарем-наладчиком. Похоже, в жизни начиналась светлая полоса. К тому же упорно ходили слухи о благих переменах в стране, о секретном докладе Хрущева XX съезду, о «закрытом письме ЦК», содержание которого могло быть известно только партийцам. Желая узнать побольше, Суроедов пристроил к своему приемнику «АРЗ» коротковолновый диапазон и из передач «Голоса Америки» узнал о том, что в Союзе оставалось тайной для простых смертных.

Постоянно давящая душу тяжесть свалилась, как мешок цемента с плеч. Наконец-то, ликовал Анатолий, во всеуслышанье — как там ни секретничай — объявили о преступлениях Сталина! И, опьянев от зарубежной информации, Суроедов не выдержал — рассказал товарищам по цеху о своем невинно расстрелянном отце.

Работяга не знал мудрого изречения древних римлян: «Что разрешено Юпитеру, то не позволено быку». Откровения первых лиц в государстве считались прогрессом в политике. Откровенность слесаря-наладчика — антисоветской агитацией. С подачи заводской партийной организации А. Л. Суроедов был арестован УКГБ по Одесской области 26 января 1957 года. Согласившись со следователем в том, что ошибся, вообразив наступление эры свободы самовыражения, заключенный наотрез отказался признать

себя виновным. Единственное, чего от него смог добиться ведущий дознание, — это подписи под заявлением: «Я был очень обижен за то, что мой отец был арестован в 1938 году органами НКВД».

25 апреля 1957 года Одесский областной суд приговорил Суроедова-младшего к 5 годам лишения свободы в общих местах заключения и поражению в правах после отбытия наказания сроком на 2 года. Мечта о семейном очаге не сбылась. Анатолия Суроедова снова ожидали нары в лагерных бараках.

Справка. Леонид Алексеевич Суроедов посмертно реабилитирован 27 мая 1957 года; его сын, Анатолий Леонидович Суроедов — 9 сентября 1991 года. Оба — за отсутствием состава преступления.

2

Для Александра Каширина родным домом была вся страна. Родом с Орловщины, он провел детство на Донбассе, в Казахстане по комсомольской путевке поднимал целину, заготавливал лес в Хабаровском крае... Но и этого показалось мало: осенью 1956 года отправился, по примеру русских писателей, пешком с севера на юг, из Риги в Одессу — из окна поезда много не увидишь, еще меньше поймешь. А ему хотелось, как говорил поэт, «дойти до сути». Видно, унаследовал от отца характер правдолюбца, который, собственно, того и погубил в 1938 году.

Из справки следователя УКГБ по Одесской области: «Каширин Яков Иванович был осужден на основании показаний... о том, что на беседе, проводимой агитатором,... высказал свои сомнения по поводу выставленных кандидатур, указав, что он их не знает, при этом заявил, что Троцкий и Бухарин были тоже советскими людьми, а потом стали врагами».

Тройка при УНКВД по Сталинской (ныне Донецкой) области тогда же постановила: заключить слишком любознательного избирателя на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь, где он не протянул и трех месяцев, а год спустя, 4 июля 1939 года, УНКВД, отправившее Якова Каширина погибать в лагере, приняло новое решение: освободить его от отбытия наказания «за

отсутствием состава преступления». Такое не забывается — проживи хоть сто лет.

Вдова «освобожденного», дабы прокормить четверых сирот, пошла в шахтеры. После аварии осталась инвалидом. В голодные послевоенные годы попыталась с помощью Александра заняться коммерцией. Оба в 1949 году угодили под суд. Свое первое знакомство с местами заключения Александр Каширин назвал в своем дневнике «Сталинской академией».

В дневнике А. Я. Каширина (10 записных книжек) поражает точность наблюдений, зрелость суждений об увиденном и прочитанном, в нем просматривается несомненная литературная одаренность автора. Неординарность его натуры насторожила добровольных доносчиков с одесского автосборочного завода, где Каширин работал электриком. Один из них докладывал в УКГБ: Каширин «может влиять на окружающих... неплохо поет, слагает стихотворения». При этом молодой человек не скрывал своего отношения к действиям советского правительства.

Выстраданное мировоззрение наиболее полно отображено в записных книжках Каширина, ставших достоянием сотрудников КГБ. «Советский строй, — писал он, — это тот же крепостнический строй, только разница между прошлым и настоящим крепостническим строем состоит в том, что тогда народ закрепощали отдельные лица, а теперь закрепощает государство в целом». И здесь же: «России нужны преобразователи и реформаторы, без этих людей она вечно будет пребывать в обломовщине».

Мысленно обращаясь к правительству, Александр Каширин писал: «Я вижу очень много ошибок в вашем руководстве и ошибки эти главные, порождающие все пороки и преступления». Будет не лишним заметить, что к выводам, которые сделают первые лица в государстве 30 лет спустя, пришел человек с шестиклассным образованием еще в 1956 году...

23 марта 1957 года А. Я. Каширин был арестован УКГБ по Одесской области. Ни на одном из допросов виновным себя не признал, а когда его ознакомили с «показаниями свидетелей», вообще отказался общаться со следователем.

Александр Каширин
после ареста

В ответ следователь отправил строптивного заключенного в психиатрический стационар одесской тюрьмы № 1 на судебную экспертизу.

Признав испытуемого вменяемым, эксперты следующим образом охарактеризовали его личность: «самое большое развлечение для него — чтение... основное — это духовная жизнь»; Александр Каширин «до некоторой степени религиозен... старается оттенить свою преданность идеалу добра и справедливости, неустанную борьбу за свободу. Обосновывает свои высказывания ссылками на Советскую Конституцию».

В судебном заседании 10 июня 1957 года Каширин потребовал открытого слушания дела и дал отвод назначенному для его защиты адвокату, находя его присутствие формальным. И в том, и в другом подсудимому отказали. И все же он сумел выстроить собственную защиту. Он заявил: «Дневники — это моя внутренняя жизнь, за это судить меня нельзя... Все, что написано в дневниках, правда... Я всегда высказывал свои убеждения, старался их отстаивать. Это тоже не есть преступление».

В последнем слове Александр Каширин утверждал, что человеку следует предоставить свободу слова и печати. Одесский областной суд предоставил ему 5 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях и поражение в правах на 2 года после отбытия наказания. После «Сталинской академии» Александра Каширина отправили в «Хрущевскую академию» — в Мордовские лагеря. Очевидно, для повышения квалификации.

Так органы НКВД и КГБ вносили личный вклад в развитие диссидентского движения в СССР.

Справка. Александр Яковлевич Каширин реабилитирован 7 мая 1992 года прокуратурой Одесской области в соответствии со статьей 1 Закона Украины «О реабилитации...» от 17 апреля 1991 года.

Сказание о строителе коммунизма

Афанасий Андреевич Плешко родился на Одесщине, в селе Бакша Савранского района, в 1915 году. В детской памяти отпечатались разговоры взрослых о революции, о гражданской войне — рядом со страшными сказками. Отрочество запомнилось радостным, сытым. Оно совпало с полосой нэпа. В школе Афанасий оказался довольно толковым, смышленным учеником, и учителя советовали продолжить учебу. Сын крестьянина-бедняка, он получил высшее образование. И хотя в студенческие годы довелось-таки хлебнуть лиха, Плешко остался навеки благодарным советской власти за то, что вывела его в люди. После окончания Тираспольского пединститута Афанасий Андреевич учительствовал в родном селе.

«Сороковые-огневые» сделали из сельского учителя бойца: сначала — в партизанском отряде «Буревестник», потом — в войсках 3-го Украинского фронта. Там он стал коммунистом.

По окончании войны Афанасий Плешко попытался поставить на ноги родной колхоз. Не получилось. С чувством горечи уступил место председателя своему преемнику — к сожалению, не более удачливому...

Учительская работа лечила душевные раны. По свидетельству коллег по Бакшанской средней школе, Афанасий Андреевич был учителем «от Бога». Вскоре его назначили завучем, избрали секретарем школьной парторганизации, выдвинули в народные

заседатели. Савранский райком компартии доверил ему руководство кружками по изучению истории партии и политэкономии. Удачно сложилась и семейная жизнь.

Однако коммунист Плешко не умел быть счастливым в одиночку. Начиненный доверху опасной смесью идей марксизма-ленинизма и произведений русской классики, которую он преподавал юным бакшанцам, он мечтал о всеобщем материальном достатке, расцвете культуры. А для этого, по его глубочайшему убеждению, следовало как можно быстрее построить коммунизм.

«Что сделаю я для людей?» — вопрошал любимый герой Афанасия Андреевича, горьковский Данко, который вырвал из груди свое сердце, чтобы осветить в лесу дорогу соплеменникам. Учитель Плешко решил проложить путь в светлое будущее своими знаниями в сочетании с личным жизненным опытом. В 1952 году он начал работу над книгой «Теоретические основы коммунизма». Трудился истово. Три года спустя, подписав рукопись символичным псевдонимом — Алов, — отправил ее на отзыв в Академию наук СССР.

Ответа не последовало.

Второй вариант, исправленный и дополненный, был отослан в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Безрезультатно.

Последний, третий вариант Алов-Плешко представил на суд ученых из Академии наук УССР. И оттуда с ответом не торопились.

Сельский интеллигент не страдал избытком самоуверенности, хотя ему однажды и приснилось, что он — лауреат Ленинской премии. От научных работников он ждал советов, приглашения на учебу, критики... Но чтобы на выстрадавшие им идеи вовсе не обратили внимания, — такого он и представить себе не мог. И написал жалобу в ЦК КП Украины. Жалоба достигла цели: Институт экономики при АН УССР в лице трех своих сотрудников обратил, наконец, внимание на рукопись А. А. Алова. Уж лучше бы не обращал...

В партийные органы Одесщины поступило письмо в жанре доноса за подписью трех членов КПСС (ученые степени и научные звания не указаны), где «Теоретические основы коммунизма» име-

В очерке использованы материалы архивно-следственного дела № 23566-п

новались «многословной писаниной», «злобным пасквилем на государственный и экономический строй СССР»; в рукописи «цитаты из классиков марксизма-ленинизма служат маскировкой антисоветских и антипартийных взглядов», созвучных передачам «Голоса Америки» и «Би-би-си». Автор «вопиет о голоде в 1933 году, хвалит нэп. Допускает враждебные выпады против Сталина».

Летом 1956 года в одесском обкоме КПУ с Алова-Плешко взяли слово более не писать на политические темы, а в сентябре исключили из партии и как политически неблагонадежного уволили с должности завуча школы. Незадачливый теоретик умолял партийное начальство сжечь его рукопись, но ее передали в органы госбезопасности.

Ветерана Великой Отечественной войны арестовали 23 февраля 1957 года, в день Советской армии, этапировали в Одессу, где заключили во внутреннюю тюрьму УКГБ.

Афанасий Плешко
после ареста

В постановлении УКГБ по Одесской области о начатии следствия труд А. А. Плешко именовали «анонимным документом» (здесь всегда с подозрением относились к литературным псевдонимам), автор которого «заявляет о деградации советского общества, деградации производительных сил», чернит «достижения в области культуры», «восхваляет частную собственность» и «распространяет провокационные измышления о неизбежной гибели социализма».

На допросах А. А. Плешко признал свое авторство, которого никогда и нигде не скрывал, и продолжал настаивать на том, что социализму в СССР грозит гибель. Следствие начало готовить автора «Научных основ коммунизма» к заточению в «психушке»: его трижды — в апреле, июне и июле 1957 года — подвергали судебно-психиатрической экспертизе: в тюремном психиатрическом стационаре (одесская тюрьма № 1) и Центральном научно-

исследовательском институте судебной психиатрии имени проф. Сербского в Москве. Всюду признали вменяемым.

В акте экспертизы от 17 июня 1957 года комиссия ЦНИИ, изучив «Теоретические основы коммунизма» и личность их автора, впервые объективно оценила труд Алова. Судмедэксперты определили главную идею сочинения — предложение заменить колхозы коммунами, а рынок — потребкооперацией, и пришли к заключению, что в исследовании «не содержится каких-либо данных, которые бы указывали на наличие у испытуемого болезненных расстройств мышления, а выдвигаемые им положения об экономическом переустройстве не могут рассматриваться как бредовые идеи». В отсутствии парадоксов историю жизни Афанасия Андреевича Плешко не упрекнешь...

17 июля 1957 года Одесский областной суд признал строителя коммунизма виновным по статье 54-10 часть 1 УК УССР и приговорил к 5 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях, поражению в правах на 3 года после отбытия наказания, а также лишению права на медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Осужденный отказался подавать кассационную жалобу на приговор и только просил поскорее отправить его в лагерь из внутренней тюрьмы УКГБ. Прошение о помиловании подавала семья А. А. Плешко. В ответ получила отказ. Сам же репрессированный в письме в Центральную контрольную комиссию при ЦК КПСС 29 июля 1959 года заверял партийных лидеров в том, что, несмотря ни на какие испытания, он по-прежнему остается коммунистом-ленинцем.

5 января 1960 года судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда УССР изменила приговор Одесского областного суда, снизив коммунисту-ленинцу срок наказания до 3 лет заключения в ИТЛ без поражения в правах.

Реабилитировали А. А. Плешко только 11 августа 1989 года (еще при социализме). Пленум Верховного суда УССР прекратил его уголовное дело по статье 6-й, пункт 2-й УПК УССР за отсутствием в действиях строителя коммунизма состава преступления.

Именной указатель

Ф. И. О.	Страницы	Ф. И. О.	Страницы
Аболина Э. Вас.	129–133	Келлер И. Я.	24, 26
Аболина Э. Вл.	129–133	Кузоваткин В. Е.	73–80
Абрамовский Л. Я.	134–136	Литинский М. З.	73, 75, 79
Авраменко Е. И.	68–71	Лурье Н. М.	152–158
Алек (Сролюк) С. Б.	152–158	Макаренко И. Г.	73–80
Амбатьело Г. И.	48–51	Мерхер З. М.	152–158
Амбатьело К. И.	48–51	Милюкова П. Н.	115–125
Анатра В. Н.	14–19	Миндель М. И.	152–158
Анатра В. А.	7–14	Мухин В. А.	32–33
Арсеньев В. К.	36–39	Нуньес Хосе Эдрейра	146–151
Арсеньева М. Н.	39, 41	Петровский А. П.	81–101
Афанасьев И. И.	62–67	Плешко А. А.	170–173
Афанасьева Я. Л.	62–67	Пясецкий И. Н.	152–158
Баранова С. А.	55–61	Рахель Франциско Хуан	149–151
Баршап Р. П.	73, 75, 79	Романов Н. Ф.	73, 79
Бассарская Т. П.	115–125	Соловьев Г. М.	44, 46
Блажков Н. В.	137–145	Стадзило Н. В.	73, 75, 79
Богданов-Арсеньев А. К.	36–43, 47	Стахович Т. А.	79
Богданов-Арсеньев М. А.	43–46	Стахович Ю. М.	
Бопп А. Н.	24, 26	(он же Визенберг С. М.)	76–79
Бопп (Суслич) Г. Н.	20–26	Суроедов А. Л.	165–167
Бопп И. Х.	24–25	Ташлицкий Х. Л.	152–158
Бопп (Суслич) Р. В.	20–26	Ткаченко С. Д.	115–125
Бопп Х. Г.	25	Трипульская О. И.	162–164
Булат Н. Л.	73–74, 79	Турин А. Н.	72–77, 79
Вайнерман Х. А.	152–158	Туцевич В. В.	27–31
Вайнруб Л. Г.	159–161	Урих Г. Ф.	24, 26
Глазман А. Б.	159–161	Урих Ф. Г.	24
Грицюта А. И.	73, 80	Фишерман Б. И.	73, 79
Добровольская-		Хейфец Х. Л.	152–158
Амбатьело А. И.	48–54	Шардт И. И.	24
Друкер И. Х.	152–158	Шаф В. Я.	24
Дубин М. И.	159–161	Шепетовский М. Р.	73, 79
Заборовский С. М.	73, 75, 79	Шмальц Х. А.	24–25
Зарицкий Ю. К.	73–74	Штейн А. П.	24
Ивио А. В.	126–128	Штейн Е. Я.	25
Ионкис С. А.	73–74, 80	Штейн П. М.	25
Каширин А. Я.	167–169	Янке-Глушкова А. Ф.	102–114

Содержание

А. Беньковская, Л. Ковальчук. <i>De profundis</i>	3
От автора	6
«Бывшие люди»	7
1. Новая притча о блудном сыне	7
2. История Золушки, утратившей принца	14
Анатомия подлости	20
Комментарии к письму Владимира Короленко	27
Арсеньевы	34
Дело о шпионаже	48
Польское дело	55
Однополчане маршала	62
Выдвиженка	68
Укрощение строптивых	72
Двойная игра	81
1. Накануне оккупации	81
2. Первый арест и вербовка	87
3. Год в подполье	91
4. Немного о морали	94
5. Перед концом	98
Еще о бадаевцах	102
Падчерицы Родины	115
Анка	126
Мать и дочь	129
Паренек из Дальника	134
Свободный художник	137
На перепутьях истории	146
Воспитание муз	152
Поминки по вождю	159
Наследники	165
Сказание о строителе коммунизма	170
<i>Именной указатель</i>	174

ФАБИАНСКАЯ Вера Александровна

Очерки о репрессиях 20–50-х годов

Редактор

Е. М. Лобач

Оригинал-макет

С. Б. Кобринская

Корректор

Е. Л. Майорова

Подписано в печать с оригинал-макета 22.12.2003

Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура «Respect Narrow»

Печать ризографическая. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 9,14. Тираж 200 экз. Зак. №

Изготовлено в типографии издательства «Друк»

ул. Канатная, 83, офис 208, Одесса, 65107